

ІНШІ ТВОРИ

THE LIBRARY

ИЗ ПОСЛАНИЯ К ПРИЯТЕЛЮ В КИЕВЕ

при посещении университета св. Владимира А. С. Норовым

„В великий день Бородина
Судьба его хранила, —
Чрез чуждые там племена
Невидимая сила.
В наш древний Киев привела
Блюстителем науки,
Которой друга в нем дала...
„Развязывая руки“,
И скромный „ум“ —
Для высших дум,
Язык для речи, —
При первой встрече
Его слова, и суд и взгляд
О мудрости там говорят,
Что труд по-своему измерит
Тщеславным крикам не поверит...“

ОПОЛЧЕНИЕ КОЗАКОВ

(1855 — Полтава)

Відкіля се гвалт піднявся?
Курявою дим узявся?...
Щось і дзенька, щось і сяє...
По Україні гасає...
Се козацький дух піднявся,
Мов із-під землі десь взявся,
І з шаблями, і з списками,
І на конях, і з чубами...

Се надивовижу сталося;
Бо було вже й забувалось...
А як ворог розкрутився,
Мовив цар, козак з'явився!

Харьков, 5 июня 1855.

УКРАИНСКИЕ НОЧИ

Помню: тихо, величаво,
Лучезарно - весела,
Над Украиной плыла,
В облачке злато-кудрявом,
Полуночная луна.
И над лугом благовонным,
И над лесом будто сонным,
И на небе тишина...
Как роскошно и светло
Небо в озере легло!
Как блестит на вышине,
Как горит во глубине...

Но как будто в роще робкий шелест?
И померкла разом неба прелесть,
Для меня все звезды потемнели —
Нет! земные две звезды горели:
То в тени роскошной ночи
Черные горели очи.

КРИТИЧНІ РОЗПРАВИ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

RECEIVED

APR 11 1964

FROM THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

540 EAST 57TH STREET

CHICAGO, ILL. 60637

U.S. DEPARTMENT OF AGRICULTURE

LIBRARY

1400 MARKET STREET

PHILADELPHIA, PA. 19104

КНИЖНИ ПОДВАР

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

СОФИЈА

БИБЛИОТЕКА

НА НАЦИОНАЛНА АКАДЕМИЈА НА БУКВАТА

СОФИЈА

БИБЛИОТЕКА

НА НАЦИОНАЛНА АКАДЕМИЈА НА БУКВАТА

СОФИЈА

ЗАМЕТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЮЖНОРУССКОГО ЯЗЫКА

Передмова до „думок і пісень“

Южнорусский язык, которым говорили наши первые летописцы, как бы в ковчеге от потопа времен уберегшие завет прародителей Русского царства к потомству, южнорусский язык, на котором отцы наши воспевали в думах своих жизнь и славу Южной Руси, этой священной колыбели могучего царства, язык, на котором, вероятно, звучали речи князей Киевских, прародителей наших царей православных, которого слова и выражения и доныне звучат в святом писании. Южнорусский, говорю, язык со дня на день забывается и молкнет и придет время забудется и смолкнет...

И слова его только, может быть, в заунывных песнях долетят к потомству... и слова его найдет потомство в темных для себя местах летописи, подивится этим родным незнакомцам, назовет их недосмотром переписчика — и исправит...

Но может быть и то, что в эпоху пренебрежения южнорусского языка, любовь к нему проснется. Кто же соберет, как добрый сын прах отцов своих, исчезающие останки южнорусского слова. Они рассеяны от Вислы до Кубани.

Уже светлое внимание правительства и просвещенных мужей звездою благовестия засияло над миром Словении и ни одна черта народности не изгладится, ни одно здание языка не разрушится, ни одна православная мысль не умрет бесплодно в этом мире. В журнале, столь деятельном в подвиге утверждения основательного просвещения в нашем отечестве, уже положены начатки южнорусского языка, и, вероятно, эти начатки — начало, а не конец наших отечественных исследований по этому предмету (см. журнал министерства Народного Просвещения. 1838).

ЗАМЕТКА I

Нежный запах цветов, игривую живость красок, сладостный голос соловья, кто их опишет? Кто это опишет, изобразит, выразит, тому разве можно испытать свои дарования на описании

мелодии одного из человеческих языков, потому что в ней столько же непередаваемого, неуловимого, невыразимого, как и в благоговении цветка для не обонявших его, как и в живой игре красок для не видевших ее, как и в соловьином пении для не слышавших его...

Не имею намерения знакомить с доброгласностью южнорусского языка людей его не слышавших и с его мелодией неизвестных; высказываю только замечание, которое, вероятно, удалось сделать всякому, кто пригляделся к произношению северных южноруссов. У северорусса при выговоре слов заметно напряжение губных мышц и сжатие рта, отчего звуки, так сказать, процеживаются и запечатлеваются, особенною силою и резкостью, имеющею, впрочем, при чистом произношении свою приятность; у южнорусса, напротив, звуки вольно и небрежно несутся и льются с волною воздуха из отверстого рта, и оттого то особенная мягкость и нежность, и напев, свойственный его произношению. Вот почему великорусс любит гласную *е*, произносит согласную *в* как несродное словеноцерковному языку *ф*, гласной *ы* придает звук дебелый и т. п. Южнорусс, напротив, не терпит ни гласной *е*, как произносят ее в Великоруссии, ни согласной *ф*; гласные *ы* и *и* произносит мягко и открыто, согласную *в* почти как *у* и т. п. Не заметно ли при всем этом климатического влияния студенного севера и теплого юга?

Отчего же ложное в Великоруссии понятие о грубости украинского или галицийского выговора? Или оттого, что об этом выговоре судили по буквам, не зная, что южнорусс, украинец или галичанин никогда не произносит этих букв так, как произносятся они в Великоруссии; или оттого еще, что слова, выговариваемые не так, как мы привыкли слышать их с детства, кажутся нам чем то неправильным, уродливым и смешным.

Хотя сравнение не доказательны, скажем, однако ж, для пояснения нашего понятия о доброгласности южнорусского языка, что, если польский язык, по своему щебетанью и бренчанью, по этому бржменю, подходит в устах прекрасной польки к арфе, гитаре, гуслиям, и северорусский резкостью своих тонов подходит то на скрипку, то на кларнет, то язык южнорусса своей мягкостью и негою похож то на виолончель, то на флейту, и общею мелодией приближается к словеноцерковному, который звучит величественным органом.

ЗАМЕТКА II

Но что такое южнорусский язык — кто говорит на нем?

Название языка южнорусского, югозападного русского (т. е. малорусского и червонорусского, или украинского и галицийского), во многом отличного от русского, северо-восточного русского

(т. е. великорусского), по справедливости принадлежит тому языку, которым говорят: в южной России губернии — Киевская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, часть Воронежской и Херсонской, земля Войска Черноморского, губернии — Подольская и Волынская, часть литовских губерний — Виленской и Гродненской, и почти вся Галиция; словом, название южнорусского языка должно быть присвоено тому языку, которым говорит более 10.000.000 словен, живущих на юге России, и на котором песни поются даже в самой Польше. См. Schaffarik's Geschichte der Slawischen Sprachen und Grammatik der Ruthenischen oder Klein Russischen Sprache in Galizien v-on J. Lewizki (Vorrede).

Оттенки наречия червонорусского не важны, и почти все состоят: в употреблении местоимений — *мя, ты, ся, ми, ти, си*, *вм. мене, тебе, себе, менѣ, тобѣ, собѣ*; в отделяемости прилагательного местоимения *ся* — *ся* взять, *вм. взяться, ся* забарить, *вм. забаритися* и т. п.; в опущении *ть*, в 3 лице единственного числа настоящего времени, в глаголах на *ся* — *вкрывася, вм. вкрываться, двигаеся, вм. двигаться* и т. п. Все эти свойства придают языку червоноруссов много нежности, и могли бы быть с пользою введены в язык малоруссов. Сверх того, галичане или червоноруссы говорят *ней* и *нех*, *вм. нахай* и *хай*: гласные *а* и *я* в некоторых местах Галиции произносятся почти как *э*; в глаголах, кроме обыкновенных южнорусских прошедших простых времен (*знав, знала, знало, знали*) употребляется еще (но не в песнях), по примеру языков польского и словеноцерковного, сложные — *знал емь, зналам, зналом, знал есь, зналась, зналось, знал, знала, знало, зналисмь, зналисте, знали*.

ЗАМЕТКА III

О правописании южнорусского языка заметим, что оно еще не установилось: одни придерживаются правописания великорусского языка или словеноцерковных книг; другие стараются выражать произношение слов южнорусского языка буквами, следуя выговору их в Великоруссии. Мне кажется, что самым удобным был бы средний путь, при котором правописание намекало бы на корень слов, но и не затрудняло бы ни пишущего, ни читающего многочисленностью своих правил и исключений.

Иначе: или, слишком привязываясь к корням слов, можно затемнить их произношение и правописание сделать неопределятельным и сбивчивым для простых людей, которые пожелали бы ему следовать, или, забывая вовсе о корнях слов и уничтожая приобретший известность историческою давностью образ их, можно эти слова для самого южноруса сделать родными незнакомцами, и привести в заблуждение тех, которые, зная великорусский выговор букв, вздумали бы читать по-южнорусски и при этом судить о мелодии языка.

Ученые и литераторы, оказавшие южноруссам услуги теоретическою или практическою разработкою их языка, как осуществители различных правописаний, по мере отступления от правописания словеносербо-славянских книг, представляются в такой последовательности:

Левицкий (в *Grammatik der Ruthenischen Sprache*), Максимович (в украинских народных песнях), Котляревский (в *Перелицьованій Енеїді і в Наталці-Полтавці*, где издатель Срезневский отметил *й* (*ji*) острое от *и* (*y*) простого, Срезневский (в *Запорожской Старине*), Бодянский (в *Наських казках*), Артемовский-Гулак, Основ'яненко и Гребенка (в разных сочинениях), — Павловский (в *Грамматике малороссийского наречия*). Вацлав з Олеска выражал южнорусские слова буквами польского алфавита (см. *Pieśni ludu galicyjskiego*); южноруссы, не наблюдающие никакого правописания, ставят везде *ъ*, где только произносится острое *й* (*ji*), *и*, большою частию *и*, где произносится простое *и* (*y*).

ЗАМЕТКА IV

Вот несколько слов, написанных по системам различных правописаний, придуманных для южнорусского языка, а именно: 1. по правописанию — Максимовича, 2. Котляревского (как оно улучшено в издании его *Наташки-Полтавки*), 3. Издаваемых *Думок и Писень*, 4. Срезневского, 5. Артемовского и других (великорусского выговора букв).

1. Кончили сѣяньє. Вѣл зѣльє вже не ѣсть: вѣн по колѣни в сѣнѣ. Бери вѣвцю в сѣни, та й старайся об неї, як об сынѣ. На товстом вязѣ и на липѣ, що в лѣсѣ, мов сребным, снѣги бѣлѣються.

2. Кончили сѣяньє. Вѣл зѣльє вже не ѣсть: вин по колѣни в сѣнѣ. Бери вѣвцю в сѣни, та й старайся об нѣй, як об сынѣ. На товстѣм вязѣ и на липѣ, що в лѣсѣ, мов срібні, снѣги бѣлѣються.

3. Кончили сѣяньє. Вѣл зѣльє вже не ѣсть: вѣн по колѣни в сѣнѣ. Бери вѣвцю в сѣни, та й старайся об нѣй, як об сынѣ. На товстом в'язѣ и на липѣ, шчо в лѣсѣ, мов срібні, снѣги бѣлѣються.

4. Кончили сѣяньє. Вѣл зѣльє вже не ѣсть: вѣн по колѣни в сѣни. Бери вѣвцю в сѣни та й старайся об нѣй як об синѣ. На товстѣм вязѣ и на липѣ, що в лѣсѣ, мов срібным, снѣги бѣлѣються.

5. Кончили сѣяньє. Вѣл зѣльє вже не ѣсть: вин по колѣни в сѣни. Бери вѣвцю в сѣни та й старайся об нѣй як об синѣ. На товстѣм в'язѣ и на лыпи, шчо в лѣсѣ, мов срібні, снѣги бѣлѣються.

ЗАМЕТКА V

К слову о правописаниях. Не удивительно ли, что правописание в древнейших списках словеноцерковных летописей и других книг во многих случаях так, смею сказать, приспособляется к свойствам южнорусского языка, что иногда приходит на мысль: уже не для этого ли именно языка оно и придумано?

а. Между тем как у великоруссов буквы *е* и *ѣ* произносятся всегда одинаково, и следственно одна из них зашла в великорусский алфавит без призыва существенной надобности, случайно, — в языке южнорусса, напротив, буквы *е* и *ѣ* произносятся всегда различно, а именно: первая произносится за простое *э*, исключая свойственного языку словенина *изошрения* в начале слова и после гласной, где она переходит в острое *е* (*је*), где только писалось и пишется в словеноцерковных книгах и в летописях. Так, напр., пишется — *сѣйте, дѣлите, гнѣзды* и т. п.; произносятся по южнорусски — *sijite djiljite hnizdy* по великорусски *sjejite djeljte hnozdy*.

б. В старинных рукописях и в старопечатных книгах находим: *яснаа, чистаа* и т. п. Хотя требование *изошрять* гласную, следующую за гласною, не позволит ни одному из словен произнести второе „а“ без *изошрения*; но южноруссу легче всего обойтись без указания *изошрения* второй гласной, потому что он всегда *изошрит* даже начальную гласную всякого слова, перед которым другое слово оканчивается на гласную; так, напр. *Дѣвчина уродлива у рѣчки стояла лице умывала*, произносится (особенно в песнях): *дѣвчина юродлива ю рѣчки стояла, лице умывала*.

с. Южнорусс, для избежания неприятного стечения гласных, ставит в начале слов, начинающихся гласными „у“ и „о“, согласную „в“ и говорит: *вус* вм. *ус*, *воко* вм. *око* и т. п. В словеноцерковных книгах и в летописях пишется в таких случаях *оу* и *оу*; в Несторе, по списку монаха Лаврентия, часто *о* употребляется вместо *в*, и пишется *жоуть, Вольга* и *Шльга* и т. п.: не произносилось ли в древности *оу* и за *ву* и *во*.

ЗАМЕТКА VI

Каких изумительно остроумных правил не осуществил южнорусс в языке своем, чтобы довести его до благозвучнейшего течения.

Так, приятное для словенского уха *изошрение* гласной распространено в нем, как сейчас показано, на самые начальные гласные буквы всякого слова. Так, для соблюдения потребной для плавного произношения слов соразмерности между количеством гласных и согласных, в нем: то в начале слов на *у* и *о*

ставится согласная *в* (*ухо* и *вухо*, *оскома* и *воскома*), то в начале или в конце уничтожается гласная *о* (дин одним) *вм.* одним, *город* *вм.* *огород*, *гѣрки* *вм.* *огѣрки*) *робим* *вм.* *робимо*, *зробѣм* *вм.* *зробѣмо*), то гласная *у* превращается в согласную *в* и обратно (*утѣк* и *втѣк*, *у лузѣ* и *в лузѣ*, *у восени* и *в осени* *Украина* и *Вкраина*, *учора* и *вчора*), то гласная *у* вовсе уничтожается (*в тѣм* и *в тому*, *в густѣм* и *в густому*), то гласная *и* переходит в *ь* *пѣти* и *пѣть*.

Окончания прилагательных также подчинены законам благозвучности: по требованию слуха, говорится — *зелена* или *зеленая*, *зелену* или *зеленую*, *зелене* или *зеленее*, *зеленѣ* или *зеленѣй*.

В глаголах особенно замечательно по изобилию окончаний 3-е лицо единств. числа настоящего времени: *свѣти* и *свѣтитъ*, *каже* и *кажеть*, *спѣва*, *спѣвае* и *спѣваетъ*.

ЗАМЕТКА VII

Но в одной ли музыкальности, в одном ли благозвучном и благозвучном течении слова и все достоинство южнорусского языка? Если язык не в силах выражать человеческих мыслей, чувств и страстей, то не важны для нас ни его сладостная мелодия, ни его благозвучное течение.

Итак, заметим: при выражении какой бы то ни было страсти, какого бы то ни было чувства, южнорусс не встретит недостатка в родном языке своем. Гнев ли закипит в нем, тоска ли налетит на него, размягчится ли сердце его нежностью или он придет в шутиливо-веселое расположение духа — не встретит он недостатка в родном своем языке, взлелеянном не на безжизненной почве грамматики, но в поле брани и в разгаре мнѣния, на вольных пирах казачества и в разгульном быту гайдамаки, — языке, взлелеянном в тоскливых речах к родине бездомного скитальца на чужине, в песнях любви, разогретых пламенными поцелунками любовников, и в песнях разлуки, разогретых горячими слезами очей девичьих, в нежных и заботливых речах матерей к сынам, с которыми ежедневно готовились они расстаться надолго, надолго, если не навеки. О! угнетения и мучительства ляхов и татар обогатили южнорусский язык множеством проклятий так сильных, что мороз проходит по костям, когда слушаешь их... О! и доселе южнорусские мнѣтся, при разлуке с милым сыном, что он понесется от нее на смертное поле, с которого немногие возвращаются, — и горьость ее при этой разлуке тяжко-томительна, и душа порывается улететь из тела во след за милым сыном, и слезы не льются из очей, но, жгучие, пекут в сердце... И доселе разлука на Южной Руси также тяжка и любовь также пламенна на Южной Руси.

Из свойств южнорусского языка достойно особенного внимания его богатство на уменьшительные формы: *мати, матінка, матенька, матіночка, матунечка, матуся, матусенька, матусюсенька, — рідна, рідненька, ріднесенька, ріднесесенька, — Ганна, Галля, Ганночка, Галечка, Галенька, Ганнуся, Ганнусенька, Ганнусечка, — їсти, їстки, їсточки, їстоньки* и т. п. Относительно уменьшений собственных имен должно заметить, что иногда каждый из членов многочисленного семейства старается по-своему уменьшительным образом выразить имя маленького любимца, как бы полагая этим на него печать своей особенной нежности... Но кто бы подумал, что самые неокончательные наклонения глаголов можно изнежить уменьшительными формами. Мать маленького южнорусса не скажет про свое дитя, что оно хочет спать или спати, пить или пити, но скажет: *воно хоче спитки, спаточки, спатуні, спатунечки, спатоньки, спатусі, спатусеньки, — воно хоче питки, питочки, питунечки, питоньки, питусі, питусеньки* и т. п.

Этим свойством южнорусские неокончательные наклонения приближаются к существительным именам, в которые переходят они также в языках германо-индийских (см. Ворг. Ueber die Conjugations system etc).

Трудно найти язык, которому уступил бы южнорусский в живости рассказа, и это достигается множеством звукоподражательных слов, особенно глагольных междометий (*геп, гул, ляс, ляп, дзиз, дзень, трісь, блись, скік* и т. п.), не говоря уже об оживляющих рассказах, пословицах и ловких оборотах речи, которыми этот язык так изобилует. Еще заметим, что в языке южнорусса есть будущие простые, которых нет в языке великорусса и которые, вероятно, произошли от слияния неокончательных наклонений с лицами глагола *маю*: *жатиму, жатимешь, жатиме, жатимемо, жатимете, жатимуть*.

Еще следовало бы поговорить об изобилии в разбираемом нами языке сословов для выражения различных оттенков чувства и понятия; но для полного развития этого предмета потребно целое обширное сочинение, которого он и достоин. Вот какие с первого разу можно припомнить сословы глагола *идти* и *ходить*: *брести, бродить, чвалать, чимчикувать, швандять, дибать, човпати, копать* и проч., сословы глагола *говорить*: *казать, балакать, базікать, базувать, слезезувать, варнякать, паякать, калякать, балагурить, разтабарювать, дріботіть, цюкотіть, торохтіть, мимрить* и проч.

Прочтите песни южнорусса, если хотите знать, что язык его способен к выражению нежнейших душевных движений в самых нежных оттенках их; прочтите думы южнорусса, если хотите знать, что язык его может живописать и величественные явления естества, и народные волнения и свары, — может намекать

на неисповедимость божиих путей в событиях, может выражать и раздирающий нам сердце хохот отчаяния.

ЗАМЕТКА VIII

Южнорусский язык, сильный и нежный, доброголасный и благозвучный, давно ли произошёл? Верно по молодости своей он не заслужил еще от людей уважения...

Если правописание словеноцерковных книг подходит к этому языку, то значит, что язык, близко похожий на него, существовал во время святых отцов Кирилла и Мефодия, изобретателей или установителей для словенских языков азбуки, и не был ими оставлен без внимания... справедливость этого предположения обнаружена выше.

Если в языке южнорусса сходятся свойства разных и отделенных словенских племен, то значит, что этот язык не есть юный отпрыск одного из словенских языков, но что он возрос от общего с ними древнего корня и, черпая из этого корня один с ними жизненный сок, возрос самобытно, вздедеянный на родную жизнь, народными обстоятельствами... На это предположение вот несколько доказательств:

а) Прибавка в начале слов на гласную *о* согласной *в* (*воса* вм. *оса*) встречается в языках полабов и вендов, коих народность почти совсем стерли, наконец, немцы из круга человечества, и в простонародном чешском (*votecu* вм. *otecu*).

б) Прибавка в начале слов на гласную *у* согласной *в* (*вухо* вм. *ухо*) сохранилось в языках виндов и кроатов.

с) Выговор гласной за острое *и* (*i*) встречается в одном из сербских племен; выговор гласной *и* не за острое *йи* (*i*), а за простое *ы* (*y*), можно найти во многих словах языка сербского.

Если, как принял Шаффарик, словенские языки разнились уже и во время Кирилла и Мефодия, переводчиков священного писания на язык, называемый словеноцерковным, то можно принять, что южнорусский язык не был вовсе чуждым для этих переводчиков; иначе, как объяснить множество слов и грамматических форм южнорусского языка, находимых в языке словеноцерковном. Обратим внимание на грамматические формы, общие тому и другому языку: а) падежи существительных имен — сынови, сыне, Петре, воле, водо; б) двойственное число существительных имен — очима, плечима; с) винительный падеж множественного числа, сходный с именительным, и в предметах одушевленных — волы, коровы; д) изменение согласных — *г, к, х* — о языке, о друзе, о грѣсъ; е) падежи прилагательных имен — святей, о святем, о святѣй; ф) местоимения — мене, тебе, себе, мя, ты, ся, ми, ти, си; г) неокончательные наклонения — пити

и проч.); h) употребление вспомогательного глагола быть во втором лице единств. числа настоящего времени — зробишь еси, дурень еси и проч.

Замечательно окончание прошедшего времени в разных словенских языках. Возьмем, напр., глагол *писать*, то будет: в словеноцерковном — *писа*, в сербском — *писао*, в словацком — *писау*, в южнорусском, чешском, польском — *писав*. Какая постепенность удаления от мягкого звука юговосточных языков. Кроме принятого деления словенских языков на восточные и западные, не придется ли еще разделить их на северные и южные. Север и юг положили, кажется, заметную печать на жизнь, характеры и языки народов.

ЗАМЕТКА IX

Все ли южнорусский язык был в презрении — притчею во языцех. Все ли говорили на нем только те, которые иначе говорить не научились, — писали только те, которые иначе писать не умели. Нет!

Нет! В заветах наших отцов в ковчеге нашей славы, в исторических свидетельствах нашей законорожденности, словом, в наших летописях сильно и часто пробивается настоящий южнорусский язык как бы из-под коры языка мертвого, священного, словеноцерковного... Да и как не быть этому! Рассадник нашей православной веры и нашего народного образования — южнорусский Киев — был и местом жительства наших первых летописцев и, как язык жизни, язык южнорусский невольно врывается в их летописания, хотя они и предпочитали ему язык, которого величественные звуки возносили их к богу во время богослужения.

Заметим, что древнейший список Нестора, список Лаврентьевский, наиболее мог бы нам доставить южнорусских слов и выражений; но возьмем даже Псковскую летопись (см. издание Погодина. Москва. 1837), которая есть сокращение Новгородской, как и эта сокращение Киевской, и отметим (по указанию самого Г. Погодина) кое-что непонятное в ней без знания южнорусского языка. Из слов:

Спровадить, изволить волю (волити волю), гадать, истомный (изтомить), искардом (крадькома), нарова (наровы), кутній Украина (в смысле пограничной страны), наймит, в опасе (с предосторожностью), пакость, исполох и проч. Еще заметим, что и в этой летописи употребляется *з* вм. *с*, *в* вм. *у*, *у* вм. *в*, что в ней после *г*, *к*, *т*, *м*, *р* ставится *ы*, как и доньше в Южной Руси выговаривается (многих, гибель, самых, тых, товарищи. Киев) и после *ц* ставится *и*, как то: гонци, девици, немци и проч.

В Червонной Руси, равным образом как и в Малой Руси, тот же язык южнорусский употребляется летописцами, и одна из летописей,

недавно найденная в Галиции (см. Журн. Мин. Народн. Просвещения. 1838) и об'емлющая события 1498—1619, почти исключительно писана на этом языке. Вот несколько строчек для примера: (1619) „канцлера Жолковского взято, но без козаків войну точив; не хочу я з грязями войовати; нехай идуть до роли або свини пасти.— (1620) Королевич Владыслав був во Львови колы до Волох ихал, бо чекав на Сагайдачного гетьмана козацького: бо коли був у Варшаві у короля, і король йому мовив: ото я на твою опеку посилаю сина мойого. Того ж року гроші вгору пішли, що раз вище.— (1630) Гетьман Концепольський ходив за Дніпр козаків зносити, людей много зтратив, і сам ледви ся виніс, але предця гармати їм зоставив, і познав, що козаки“.

Но не только в Южной Руси, в Червоночуссии и Маломуссии, господствовал южнорусский язык и был принадлежностью как самого простого, так и самого высшего по образованию класса людей; южнорусский язык господствовал еще и в Русских землях, принадлежавших к польскому королевству, им говорили и при дворе великих князей литовских, и в знатнейших домах; на нем производились дипломатические сношения, на нем писались важнейшие государственные акты (доказательства на это можно отчасти найти в литовской метрике, которая хранится в Варшавском коронном архиве и из которой некоторые акты помещены в Сборнике Муханова). Да и не удивительно, если сообразим, что народонаселение Литвы все русское, кроме $\frac{1}{10}$ доли собственно литовского народонаселения.

Есть основания думать, что и самый польский язык лучшие свойства и богатство свое занял от языка южнорусского; потому что в то время, когда польские писатели мыслили и писали по-латыни, южнорусский язык был уже весьма образованным...

Оканчиваю мои заметки. Целью моей было не высказывать всего достоинства, всей важности, всех свойств южнорусского языка: это можно сделать только в полной его грамматике и в его словаре или идиотиконе, для которых желал бы и я приложить своих трудов лепту, если бы бог помог и люди мне в этом не возбрали; я имел целию остановить внимание ученого и неученого южнорусса на некоторых особенностях его слова, по которым это слово достойно большого и лучшего внимания и уважения, нежели каких оно удостоилося. Кто скажет, каким светом находка иного из языков, затерянных в могиле забвения, каким светом эта находка озарила бы неверный путь блуждающего филолога-философа. Кто взвесит, сколько светлых и прекрасных идей в будущих исследованиях человеческого слова должны померкнуть и исчезнуть по причине забвения иного из языков, тлеющих ныне в могиле презрительного невнимания. Если можем сохранить память хотя одного из народов земли

и не сохраним, и аще погибнет единый от малых сих, грех нам от бога великий.

Мене же, господа отци и братия, оже ся где описах, недописах, переписах, чтите, исправляя бога дела, а не кляните; книги бо ветшаны, разум же молод — не домысли.

Издатель А. Метлинский

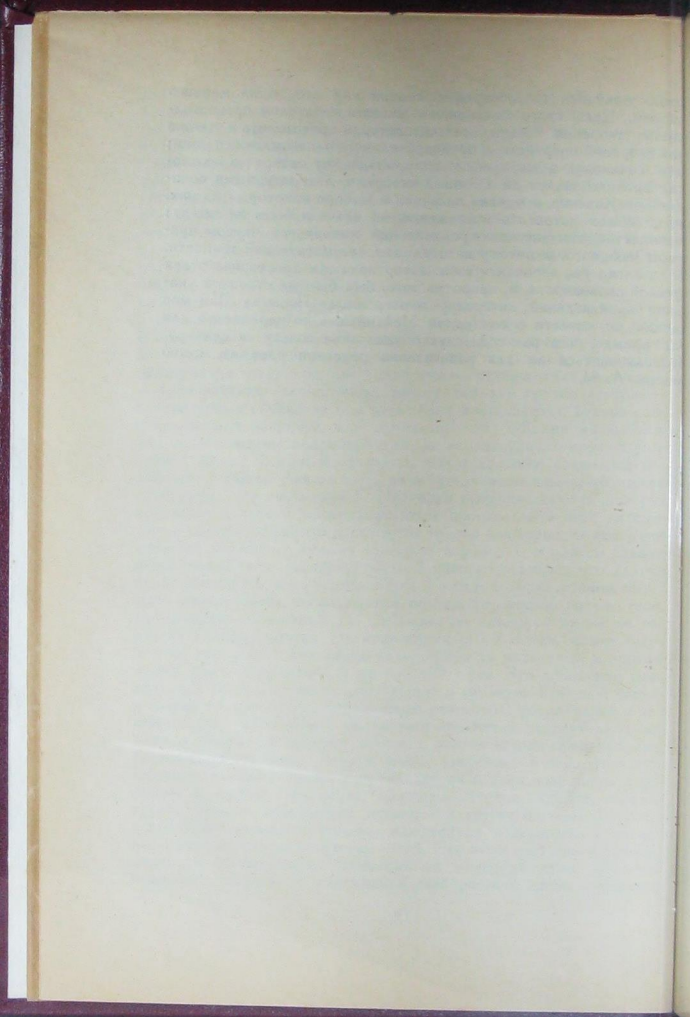
РЕЦЕНЗИЯ А. МЕТЛИНСЬКОГО

Dichterkanon. Ein Versuch die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen, nebst gedrängter Vorbereitung auf das Lesen der angeführten Schriften und Angabe der gewandesten deutschen Uebersetzungen. Von dr. Iohann Heinrich Neukirch, Kiew. 1853, стр. XXIV и 544.

Сочинение г. Нейкирха, Dichterkanon, по содержанию своему есть всеобщая история поэзии, полная по объему, заключающая в себе поэзию всех веков и народов древних и новых, и сжатая по изложению, вмещающаяся в одном томе. При всей сжатости изложения и обширности содержания, это сочинение отличается полнотою сведений о замечательнейших поэтах; этого можно было достигнуть только при совершенном устранении из сочинения всего менее замечательного, сообразно с предначертанным планом и целию автора. Цель автора этой книги не в исчислении бесчисленного множества всякого рода важных и неважных поэтических произведений, загромождающих магазины и наполняющих каталоги книгопродавцев и некоторые истории литератур, и не в изложении общих воззрений и объяснительных подробностей, нередко весьма полезных для изучивших эти произведения и бесполезных или непонятных для большинства читателей, но в указании лучших произведений превосходнейших писателей и объяснении идеи и содержания немецких изданий и переводов этих сочинений. Этот труд по справедливости должен быть признан одним из самых полезных сочинений для руководства читателей в изучении поэтических произведений. Ежели не подвержено никакому сомнению благотворное влияние поэзии на образование человека, то нельзя не признать также за неопроверженную истину, что это влияние обуславливается выбором поэтических произведений посредственных, которыми многие легко увлекаются в настоящее время, по причине множества вновь выходящих и быстро сменяющих друг друга литературных произведений, часто заманчивых только по своей новосте и не совсем бескорыстных хвалам небеспристрастных современников чтение поспешное и безотчетное, — не приносит пользы для истинного образования, даже вредит ему, поглощая то время, которое

можно бы употребить для изучения превосходнейших творений древних и новых писателей. Противодействовать чтению бесплодному и вредному и способствовать истинно-полезному его направлению можно только посредством легкого и удобного ознакомления читателей с литературными сокровищами различных веков и народов. К достижению этой цели как нельзя лучше приспособлено сочинение Г. Нейкирха, которое, как плод необыкновенной начитанности и основательно зрелого размышления, как труд самостоятельный и превосходно удовлетворяющий своей цели, должно занять почетное место в самой образованной литературе. *Dichterkanon* относится к поэзии в стихах и прозе, ко всей общедоступной, общезанимательной и изящной словесности, и по сжатости своей, по строгой разборчивости в указании поэтических произведений всех веков и народов, по изложению идеи и содержания этих произведений может быть незаменимо полезен для самого многочисленного круга читателей, желающих приступить к чтению поэтов, и для этого посвятивших себя изучению и преподаванию словесности, между тем как другие историко-литературные сочинения при всех своих достоинствах, будучи специальными, или обширны, или ограничиваются общими взглядами, или загромождены подробностями, не вполне удовлетворяют указанной цели. Как ни желательно, чтобы хорошие сочинения появились в нашей словесности на отечественном языке, но ежели сообразим, что сочинения Г. Нейкирха предназначаются для руководства в чтении превосходнейших произведений всех литератур, а произведения эти достигнуты только для знающих немецкий язык, по богатству лучших немецких переводов, и притом знание этого языка так распространено в нашем отечестве, что нельзя не предполагать его знание почти в каждом образованном читателе классических произведений поэзии, то должно согласиться, что издание сочинений Г. Нейкирха на немецком языке не составит большой потери для незнающих этого языка, может быть весьма полезно не для одних только русских читателей, и притом может быть переведено и на русский язык. Это сочинение разделяется на две части, вступительную и главную. В первой части, в форме изящного и одушевленного разговора, убедительно и занимательно излагается о различных предметах относительно поэзии, а именно: о понятии поэзии, о пользе чтения превосходных произведений поэзии. Вторая часть заключает в себе указание замечательнейших поэтов и произведений поэзии всех веков и народов, а именно: китайцев, индийцев, персов, арабов, евреев, греков, римлян, итальянцев, испанцев и других народов Европы, с краткими характеристиками, изложением содержания и указанием идеи поэтических произведений. При этом означены и лучшие переводы упоминаемых сочинений на немецкий язык. Впрочем подробное понятие о содержании разбираемого мною сочинения

можно получить из обозрения содержания его, приложенного автором. Цель этого сочинения — указать читателям превосходнейшие творения поэзии всех литератур, и приготовить к чтению этих творений посредством предварительного ознакомления с ними; идея сочинения и выполнение ее принадлежит автору; в частности воспользовался он лучшими историко-литературными сочинениями. Конечно, в оценке писателя и выборе некоторых из них, автор может встретить возражение, но иначе и быть не может: достоинство поэтических произведений измеряется вкусом чувством изящного, и потому не подлежит математической точности. Желательно бы, впрочем, чтобы автор изложил просторнее отдел русской словесности, и, напротив того, был бы еще строже в указании произведений литератур иностранных. Посылаю Вам мое мнение по совести о сочинении Нейкирха. Оно переписано для Вас прежде, чем разнесся слух о замечании совету за цензуру. Воспользоваться им для напечатания рецензии едва ли можно теперь. А. М.

ЛИСТУВАННЯ

ANTHONY

ЛИСТ ДО В. АНАСТАСЕВИЧА

Полт. 23 апр. 839, от 5 июня.
Через Срезнев

Страстная суббота месяц март.

Пане Анастасевичу!

Десь ти, пане, побіля моря, коли аж не за самим морем, ли-
онь, живеш, а ще частенько думкою в наш край залітуєш.
холодній стороні, а в серці тепленько, як про Вкраїну прові-
уєш. Ох, трохи тай дуже трохи таких вже позоставалось. Гине
ідна головонька, мовкне рідна мовонька. Гірко, гірко на серці як
одумаєш, що швидко батьківського слова син не зрозуміє.

А я отсе пустився хоч з вітром побалакати: скомпонував
нижку та і пустив на вітер в світ божий! Скажи лишень, будь
ласкав, пане, бо чоловік таки ти вчений і мову рідну і любиш
розумієш, бо я тебе з того, що ти до Срезневського Ізмаїла
писав, дуже полюбив і уподобав, скажи, кажу, будь ласкав пане,
чи отся таки книжка не зовсім буде нікчемна?

Щирий твій приятель
Метла — Могила

Амвросий Метлинский

Харьков
25 мар. 839

ЛИСТИ ДО МИХАЙЛА ПЕТРОВИЧА ПОГОДИНА

Приезжал к Вам, Михайло Петрович, поблагодарить Вас за
приятное и полезное, хотя и кратковременное знакомство.

Один из искреннейших почитателей Ваших

Амвросий Метлинский

Милостивый государь

Михайло Петрович!

Вспомните ли Харьковского библиотечарского помощника, посещавшего Вас и Ваши лекции года за два около этого времени? Наше кратковременное знакомство, приятное и полезное для меня во многих отношениях, прервалось моим отъездом в Харьков, хотя память о нем осталась в моем сердце.

Потом я же, библиотечарский помощник, вступил в ряды скудной армии южнорусских литераторов в виде „Издателя Думок и Песень Амвр. Могила“,—и если Вы не враг нашей литературы, то возьмите себе у Ширияева экземпляр помянутого сочинения в память сейчас означенного события; верно из десятка, посланного в Москву, лежит еще большая часть непроданных и нечитанных.

Потом вступил я в ученый свет магистрали политических наук с диссертацией „О цивилизации“, которую и поручил секретарю университетского совета доставить Вам при небольшом письмеце. Но вот от Вас ничего не получал,—исполнено ли не знаю. Если нет, и есть у Вас желание иметь ее, то уполномочиваю и даже прошу Вас, покорнейше получить экземпляр от того же Ширияева или А. Глазунова.

Теперь вот чему припишете и мою смелость беспокоить Вас, обозвавшись из Харькова, и приятный для меня случай поговорить с Вами, и, если будете так добры, услышать Вас. И. И. Срезневский, пишет, исполнил из данных от Вас поручений 2, а позабыл, помнится, 3; желал бы, вероятно, выполнить все, а потому просит Вас, через меня, написать ему (через меня же). Но какие из поручений ваших попали в число 3, и какие в число 2, неизвестно: итак необходимо Вам все 5 снова пересказать и может быть вздумаете еще чтонибудь прибавить. Получив от Вас письмо, постараюсь обо всем уведомить Срезневского немедленно.

Теперь для адреса письма Вашего, если будет оно, и подписи письма моего, которое сейчас читали, необходимо прибавить: (Российской словесности) Адъюнкт-профессор (Амвросии Лукьянович) Метлинский имеет честь засвидетельствовать Вам искреннейшее свое уважение.

24 апр. 1840 в Харькове

Милостивый государь

Михайло Петрович!

Письмо от Вас, слышал я, послано было через Ильинского, учителя гимназии; этого письма я до сих пор не получил и содержания его не знаю (аккуратность наших земляков). Посланное

30 сент. доставлено. Радуюсь Вашей находке, важной для Малороссии; надеюсь Вы скоро с ней нас познакомите в будущем журнале, которого ждем нетерпеливо.—Срезневскому передаю Ваш поклон и упрек за лень в переписке.—Письмо Бецкому передано. Не знаю, о каких делах его говорите, если о записках, то дела его идут хорошо—это один из самых хороших студентов.

Занятия мои кроме Университета, около Малороссии и Славянины. Пишу мало и браню себя за это. Не знаю, буду ли Вам полезен.—Постараюсь.

Года за два, по приезде из Москвы, толковал я с Черняевым Ваших книгах—он остановился на заветном числе 40 и нейдет дальше... Теперь тоже обещал (как и тогда) доставить мне вырванные деньги для пересылки Вам.—Прождал я почту, другую, исполнил раз и другой,—а дело все стоит на одном месте. Решился я писать и без денег, уверить Вас в своем искреннем чтении и благодарном воспоминании за московский прием.

Не откажите и Вы, если не будет Вам в тягость, поторопить Гиряева и Андр. Глазунова о высылке мне вырванных за *Думки* *Рассуждения о Цивилизации* денег. Поручая себя Вашему расположению остаюсь преданный Вам душевно

Амвросий Метлинский
31 окт. 1840. Харьков

P. S. Остальные книги, по уверению Черняева, до того изгрызены мышами, что и посылать не стоит.

3 декабря 1840

Милостивый государь
Михайло Петрович!

Надеюсь, получили Вы ответ на Ваше второе ко мне письмо, теперь известно Вам, почему не отвечал я на Ваше первое: оно вовсе не было доставлено.

Не желая быть причиной в разговоре с Вами для меня столь важного и полезного, спешу отвечать на письмо Ваше от 30 окт. говорю полезного без преувеличения: невольно оживляешься, когда дойдет до слуха и до сердца в письме отголосок Вашей творческой деятельности.

Не могу, к сожалению, письмо это сопроводить транспортом литературной моей деятельности: она довольно скудна. Написано немного, но я не считаю то за написанное, чем сам недоволен: это не больше, как упражнение ученическое и запас материалов для будущего. Впрочем, постараюсь при первом досуге обработать что-нибудь для печати. Есть у меня несколько разборов сочинений русских классических писателей, несколько разборов древних

риторов и материалы или почти статьи об историках; но я знаю, пригодится ли из этого для Вас? — Поручили мне читать теорию прозы — изложение чисто догматическое показалось слишком сухим, я освежаюсь по возможности от избитых риторических уставов историей и критикой писателей. Сделайте мне (т. е. курсу моему) благодетельное пособие, указав, что сделаете Вам известным для такого догматико-историко-критического чтения. — Теперь перейдем к словянской народности. Точно предмною огромная кipa всякого сбору; но ее надобно разобрать, рассортировать, переписать, оживить: все это тело без души, без жизни. Надеюсь, (что) на праздниках, быть может, заняться организацией этого. Может быть, окончу разбор одного сборника с выпискою любопытных его предметов и разбор двух-трех изданий словянских народностей с переводом иных стихотворений в основании словянской антологии. Жаль, что не удалось мне путешествовать в Словянии: душа и сердце туда рвутся...*) хотя об'ехать Малороссию. Пороюсь в наших рукописях, что в библиотеке; можно иное выписать, сколько помню.

Знакомых в разных городах у меня не так много, да и письма их бог знает что такое: из рук вон. — Надобно самому собирать: чужими руками плохо. — Неужели Бодянский так болен? Не дай господи! Панин прочит вместо его послать нашего адъюнкта статистики Рославского хорошего адъюнкта статистики. ... Среневский будет уведомлен еще о Вашем журнале и Вашем желании. Артемовский говорит, что будто бы не собрал еще и тех денег, что выслал Вам прежде. Черняеву столько раз напоминал, что если не ему, так мне уже совестно.

Преданный Вам *Метлинский*

Посылаю несколько малороссийских стихотворений, чтобы писателю не было совершенно порожним. Не оставляйте нас своим словом.

Если точно приходится уже посылать снова за границу к словянам от Московского университета, Вы имели бы деятельнейшего корреспондента и участника в журнале в Вашем покорном слуге.

Бецкий удивляется, как Вы не получили его писем, которые будто бы писал он. Напомните Ширяеву о высылке мне денег и А. Глазунову при случае.

Милостивый государь

Михайло Петрович!

Давным давно виновато мое время перед Вами, что его не стало сделать для Вас что нибудь дельное. Напечатавши речь, произнесенную на акте, спешу хотя ею напомнить Вам об искренности уважения.

*) Не розібрано.

своем к Вашей для многих и меня в том числе полезной литературной деятельности и о своем существовании. Надеюсь, что А. В. Глазунов, которому это посылается, доставит Вам письмо и посылку. Мне хочется перемолвить несколько слов своею речью с многоуважаемым мною после Вас: Давыдовым, Снегиревым, Шевыревым, Бодянским, которым посылаю экземпляры. Если Вам не в труд и неудобство, облегчите Глазунову их передачу по принадлежности это сказать, зная, что Вы, добрейший Михайло Петрович, всегда были деятельнейшим двигателем всякого ученого общения. С совершенным к Вам уважением.

Амвросий Метлинский

10 сент. 1843. Харьков

Милостивый государь

Михайло Петрович!

С удовольствием и пользою для себя и своих занятий нередко прибегая к Вашему Москвитянину в нашей университетской библиотеке, не раз упрекал я себя, что, несмотря ни на свое давнее желание, ни на знакомство наше, не успел я до этих пор ничего приготовить для Вашего прекрасного, общепользного издания. То занятия по университету, то нездоровье доселе были причиною, что хотя и много начато, но, как говорится в мало-российской пословице, *мало доведено до розуму* до того, чтобы быть годным в дело. Теперь воспользовавшись досугом, переписал я статью об *самочитах и их психологии* и Вам посылаю это извлечение из редкого и старинного издания Эльзевиров с некоторыми дополнениями и замечаниями. Если найдете полезным сделать в статье небольшие изменения, которые, уверен я, послужат к лучшему, буду не только недовольным, но и благодарен. В случае, если статья не будет годною для Вашего издания, покорнейше Вас прошу мне ее возвратить: этого надеюсь от Вашей приязни и благорасположения. Очень рад буду, если успею еще чем нибудь служить Вам и доказать то глубокое уважение и преданность искреннюю, с которыми имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

А. Метлинский

14 марта 1844. Харьков

ЛИСТ ДО ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА СНЕГІРЬОВА

Харьков, 9 ноября

Милостивый государь
Иван Михайлович!

Вот прошло уже восемь месяцев с той поры, как я, в бытность свою в Москве по делу библиотечной службы, имел счастье приобрести Ваше лестное для меня знакомство. Ваше доброе, смею сказать, отечески-наставническое ко мне расположение. Хотя во все это время, зная многочисленность Ваших занятий и высоко цenia Ваш деятельный для пользы науки досуг, я не осмелился утруждать Вас, Иван Михайлович, пустою перепискою; но воспоминание об ученом и приветливом муже — путеводителе, ознакомившем меня со славою Кремля и останками протекших времен и событий, — усладившем своим радушным приемом со своею беседою мое одиночество во многолюдной Москве, свежо хранилось в моем благодарном сердце, — и я в иное время, не раз спрашивал себя: где то теперь почтенный Иван Михайлович: в золоченных ли Кремлевских храмах, в кругу ли своего милого семейства, или в хлопотах цензуры, в занятиях всякой всячиною какая поставляется на духовный рынок света литературною братиею?

Кстати и о цензуре. И я, полагаясь на Вашу снисходительность, на Ваше желание, чтоб мы по силам содействовали умножению и развитию литературы и познаний словянских языков и народностей (где мы можем иметь руководителями и Ваши ученые и прекрасные розыскания по части русского ума и русской чортологии), осмеливаюсь отнять у Вас, на просмотр посылаемых малороссийских стихотворений, часть Вашего драгоценного для ученого мира досуга. Издание это желал бы я скорее кончить для того, чтобы после исключительно заняться диссертацией на степень магистра, которой по экзамену удостоен, и потом употребить на что либо более достойное Вашего внимания, которое, зная Вашу основательную ученость, всегда буду ценить выше всякого другого.

Еще я просил бы покорнейше Вас уведомить меня, можно ли приложить без особенной посылки в цензуру объявления непонятных слов, принятого правописания и несколько заметок о свойствах малороссийского и вообще южнорусского языка — или нет.

Предмет диссертации моей — влияние Европы на другие страны — если Вы мне укажете какие нибудь источники, которые можно купить в Москве и которые близко к этому относятся, весьма много меня обяжете.

Еще прошу у Вас, Иван Михайлович, извинения, если в ином месте не совсем исправно переписана рукопись...

За сим, пожелав Вам и всему семейству Вашему здоровья и счастья, имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою — глубокоуважающий и искренне преданный Вам.

Амвросий Метлинский

Харьков, 1838. Ноября 9 дня

Р. С. Измаил Иванович Срезневский свидетельствует Вам свое искреннейшее почтение.

Адресовать прошу покорнейше в библиотеку университета Харьковского. Помощнику библиотекаря Амвросию Лукияновичу сыну Метлинскому.

ЛИСТИ ДО ИЗМАЙЛА ІВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСЬКОГО

*19 июня 1839. Село Сарны *)*

Милостивый государь

Измаил Иванович!

Пишу к Вам скоро, и пишу наскоро. Вчера мы приехали; я остался дома, Александр Петрович²⁾ отправился далее. Дорога была довольно хороша, время провели довольно весело, жатва для наблюдательности нашей двойной не так то велика. Взамен всего расскажу Вам одно приключение... В 4 верстах от моего дома и почти во столько же от Гадяча есть на высокой горе монастырь (может быть, помните, я писал об нем, по Вашему приглашению, в энциклоп. Лексикон); так возле этого монастыря, внизу, на Псле, ходит паром, которым переправляются для избежания песков и длинной и дурной плотины. — Приехали, взъезжаем, спрашиваю мужика соседней деревни — на которой стороне лучше купаться. Погода очень благоприятствовала, думалось оставить платье на пароме и переправиться вплавь. Река в этом месте не широка¹⁾... слышите ответ: — хто його зна, і тут і там добре, та отсе недавно купався пан, хотів переплисти, поки коней перевозили, трішечки не доплив, та й утонув. — Який пан — Метлинський. — Вот Вам история! Можно бы сделать сотню приложений, но они неуместны, и для нас одних только и важны и занимательны — большое семейство, ни копейки денег, даже и еще

*) Не розібрано.

долги — все это вещи слишком обыкновенные в здешнем мире — и потому очень скучно — да! Самое приятное, это утешения — да! — Утешения тетушек и соседок попадей и мелкопоместных. Будто у меня меньше ума противу них. Надо же сказать что то, чего я сам не знаю — между тем как все очень очень хорошо я знаю и понимаю. Извините неясность письма, спешу в Гадяч, и спешу писать. Прочтите просьбу к Вам на полях. Весьма преданный Вам *А. Метлинский*.

а) Самое первое доброму Костомарову поклон. Поездка моя, как он сам видит, переменяла направление и получила странный, неожиданный, какой то безалаберный тон, к сожалению, невыгодный для моих целей. Если не беспокою, прошу взять у Караулова на Рыбной, пару сапог, заказанных за три целковых, которые он опоздал кончить; что заплатите с пересылкой по почте, возвращу когда назначите. Попросили бы Вы или наметнули лучше Зимницкому, будете когда получать свои, не отдаст ли он моих денег. Вы бы прислали — порядочно нужно. Еще когда нибудь уведомите запиской Собкина, что если он согласится выкрасить мои комнаты, то часть я буду уплачивать сам. Но больше всего прошу, не оставьте меня письмом. Всем (Лукину, Артемовскому, Валицкому и другим) и особенно Вашей маменьке мое почтение.

26 сент. 1839. Харьков

Милостивый государь

Измаил Иванович!

Писал я к Вам из Москвы, писал из Гадяча, но до сих пор не получил ни одного ответа. Теперь пишу в третий раз из Харькова. Ждал я письма от вас из Харькова, из Полтавы, Курска, Тулы из Белгорода двух — Ваше туда путешествие in 2-о. Теперь жду несколько строк из Петербурга²⁾.

Как видите, письмо мое тянется вяло, — начал я какой то странной фигурой риторического распространения предложений — что делать? — оно скучно, потому что жить скучно и даже воспоминания моей бестолковой жизни с часу на час как то глупее, а настоящее темнее, однообразнее, безотраднее... — Но живи всякий как умеешь. Счастлив я, что не обладаю даром какого нибудь из знаменитостей — душа моя полна печали, я напоил бы ею сердце людей.

Страшусь тяжких, долгих черных вечеров, налетающих ко мне с зимою; когда я терял упование на жизнь, Вы освещали и мою темную судьбу уверенностию в жизни и в добре.

Теперь о деле.

П'ятковичева Вам кланяется и просит уведомить через нас об ее родственниках.— Книга Ваша недавно отпечатана; на обертки употреблена бумага — остаток от Вашей прежней книги, переплетчику отдана вчера, и он обещал 40 экз. доставить непременно сегодня к Вашей маменьке для приготовления к отправке; завтра рано надеюсь быть за Лопанью и видиться с Еленой Ивановной⁴⁾. На книги находятся два-три покупателя или спрашивателя, но реестр, как я узнал, еще не составлен; надеюсь скоро его кончить, пригласив знакомых студентов. Бумаги на печать немного не доставало — придется доплатить, но это пустое. Квитки никак не мог я видеть в Харькове, и потому нарочно ездил к нему; он обещал завтра (27 сент.) доставить несколько строк в библиотеку; если это будет пораньше вышлются с нею после.

Письмо Ваше, будучи у Вашей маменьки, я читал (с первой страницы) и радуюсь Вашему благонадежному расположению духа. Кланяйтесь от меня всем по дороге, кому поклон мой может доставить удовольствие и кто его стоит. Поклонитесь памятнику Петра Великого, а коли увидите государя или хоть министра Уварова, то скажите... слова Добчинского. Может быть хотите знать об моем поведении, т. е. о том, что люди так называют? Если это для Вас сколько нибудь интересно, так вот что: не успел Иноземцев⁵⁾ в январе оставить должности (о видности и почете которой в его время не было сомнения) возникли уже в головах или в головах некоторых вопросы, нужно ли место ад'юнкта словесности и т. п., т. е. дело дошло не до клиента чьего нибудь, а до Вашего покорнейшего слуги А. М., которому, как кажется, после пятилетнего ожидания суждено оставить Университет и удалиться на покой в известную Вам лачужку. Костомаров лечится, Рославский на лекциях, Тихонович⁶⁾ намагничивается, Лукьянович⁷⁾ здравствует, Полетика тоже.

29 сент. 1839

Хотел писать к Вам это 27 (в среду), но не успел. Посылку тоже не успели приготовить к прошедшей почте, и потому отсылается на этой. В среду г. Квитка прислал записку, в которой говорит, чтоб я написал к И. И.*), что он покорнейше просит его извинить себя за то, не зная отъезда не успел с ним видиться и переслать поклон своим знакомым в Пбрге; потому увидевшись со мной в библиотеке обещал что нибудь (о чем я просил его за день перед тем) написать и послать сам.— В Сев. Пч. **)

*) Измаилу Ивановичу Срезневскому.

**) „Северная пчела“.

читал я рецензию на свою диссертацию⁸⁾, если будете иметь случай, поблагодарите кого следует за внимание для меня лестное. Здоровье мое слабовато, жизнь, несмотря на все мои усилия выбиться на порядочную дорогу, исчезает в мелких занятиях. Узнайте наверное, можно ли мне прожить в Петербурге — мои знания, дарования, *aussehen*, характер вам известнее всякого другого — Вы можете вернее меня самого решить: был ли бы я там счастлив и хоть немного спокоен⁹⁾. Похлопочите в министерстве. Узнайте, по крайней мере, есть ли места ад'юнктов во 1 у нас в Харькове, во 2 подальше. Попечителя ждут на днях.

Маменька Ваша здорова — виделся вчера, зайду утром от Роберти в библиот. идучи. Преданный Вам Метлинский.

Метелеркамп¹⁰⁾ еще в Харькове; пишет какую то немецкую сказку. Не вздумают ли на место Иноземцева назначить когонибудь из Петербурга? Тогда я совершенно сяду на мель, т. е. на следующие пять лет ожидания.

2 окт. 1839. Харьков¹¹⁾

Письмо от 20 окт. не пошло тогда, когда ему итти предполагалось, посылаю утром чуть чуть свет к Елене Ивановне, а уж то отослано, приносясь назад; приглашаю А. П. Рославского и М. Лукьяновича, чтоб не платить даром за легенькое письмецо, а обещают, жду... нет... опаздываю, а там думаю, что Вас нельзя уже застать письмом в Петербурге — сегодня встречаюсь с Еленой Ивановной и узнаю, что Вы выехали 18, следовательно посылать можно, к чему присовокупляю.

Что же присовокупить? Ничего особенного — в том была болтовня, в этом тоже прочтете как два свидания, две наших сердечных, говорливых, вечерне-чайных беседы — и забудьте что будет лишнего, а что скольконибудь замечательного почемунибудь, то и само в памяти останется.

Попечитель выехал вчера вечером *pour S. Pétersburg*, Роберти, вероятно, выедет послезавтра. Мое дело поворотило на благую дорогу: после многих разнородных и разнообразных и разнокачественных споров, после излияния всей желчи Якимовича с братией, решились против желания профессора дать ему ад'юнктское место, которое ему приятно, как горькая редька... и меня решились баллотировать, и большинством 14 проти 9 голосов приняли, о чем и пойдут представления по разным путям и перепутьям. Хотят меня оттереть сколько можно от факультета словесного, якобы излишне уже и без словесности обремененного (хоть у нас и не читается история иностранных литератур, как в других православных университетах), хотя славно бы, если бы поручили читать историю литератур, да не знаю как это можно бы сделать?..

Да узнайте хоть о моих книгах — если уж совсем не про-
даются, то хоть назад прислали бы, а то ни денег, ни известий.
Зачем Ты не здесь!.. Славно зачитали бы — не найдете ли чего
по этой части в П-ге и Германии. А. М.

20 окт. 1839. Харьков

Милостивый государь

Измаил Иванович!

Позвольте, сверх чаяния, начать письмо благодарностию; этого
начала я не придумывал, но оно приходит и вот как: начиная
письмо, вспомнил я про Ваши, недавно мной читанные, и думаю —
не перенять ли у Вас похвальную привычку оставлять поменьше
пустого в письмах? Имея случай говорить, почему не постараться
наговорить побольше, разумеется, там, где не всяко лько идет
в строку. А тут присоединилось воспоминание: сколько полез-
ного перенял я от Вас в период нашего знакомства так для меня
памятный — перенял и в моральном, и в материальном отноше-
ниях. Жизнь моя приняла особенное направление, и, кажется луч-
шее, по крайней мере производительнейше и следственно стало
больше походить на жизнь, или пожалуй приблизилось к своему
назначению. Не мой характер высказывать чувство словом и во-
обще всякою поверхностью дела чувство; оттого я умею думать
благодарно и отчасти оскорблять наружностью жестоко тех, кто
больше меня любит... Но мы далеко, и, кто знает, сблизимся
ли физически по пространству, не разойдемся ли дальше еще
по положению в обществе, не переселится ли кто нибудь из нас
и в другой мир — далеко, далеко *аж на тот свет*. Но пускай не Вы...
у Вас столько планов устраивается, столько предприятий растет
в голове, столько жизни кипит в Вас и вокруг Вас; а кругом
меня так пусто и везде мне мерещится зло, даже и там, где его
нет, знаю, — но я живу воображением, и потому вся жизнь его —
небо покрытое тучами и грязью¹²⁾.

Это письмо, кажется, пойдет завтра с письмом Елены Ива-
новны. С ней виделся я, кажется, во вторник, т. е. позавчера...
Читал Ваши письма, кроме из Курска; об монастыре я еще ни-
чего не получаю.

Метелеркамп (я его спрашивал стороною) еще не перевел
Вашей рапсодии; книги и письмо мое Вы должны получить тот-
час по приезде в П-г. Если найдете приличным где нибудь по-
говорить обо мне зри разговор стр. X строка *Добчинский*, или
Бобчинский.

Росковшенка, кажется, в Харькове не было. Настасевичу мое
искреннее почтение.

Не спрашивайте, чем я занимаюсь, тяжело, страх тяжело—так много дела кругом, а ни за что не могу приняться порядком—верно, мне надобно делать только по заказу или по приказу... Да и что человек? И что труд его? Самое высокое назначение труда—быть лекарством от скуки. А скука, этот глупой чирей человеческого стоит ли, чтоб от него лечиться с такою заботливостью? Рано ли, поздно ли, но надобно согнуть нашему земному, а для небесного вся наша суетность плохое приданое; от этого умные люди шли в монастырь, полагаясь на милость божью одну... В небе св. Августин или имя рек представляется мне чистой, прекрасной, невестой нищей, а Наполеон и другой имя рек безобразной и уродливой с богатым приданым.

Вот уже третья неделя, как прошение мое передано в совет и два заседания прошло, и после каждого ждал я решения—не скрою перед Вами—с трепетом... не знаю отчего, но для несчастий настоящих у меня больше мужества чем у когонибудь в мире, для грозящих даже пустяков у меня целые тучи самых убийственных мыслей... Дня за два, например, я вообразил, что от этого могу сойти с ума и все это с такими ужасными подробностями, что, воображая, что я буду говорить в этом состоянии, чуть ли не понес *ахинею* (кстати! не от этого ли Ваш Афинский или Офенский язык? Но это случайность)... Артемьевский был опасно болен, но начал выздоравливать; подал обо мне письменно препохвальный отзыв, но Валицкий и Лунин (из словесников только и были в последнем заседании) настаивали, что для словестности не нужно ад'юнкта... да и пора русский язык переселить в Польшу, а нам подавай хоть, например, ахейского, аренского и ахинейского—со всех сторон преданный Вам. (на полях) Зачем Вы не здесь или я не там? Сегодня пил чай у Семена Сем. *) и А. Петровича **). Костомаров оканчивает курс лечения ¹³⁾.

Харьков 5 мая, 1840. Воскресенская № 7

Пишу к Вам, Измаил Иванович, из Украины, которая в это время смотрит совсем не Украиной: бытие мое мрачно, сумрачно, и дождь на дворе холодный-осенний, и такой холод в комнате, что вчера Лукьянович велел топить у себя печку. А вчера был я там вот по какому случаю: Афанасьев, улан, пишущий под именем Чужбинского (вспомнил?) товарищ А. П. Рос. по лицу, обедал у него и меня пригласили! Этот Афанасьев большой любитель украинского и человек образованный, надеется в августе ехать в воен. академию, он же хочет печатать роман—

*) Лук'янович.

**) Рославский - Петровский.

содержание, кажется, из быта или истории Слободской Украины (А. П. Росл. подарил билет), обед был прекрасный, после обеда — кофе и вист; кофе люблю, вист ненавижу... Мне, разумеется, было неловко — просмотрел из библ. Лукьяновича рисунки по ев. истории (куплены в Берлине за талер — купите и мне книг, коли так дешево!) и ушел в 4 часа... но нет, еще не ушел, одеваю и слышу — „браво!“ Побрел потом в пансион Роберти, где готовят к экзамену (пансин Роберти этот год оканчивается, т. е. передается Сливичкому). Алекс. Ад. Роберти женат и живет пока в Харькове. Метелеркамп только что получил отпуск. Скоро едит — честный человек (по своему). Попечитель в Питере. Жду Смарагда (двоюродн. бр. Артемовского) вместо умершего Мелетия (уже с неделю слышу в церкви — помяни гди Смарагда). Я, кроме статей двух неважных в нашу губернскую газету, ничего не написал дельного — материалы для...*) и Вас просил... Но об этом после; последуем за исторической нитию вчерашнего дня. Прихожу из пансиона часу в седьмом. Получена Алексеем непостижимая для меня посылка — смотрю от Вас ноты... Невольно пришло на сердце сравнение друзей настоящих с прошедшими! — Нет!.. И то на время! Да, мы бранили довольно друг друга...**) — и только; теперь делаем напротив — обратно.

Сегодня отнесу ноты; это письмо вероятно будет сопровождаться письмами от Вашей маменьки, А. П. Рославского и И. Лукьяновича (этих жду уже неделю — хотел писать раньше).

Дня за три передал Елене Ивановне половину 5 тома Ж. О. ***), остальные, вероятно, получит в июле. Дней за несколько получил письмо Ваше А. П. Рославский. Благодарю за знакомство с чехами (нельзя прислать переводы? любопытно бы прочесть!): да укрепится братский союз славян, да растет и цветет, да будет многолетен! Всю чужоземщину к чорту! разве им мало и у нас своего мало? да, и начнем говорить ты, что это за глупые галлицизмы? Доставай мне, что можно для переводов; постараюсь знакомить понемногу наших с чешской литературой; напишу послание к Челяковскому — желал бы войти с ним в переписку: хоть бы в Чехии найти искренних друзей приятелей¹⁴⁾. — Да переводи для меня в прозу, что трудно понимать, или хоть слова надписывай! Еще бы лучше, если бы составить наш южнорусский сборник, да так, чтобы к июлю и в цензуру. Ведь я не забыл его — напиши или вновь составь свой план: разделенные пространством, будем дружно соединены духом. Тебе постараюсь доставить нужное, да каких надобно сведений? Не нужно ли извлечение из

*) Кілька слів не розібрано.

**) Не розібрано.

***) Живописное Обозрение.

ученых записок? Чары¹⁵⁾ я подарил Артемовскому; если необходимо можно купить;... их содержание известно? Песня есть у Вацлава¹⁶⁾.

У нас скоро напечатается давнишний *Купало на Ивана*¹⁷⁾; я писал к Писаревскому; хотел хоть на свои напечатать экз. 50, чтоб удовлетворить своих подписчиков*) издать—Матусевич взялся напечатать 600 с половины. *Ветка*¹⁸⁾ не расцветала доселе по причине поздней весны, Владимиров взялся положить свои деньги (великороссиянин — воронежец любитель малороссийского — он послал ко мне письмо и послание за Д. и П.: человек с чувством и даром); Леонову поручил Костомаров издание (сам дома); почему не мне? не знаю! А мне бы, кажется, срочнее!

Писал уже раза два к тебе, любезный Измаил, нет ли чего для теории прозы? А ты ни слова! Уж коли считаться письмами, то все таки я не из самых виноватых!

После 15-го июня надеюсь домой, в Киев, и если бы можно etc. Письма адресовать по расчету времени в Гадяч или к маменьке своей с просьбой выслать в Гадяч. Но может быть и без них обойдемся. Возвращусь же 15 августа.

На днях и донесение получено. Я забежал и пробежал — много вижу, сделано. Слышно? говорю спасибо от честных, добрых, благородных; а сколько таких не знаю! Благодарность в конце немножко езульт — как по моему! Приложения любопытны.

Росковшенко¹⁹⁾ инспектор в Тифлисской гимназии. Узнал несколько странно. Иду из библиотеки, бежит ко мне студент и говорит: Тифлиссский инспектор, нет кажется, титулярный советник Росковшенко хочет вести с Вами переписку. — Спрашиваю, не тот ли, что был в СПб? — Нет! — О чем же писать нам? — Не знаю! — Верно он любитель малороссийского языка? — Да! — Ну, так очень рад, буду отвечать — благодарите! — Непременно! — и с тем расстались. После спрашиваю других о Росковшенко, и думаю, что точно это он перебрался в Тифлис.

А я делаюсь эхом, луною, ohlasem, *Ваших* чешских журналов! Уже об Фаусте etc., etc. известно всякому пансионеру, а след-будет известно и всему городу, и целому округу, и университету.

Да, еще новость! Сливицкий²⁰⁾, отягченный до нельзя множеством занятий, низложил с себя и возложил на меня бывшую твою деятельность — секретарство! Экзамены регулярно с 1-го мая. Надежда на Люнебург не знаю сбудется ли? Можно бы, кажется, надеяться.

Брат мой здоров, хоть хил, занимается хорошо. — Валицкий кланяется своим знакомым — какие то (кроме Ганки etc.) Til, Stule, Maly.

*) Неясно написано.

Да, еще раз, нельзя ли впредь пересылать чешское с переводом? Тебе легко а для меня иное, трудненько. Челяковского песню перевел на русский — большой и малый — а (Ганки) неясно понял и оставил. Письмо почти все извлечено (послано Краевскому). Право, не умел ничего оставить — почти все для нас любопытно и ново. Каразину²¹⁾ читал некоторые места.

Журналы что то плохи. С. О. *) раздвоился в месяц и покраснел, а добра мало. М. И. и Г. и успе, и умре. Маяк молчит — ничего не читал, в Библи для чтен. заняла меня повесть, или роман, Николай Никльби (Диккенса), она же явилась уже и в немецком переводе... Но звонят к церкви. Делаюсь с некоторого времени благочестивее: *Все изменяет на земли, а вера неизменна!*

Надо бы спешить со Сборником²²⁾ — помогай же-ка... Что до нашего украинского Геттингена, то не угодно ли для знакомства мое рассуждение о цивилизации? экземпляров 5 остается: если напишешь, пришлю с пару при посылке других книг.

А вот сегодня уже получил письмо от Гартенштейна. Хот выслал 19 тетрадей а 1 т. нот (со словами, книги и...**) отосланы в Киев воен. губернатору для цензуры. Он просит списаться с кем либо из киевских моих знакомых насчет высылки. — Напишу к учителю... Красовскому, или сам возьму, если буду там.

Политика (1). Что там у Вас слышно? Перовский едет в Хиву²³⁾. По последним известиям был на Эмбе зимний поход на верблюдах из коз ей шерсти. $\frac{1}{3}$ войска едет и дрова везет. Но не угадали... Зима была жестокая — снег по пояс, морозу до 25 и 30°. Иные пишут (за границей — а тут темно), что вертаются, другие, что пропало 2000 вербл., 1600 человек и послано подкрепление и все идут вперед.

А вот это верно: пишет Филадельф Каразин²⁴⁾ старому, что черкесы взяли и срыли до основания 3 крепости, гарнизон (по 300 ч. и то больных) перерезали, но в одной (честь и слава русской храбрости) остальные защищались храбро как и в других, а вдобавок взорвали подкопы и взлетели с гостями своими непрошенными. Войско идет отсюда. Флот выступил и сделает десант (жена уже писала).

Проклятые англичане доставляют снаряды, а поляки вообразили, что лучше начальствовать над черкесами, нежели служить России — а на Кавказе их было немало. Нет там Ермолова!

Что же еще бы написать? Я живу на прежней квартире, не знаюсь с знатю, да и денег нет лишних для этаких затей... А книги прибавляются даже без толку — забрало меня купить за 5 лет *Revue des deux Mondes* итого 250... да еще кое чего

*) „Сын Отечества“.

**) Неясно написано.

до 100! Нет, надо бы поберечь денег да за границу ехать покупать книги! Год у нас плохой и я в качестве помещика должен кормить крестьян и платить за них подати — беда да и только. Здоровье ничего — грудь только иногда болит. Артюхов студент теперь на пути в СПб — сестру везет в Смольный монастырь. Пассека *Очерки* пошли²⁵⁾ бойчее (книжки три, говорят, напечатано), но статьи моей не видно. — Журналисты бессовестны: Квитку превознесли до небес, а ни денег, ни даже журнала, где печатается — платит наряду с обыкновенными подписчиками.

Верно ли доходят наши письма? Я посылаю; а то писал то с Еленой Ивановой, то с Рославским за границу. Жуковский написал прекрасное стихотворение на Бородинский смотр, но велико для переписки. (Авось еще припишу что до завтра!²⁶⁾). Заводится Buchlander Lucas aus Mitawa выгодно ли платить 4 асс. за талер?

Мая 7. Вторник

Сейчас получил письмецо от Рославского, вчера еще от Вашей маменьки и так все мы — счастливой дороги пожелавши, сегодня же отправляем в Прагу. Постараюсь сам отнестись, чтобы не опрокинуться где нибудь и благополучно добраться до самой Чехии. Но еще осталась пустота и здесь и там, а я, как natura Торричелли не терплю пустоты и потому стараюсь ее кое чем наполнить *).

Друг твой Метлинский

25 июня 1840 г. Ахтырка

Не ожидал ты, Измаил Иванович, получить от меня письмо из Ахтырки столько ж как я писать к тебе, а и того меньше в комнате, может быть, занимаемой когда то тобою. Вспомни поездку в Гадяч etc., вспомни дом протоиерея Чудновского, флигель один — там я имел удовольствие обедать вместе с Еленой Ивановой (!), флигель другой — маленькая комнатка с окном в садочек — там имею удовольствие в халате доброго Федора Ивановича писать это письмо²⁷⁾. Вблизи на постоялом моя кибитка — еду домой недели на четыре с братом. Погода ясная, теплая, жарко. Малороссия и лето в полном цвете кажется все для счастья человека и для расположения к поэзии. Но вот беда: судьба будто гонит меня, недели 2¹/₂ как привязалась глазная болезнь, четыре (6) дней не пишу, не читаю. Оканчиваю скорей, боюсь раздражений. Оправившись, начну писать и заниматься и буду писать к Вам порядком.

Ваш А. Метлинский

*) Метлинский говорит тут про вільні місця на поштовому папері і останні слова приписав на берегах.

Начал это письмо в Ахтырке, оканчиваю в Харькове — по разным обстоятельствам не было до сих пор отослано. Вчера с Н. И. Костомаровым и с Еленой Ивановной и с Вами бродили мы по Чехии и Моравии: из 4 писем прочитано самое 1 и самое последнее. Жаль только, что почерк Ваш заставлял часто Н. И. *) спотыкаться более чем крутые скалы Чехии. Радуюсь за Вас, чувствуя полноту Вашей жизни. А я чахну и самым жалким образом прозябаю, вот уже 6 недель представьте мое положение — болят глаза, велют не читать, не писать, лечусь, Ахтырские и эти — единственные строки моего писания в 6 недель ... (Время которое посвящал поэзии и Украине в душе заранее) ... Но слава богу проходит. Желаю Вам счастья.

Амвросий Метлинский

(На другому аркуші збоку приписано)

Н. И. *) припишет и пошлет сегодня.

30 июль. 1840. Харьков

Пишу к тебе, добрый мой Измаил Иванович, и думаю, долетит ли этот листок до тебя через столько мытарств. Получит Шафарик, но он может не знать твоего местопребывания при непрерывной переменчивости и непостоянной жизни странствования, и письмо может уж век вековать ... Но что будет, то будет; пусть и не доставляю тебе утешения услышать голос с родины. Голос родных и друзей-знакомых, но по крайней мере освежу свою собственную душу дружескою беседою. Писал я перед сим коротенькие известия, потому что, находясь в зачарованном кругу глазной болезни, ничего не читал, был глух ко всему, что вокруг меня происходило в литер ... Теперь выхожу на волю, вот уже недели две, как я читаю свободно, но как подумаю, какая мелочь у нас везде, какое барышничество перебранки, то, право, не знаю, не позавидовать ли людям не читателям, которые удалены от литературного сплетничества. Ж. М. **) тянется как устарелый чиновник на должность из какойнибудь дюжины сотен ... и плох пьян. Другие только и заботятся набить книжку — совершенная фабричность ... Теперь я и Н. И. Костомаров соседи, и можешь представить, что не теряем случая пользоваться отрадно поболтать. Он у Блинова, я у Ионина, в маленьком домике, что в дворе ... Ах, Измаил, Измаил, зачем ты не можешь оживлять нашего кружка? А. П. Рославский забрался подальше, к Институту, в дом Альбовской. Вчера мы были у него, сидели

*) Костомаров.

**) Журнал Министерства Народного Просвещения.

до поздни... *Сборник* наш что-то как телега без колес. Я говорил про *Корсуна* студента, а не *Каразина*. Этот *Корсун* набрал Малороссийской всячины²⁸⁾; но тут же является и поэт истинный не нам чета, студент бедный без роду и племени, некто *Петренко*²⁹⁾. Альманах еще не ездил и в Цензуру. Николай Ив. весь в истории: спешит в магистры, Тихоновичу осталась философия, Лукьяновичу сия же и Якимов для докторства. Я собираюсь вступить в мир лекций. Как предвестник сего вожделенного времени начались экзамены и секретарство и начали дергать меня в университет по поводу различного безделья.— Хотелось бы оставаться верным и Малороссии, но что то поэзия опустила крылья свои. Да! явились повести *Малороссии*. Какая то дрянь³⁰⁾, но главное — необыкновенное дарование поэта *Шевченка*: впрочем я читал не больше 3 стихотворений; скоро буду иметь. Если получу из Киева, то и тебе пошлю³¹⁾. Это будет проба. Насчет книг писал к Красовскому, что взял в Киеве из Цензуры, но в ответ ничего не получаю; там же и ноты со словами.— Вижу, что ты здоров духом и деятелен до нельзя... Спасибо всем славянам, что поддержали любовь к себе. У нас на днях получено *Le Monde*. Ист. разных народов, но главное тут карты и гравюры, изображающие костюмы и проч., и проч. Не знаю, чтобы мне сделать для выполнения моих желаний деятельности той, и другой и десятой. Все бы обнял, постиг, совершил, а здоровье вечно дает себя чувствовать, как будто напоминает о суете сует красноречивее Эклезиаста... То грудь, то геморой — а глаза, глаза пуше всего... их то измены не ждал, я считал их бессменными, как самый ум, средством поговорить с людьми веков, когда и язык будет нем, и ухо оглохнет.— Впрочем, потащимся по маленьку — не быть нам, ах! не быть Ш. Ш. Г. Ч. *), но всем один берег, одна пристань — хлынет волна, все и всех смоем за один раз.

Прощай, добрый друг наш, и возвратись к нам лучшим и к лучшим.

Амвр. Метлинский

26 авг. 1840

(На другому аркуші збоку приписано)

Роберти в долгах. Головкина ждут³²⁾ на целый год, догадки мои на счет Люнебурга сбылись.

(На 1 стр. 2-го аркушу збоку написано)

Просил бы писать поразборчивее, да совестно: вижу, что и сам в этом же грехе виноват.

(Арк. 2, стор. 2 написано збоку)

Извини за скудость письма, скудость фантазии.

*) Важко сказати, що мають означати ці чотири літери. Дуже можливо, що їх треба розуміти, як початкові літери прізвищ — Шафарика, Ганки, Челяковського.

Добрый и милый мой Измаил Иванович! Был я недавно у твоей маменьки, почитал письмо твое, и бродил с тобою и Смоляром по Лужаии³³⁾, среди осенних дождей и туманов. Говорю об этом потому, что каждое из твоих писем для меня замечательная эпоха в однообразной жизни: душа невольно оживится, согреет этим порывом пламенного усердия к своему делу, этой горячей деятельности, которая заметна за несколько сот верст, в холодных строках хладнокровно перенесенного официальными почтами, письма. Только, бога ради, береги себя... Мне жаль было бы, если б по твоей или по моей вине ктонибудь из нас рано оставил свет и нам не довелось свидеться с тобою.

Был у нас Росковшенко два раза и все проездом, на несколько часов. Виделся со мною и с Еленой Ивановной обещали вести переписку — но он молчит, и я не начинал и виню себя в лени. — Недавно пригласил меня князь Цертелев³⁴⁾ и говорил о довольно важных предположениях. — Журнал при Университете, обществе литературном из студентов, собраниях студентов для чтений сочинений... Все это очень хорошо, но для дела надобно рук и голов побольше. Журнал затея большая и признаюсь страшная! Если и выхлопотать позволение, то без пособия университета сесть на первой книжке... Не осрамились ли этим? Сметы, расходы, приходы — это самая отвратительная часть человеческой деятельности — и я даже своих не умею свести. Если б эту часть можно отделить. Дело за горами; но однако ж ему хочется программы. Напиши свое мнение. Мне кажется кроме ученых статей, как в Записках Моск. Университета, надобно непременно литературу... но где взять? Еще 3-й отдел материалы местности и народности округа и запаса для них требовать от гимназий, учителей³⁵⁾. Где то слово мое тебя застанет?

(На 1 аркуші збоку приписано)

Пиши, ради господа, разборчивее. Воротился медик из Берлина Свиридов. Как имя забыл. Головкин в Харькове. Вышла опера Писаревского *Купало* и *Ветка*, за пересылку дорого и ненадежно.

(На 2 стр. 1 арк. збоку приписано)

Погодин хочет с 1840 издавать Журнал и Газету. Поручил тебе — я о них спрашивал, да письмо его как то затерялось где-то.

6. XI. 40

Перечитывая недавно, Измаил Иванович, последнее ваше письмо к Елене Ивановне, удивился я, что вините Вы меня в краткости писем, между тем, как очень недавно еще послал к вам

предлинное письмо (там же приписка и от С. и А. П*). Вы то предо мною больше виноваты: написали до сих пор два только, помнится. Но обратимся к делу. Несколько дней тому назад Метелеркамп выехал в Гамбург. Еще вчера был здесь Фомка³⁶⁾ и ему отдано письмо к Н. И. Костомарову — оно на почте пролежало долженько. Ветку, не знаю почему, Н. И. раздумал печатать; пишет ко мне и к Рославскому, будто хочет ехать служить на Кавказ и занимается философией Гегеля. Секретарство и пенсии (особенно последние, чорт бы их побрал!) держат меня в Харькове до 22 июня. Желание поездить по Малороссии и навестить Киев, едва ли сбудется: денег надобно пропасть для дому. В университете экзамены мои собственно кончились у мед. словес. вчера у математиков, сегодня будут у юристов, ожидал лучших успехов. Литература идет самым вялым образом или мне так кажется. Даже Библия для Чтен. умоталась: до сих пор 2 книжки. Зато очерков России вышло (изд. в Москве) две книжки еще. Второй не видал, третью доставал у Пассековых прочитать: заняли меня *Малороссийские святки* самого Пассека; там же ваша статья о Гайдамаках и повесть Поляковой. О моей статейке нет и помину. Да и к чему она? Теперь так много пишется подобной дряни, что и читать некому. Часто я утешаю себя в своей литературной деятельности подобным; знаю, что вы будете бранить. Но кто уверит меня, что будут читать. Или читать не станут — бранить и презирать. — Жалко и времени, когда я мог наслаждаться чужим без всяких замыслов: это было лучшее время, лучшая радость лучшего времени жизни. Заняла меня в Ж. М. Н. П. статейка Скальковского: *Очерк Запорожья*³⁷⁾. Пишут с похвалой в С. Пч. о книжке Боричевского: *Славянские предания и повести*³⁸⁾. Жизнь моя тянется иногда радостно, но чаще бедственно, смотря по тому, как вздумается представить мне ее воображению, которое издевается надо мною.

(На 1 стр. збоку приписано)

А. Г. П. собирается Вам писать...**), держит экзамены сейчас после вакаций. А. Метлинский 6 нояб. 1840 г.

6 июня 1841. Харьков

Добрый друг мой Измаил Иванович! Видно не суждено нам скоро увидеться, а может быть суждено и никогда уже не видеться тебе со мною. Ты просишь для себя еще на год отсрочки, а мне часто здесь так грустно, так грустно, что душа просится вон из тела. Все связи мои, все знакомства прерываются и я больше и больше ко всему охлаждаю. Веселость найдет

*) Очевидно Семен брат Метлинского; Рославский - Петровский.

**) Слово не розібрано.

на душу изредка и то мимоходом, а тоска и скука свили в ней самое прочное гнездо для себя. Лень ли это, болезнь ли, не знаю, но сколько достанет воли постараюсь вырваться из этого состояния. В будущности предположения, которых осуществления перестал доверять я, в минувшем погрешности, которых исправить невозможно. Высказать сердце свое некому. Общество для меня при моем образовании и моей робости и тяжело и недоступно. Проходит иногда и день и другой, когда мне, буквально говоря, не с кем сказать и слова, а встречаюсь с людьми, говорить не хочется. Несколько часов провели мы вместе с Николаем Ивановичем, но это не были светлые надеждами, полные действительностью дни свидания с тобою. Познакомлю тебя с делами твоих знакомых, не исключая из этого ни себя самого, ни тебя. Письмо твое к Алек. Ад. де Роберти обещал доставить Эмиль в Тифлис (там А. А. Окружным или председателем в Палате Госуд. Имуществ), другое к Ивану Львовичу Дривину обещал доставить Николай в Полтаву (Туда уехал Ив. Л. с ген.-губ. Долгоруким, у которого служит, лишившись места в канцелярии Попечителя по причине денежных недочетов, причем главною виною был Демьянов). Прощение к попечителю, за отсутствием его, будет сегодня слушано Церетелевым, как мне сказали, и если что окажется, постараюсь уведомить до отсылки этого письма Елену Ивановну. Теперь, когда это пишу, пятый час после обеда, дождь, гром и молния, а я, отпросившись от заседания, составлял таблицы экзаменов и потом принялся за это письмо. Завтра выбор ректора и деканов. Попечитель назначил подать к 1 июля конспекты по предмету каждого; мой будет хуже всех. Сколько могу заметить, никто не расположен ко мне, и всякий воспользуется первым поводом, чтобы выжить из Университета. Хоть бы этот дождь оживил во мне прежнюю жизнь. Я сделался игралищем своей собственной фантазии, которая вертит мною часто как хочет против моей воли. Вообразивши себе, что я к чему либо неспособен, действительно потом получаю это отрицательное качество, а нет друга, который бы поддержал во мне утешительную веру в самом себе. Дождь сильнее и сильнее. Гром грохочет беспрерывно перекатами, молния ежеминутно вскакивает в комнату и мелькает по запыленным стенам ее.

Тихонович в понедельник (8) будет защищать по латыни дисс. на Магистра de Luciano ejusque phoematae Pharsalia; Рославский издал лекции по статистике и уехал в Москву, где Панин обещал ему доставить место в экстраординарные. Лукьянович попрежнему давно доктор, представлен в экстраординарные. Костомаров избрал за тему диссертации Унию и, промучившись в Харькове несколько месяцев, выехал от нас в самом отчаянном расположении духа, после того об нем ни слуху ни духу. Поверишь ли? Это изумило

меня, что я говорю с тобою так свободно; мне казалось, что я ни писать, ни говорить не могу попрежнему, и это наводило такую боязнь при встрече с людьми и книгами, что я, вероятно, прослыл глупцом во мнении других, как и своем собственном. Темнота страшная — писать нельзя, а всего шесть часов. (Дождь льет, льет⁸⁹).

У нас славится за стихи и прозу Лермонтов. Кронеберг в Харькове затрудился над Шекспиром и перевел уже несколько пьес. Это единственный наш литератор. Росковшенко недавно напечатал в библиотеке „Сон в Л. Н.“ Шекспира. Сенковский напечатал занимательные для музыканта и стихотворца статьи о стопосложении. Я желал бы заняться Фино Угрской грамматикой; не пришлешь ли чего? Будь здоров и верь, что я прежний для тебя больше, чем для самого себя.

А. Метлинский

15. I. 1842

Измаил Иванович! Получив 27 декабря от Вашей маменьки при свидании с нею письмо Ваше на имя А. Рославского, передал я ему письмо это тогда же вечером. Насчет пересылки из-за границы (Елена Ивановна и мне поручила узнать об этом) спрашивал я Артемевского и других, и мне сказали, что надобно Вам написать об этом прошение в Университет, поименовав книги, число и вес их. Впрочем А. П., у которого больше моего хороших знакомых, удобнее может выполнить это поручение, которое, как видно из письма, и не относится ко мне. А что относится ко мне, то меня немножко удивило. Пишите, что я от Вас удаляюсь. Это неверно во всяком отношении — и материальном, и нравственном; я все в одном положении. В самом деле, это правда, очень известная всем и везде, где и у кого имел я случай говорить о Вас и Ваших делах. Я упомянул бы... Но, признаюсь, мне совестно, когда подумаю, как действительно ничтожны мои мелочные услуги, в сравнении с тем, чем были Вы для меня во все время нашего знакомства на деле, и чем, если не более, я сам был для Вас, но только на сердце. Благодарю Вас за память о моих просьбах. Недавно, намекнув у Цертелева о Ваших любопытных письмах, услышал я от него, что и Надеждин, проезжавший через Харьков, чрезвычайно хорошо об Вас отзывался, говоря о Ваших занятиях. Слухом земля полнится. Будьте счастливы и простите меня, если я люблю и умею более быть, нежели казаться вполне Вам преданным.

Амвросий Метлинский

P. S. 15. I. 1842

Попеняйте Николая Ивановича (т. е. не Костомарова, а Срез-

невского¹⁾), что он редко пишет. Елена Ивановна вообразила было, что он умер, и ужасно беспокоилась, но вчера узнал я от одного киевского книгопродавца, что Н. И. совершенно здоров и этим ее утешил. Посоветуйте Вашей маменьке чаще бывать между знакомыми, а то ей, бедной, без Вас одной скучно, и оттого она иногда нездорова и ужасно подозрительна, так что того и смотри попадешь в беду, совсем не думая оскорбить ее.

8 марта 1842. Харьков

Не получали мы от тебя (то от Вас, то от тебя... Сам замечаю, что совершенно запутан в этих местоимениях, следуя, то чувству и логике, то привычке и обычаю), не получали ответа на письмо Рославского и мое вместе. На случай, если ты его не получил и не получишь, извлекаю оттуда самое дельное: для пересылки книг надобно через прошение испросить тебе разрешение от Университета, прописав, через какую таможню хочешь посылать. Теперь о Харькове. Самая важная перемена, что прежний архиерей, родственник Артемовского, Смарагд, переведен в Астрахань. Человек неглупый, но архиерейского в нем было как нельзя меньше: это был настоящий *жрец* во многих отношениях. Теперь у нас наместо его известный Иннокентий, лучший проповедник, ученийший, и может быть умнейший и добрейший архиерей современной Руси. Так гласит общий голос. В первой проповеди сравнивал он себя с Ап. Павлом, прибывшем к Коринфянам — и ваш город подобно Коринфу говорил он, славится любовью к просвещению и успехами в оном. Не напрасно знать, что и он не чужд любви этой, ждатель бы здесь от него земной мудрости; он приходит с буйством проповеди. Да и кто решился бы шаткой мудрости ума человеческого верить участь спасения души своей. Да умолкнут навеки уста мои, да заградит слух и сердце Ваше, если услышите от меня что либо кроме проповедуемого словом Божиим. Это вступление тем более было кстати для Иннокентия, что даже в церкви, при вступлении его на проповедническую кафедру, можно было слышать толки, что он рассматривает религию с философской точки зрения. Естественно, что, предугадывая эти толки и понимая их значение, он захотел для собственного успеха и безопасности рассеять их. Далее помню? „Не ждите от меня и цветов красноречия. И место ли им здесь? На кресте кровь, а мы будем искать красных слов. Слово наше должно украшаться единственно красотою крови искупителя... Какие мои обязанности? Этому учит тот же Павел... Мы должны назидать в вас возрождение нового человека, укреплять вас по пути ко спасению и напутствовать вас при

¹⁾ Брат И. И. Срезневского.

переселении из этой временной темницы в обители вечные. Слово заключено молитвою. Все было сказано наизусть. Изуственное живое глубиною чувства проникнутое произношение сделало слово его довольно поразительным, так что почти все оно врезалось в моей памяти, из чего и сообщаю тебе вышеописываемые отрывки. Слыхал я, за неделю перед сим и еще раз Иннокентия: слово большое и разительно-поучительно много объясняющее, о рае пред постом. Все наизусть. Вчера я приобщался. Сегодня может быть (воскресенье) услышу Иннокентия. Пора и о себе. Я много пишу, много читаю, иногда бесцельно, беспорядочно, бесполезно и этим недоволен. На беду мою все еще секретарем. Костомаров скоро должен защищать диссертацию; Рославский пишет, распродавши статистику, историю Университета. Журналы вышли.

1 июля. 1844. Сергеевка

Дорогие мои друзья Измаил Иванович и Поликарп Васильевич ¹⁾! Половина времени заповедного вакационного прошла уже с тех пор, как я здесь, и я теперь только заставил себя взяться за перо и по обещанию написать к Вам несколько строк из тихого уголка моего Сергеевского приюта. Не часто природа позволяла мне наслаждаться таким утром как сегодня. Ясно, тепло. Уже девять часов. Я давно на ногах, купался, бродил по саду и по леваде, в свежем благоухании. Хотите знать, как я провел свое время? Совершенно не так, как провожу в Харьковке: в семейных играх и разговорах и пении вместе в хозяйственных занятиях. Не писал ничего кроме хозяйственных замечаний при осмотре имения и нескольких малороссийских стихов на послание Макаровского ⁴⁰⁾. У Макаровского (который пеняет Тихоновича за то, что сей к оному не пишет) есть несколько хороших малороссийских стихотворений, которые не дурно бы привести в известность, о чем и стараюсь. Родные Поликарпа Васильевича здоровы. На ярмарке знаменитой Гадяцкой Петропавловской не был по причине сильного дождя, помешавшего ее блистательности. На экзамене, 25 июля в уездном училище, радовался прекрасным успехам учеников и удивлялся нищете училища, которое чуть не валится. Здесь бывали сильные дожди с градом и страшные грозы; буря сносила кровли домов и опрокидывала мельницы. В лучшие дни я должен был осматривать леса и считать большие деревья, по причине отчасти оконченного, и отчасти имеющего быть раздела отцовского имения. Иногда участвовал и в неизбежных спорах с братом Семеном ⁴¹⁾, который поступает чорт знает как. Видел часть Гадяцкого архива, сколько это возможно и если все записать, то немного

¹⁾ Тихонович.

можно из него извлечь. Старое сгнило, и недавно еще уездный суд определил было лоскутки на всеожжение. Еще впереди предстоит оценка лесов что ли и если начнутся дожди, то несомненно. Хотелось бы, уже если дома, то просто жить меж своих без всяких отлучек по делам. Дорога моя сюда шла довольно юмористически. К удовольствию нашему, нагнали нас харьковцы, студент и один приказчик, и были нам попутчиками. В Ольшаную ушли мы от грозы за пять минут. Едва заняли плохую комнату (в лучшей были какие то дамы), как новые дамы вытеснили нас и оттуда, еще в худшую. Но это доставило нам удовольствие встретиться с портным и приказчиком, воспоминание об которых неизгладимо. В одном шинке Навеселой, богомолица, странствующая три года по святым местам, островинка, и три часа сряду бранилась со своей землячкой, больной попутчицею, показывала нам вынесенную с острова Соловецкого лучшую (10 к.) картину, на которой, между прочим, очень много чертей, и два ангела с пучками розг секут, разложивши, какую то Марию. Якобы за то, что она шла на Соловецкий остров к своему мужу, верно, монаху. Но выше всего неизобразимой наша станция на Гнилице, где мы единогласно решили не спать целую ночь, потому что уклонение от этого само по себе было невозможно, и где мы целую ночь пили чай из поливченного ведерного чайника, оставшегося невредимым с прошедшего, а может быть и позапрошедшего года.

Народ здешний не совсем доволен своей судьбой и жалуется на *одбучи*; впрочем благоустройство подвигается вперед хотя и медленно и со многими прихрамываниями и с порываниями. Из дворян есть несколько образованных и так же хорошо изъясняющихся по-русски, как и по-малороссийски. Но есть и мелкопоместные тираны, выжимающие последний сок из собратий, крестьян своих. Не знаю, что толкуют по журналам и знать нужды не чувствуют, и могу жить и мыслить, не знаю надолго ли, без этого тревожления. Но без чего не могу быть спокоен, чего душа просит, так это известия о том, что на свете делается с людьми знакомыми, почему нибудь близкими. Здоров ли Артемовский, Валицкий, Кронеберг, Романцов, Рославский и прочие. Мое почтение Вашей, Измаил Иванович, маменьке, Вашим соседям, Луниным, и всем общим нашим знакомым. Что слышно об Луние, что Струве и другие? Часто ли купаетесь? Здесь ни купаться, ни рыбу ловить, ни охотиться. Всюду луга та болота... по причине частых дождей. Желаю успеха докторским диссертациям, а сам пока не возвращусь в Харьков и помышлять не могу о подобных делах. Засвидетельствуйте мое почтение преосвященному, если с ним увидите. Поклон мой Н. И. Костомарову, когда будете к нему писать. Я намерен быть в Харькове к 21 июля. Меня утешает еще мысль: авось Якимов здоров

и захочет взять на себя экзамен и эти часник скуки с оцтома незнания экземенующихся и приторной сладостию умиловительной жертвы рекомендации мимо идет мя! Пишу, а не знаю, когда придется отправить к Вам это: не знаю даже, когда идет почта отсюда в Харьков. Но во всяком случае, pošлю при первом случае. До свидания, когда судьбе угодно. Да снидет мир в сердце, сила в мышцы и мудрость на главы ваши.

А. Метлинский

31 мая 1845. Сергеевка

Из. Ив. Срезневскому.

Вот я и в деревне: брожу по полям и лугам и пью сыворотку; занимаюсь мало, если можно считать занятием чтение книг по легкой словесности и базиканье по хозяйству, без большой к этому ревности.

Под боком у меня Хорол: небольшая, но здесь песчаная чистая реченка, и я омываюсь в нем по крайней мере так же часто, как брамин в Ганге, к которому меня переносят недавно прочитанный с домашними *Наль и Дамаянти*. Если чего мне не достает здесь для счастья, так это не роскоши, к которой не привык я, не харьковской пыли, которой не люблю, а только, только голоса и слова, и взгляда нескольких добрых знакомых. При лучшем здоровье и здесь можно проводить время не праздное, и многому учиться не из одних книг. В последнее время здесь кое что устроено для народа: училища, магазины хлебные, но самый народ страшно обременен работами и деньгами-поборами. Рабочий человек платит не меньше 50 рублей в год и работает не для себя, а на паншине (теперь и у вольных есть паншина — казенные работы) три дня в неделю, сам и лошади или волю. О своеволии начальства можете судить по тому, что становой с клевретами удушил мещанина, чтоб взять к себе его жену (теперь он в тюрьме и дело идет, скрытое было уездным начальством, но потом обнаруженное каким то губернским следователем); по приказу исправника несколько дворян побито *десятскими* (род опричины). Дожди здесь, как и у нас, с 22 мая перестали. Мое почтение Вашей маменьке, супруге Федору Леонтьевичу, Александру Федоровичу.

А.

25 июня 1846. Одесса

Итак, Измаил Иванович, я в Одессе ⁴²⁾ и уже несколько дней, — и пользуюсь первым досугом и первым удобством, чтобы сказать Вам несколько слов о себе, потому что мало еще могу

сказать об Одессе, в которую всматриваюсь и влюбляюсь поне-
многу, постепенно после первой ненависти, которую она возбу-
дила во мне своей пылью, своим зноем, — а писать Вам об до-
роге, кроме известной Вам Полтавской, значило бы превратить
письмо в степь и пустыню, на которой изредка торчали бы про-
писные буквы на подобие станций, а мои диагональные широко
раздвинутые строки изображали бы длинную, длинную херсон-
скую дорогу. Впрочем, скажу Вам кое-что бегло и об наших
мимолетных путевых впечатлениях, отрывисто набегавших на нас
посреди почтовой встряски, когда мы неслись как птица на те-
лежке величиною с птицу, сидя то скорчившись, то с'ежившись,
смотря потому, какую дать тележку и какое размещение чемада-
нов фантазия внушила ямщикам и станционным зрителям.
Полтавские места, уже известны Вам самим, поражали и радо-
вали нас (меня с Ходецким) богатою землею лесов и своими
роскошными хлебами. В Решетьюрке мы познакомились с та-
мошнюю странною порою овец и очень и очень приятным
станционным зрителем. Оттуда до Кременчуга пахнет уже
степью, а за Днестром и того больше. В Кременчуге мы любо-
вались жидами, и еще больше жидовочками, одетыми очень ми-
ло по-немецки. Не зная постановлений об перемене одежды
их, можно бы сказать, что в Кременчуге премного прехорошень-
ких барышень с физиономиями в восточном вкусе. В родимом
Днестре, своего батька Днестра, ридного старого я купался; пе-
реехали мы его на плоту, затем мост, уже готовый, еще не ос-
ветили (это было утром рано). В Елисаветграде старый запоро-
жец ищет, с дозволения начальства, клад, бочонки серебра и
злата. В Александрии на вопрос: много ли тут жидов? — сказали
нам: теперь нема жидов, а только немцы — и что царь не при-
казал быть жидам, а только немцам. Бобринецкий уезд весь на
границе, дороги здесь часто идут по природной мостовой мелко-
го камня, а возле торчат высунувшиеся из под земли горбатые
хребты гранита. Городок отличный: была одна старушка церковь,
но и ту сломали, будут строить новую. Палатка часовня сло-
мана ветром. Пороги высоки, на поларшина, между комнатами и
зело коварны: я крепко ушиб себе ногу, и чуть не разбил носа.
Над городком торчит шест превысокой с деревянной на верху
лошадкой: знак, что здесь, дескать, живет отставной капитан ка-
валерии. Здесь неурожай от холода и засухи: на сто верст ни
жнут, ни косят. Николаев, как и Полтаву, проехали ночью. Ши-
рокий Буг предверие моря, и наш катер на волнах его чуть не
захлебнулся. Но вот и море: то скроется, то покажется, и манит
нас к себе своею синевою, и освежает ветерком. Приехали в
Одессу вечером. Вступление очень неприятное: пересыпь пыль-
ная, ухабистая, непроезжая за чумаками. Но видно и море, вот
и купаются в белых рубашечках и близко от дороги, так что в

этой группе формы тела рисуются лучше, чем...*) в труппе, которая здесь теперь. Первые два дня, с Ходецким, бродил я по городу, и тяжело знакомился с его пылью, жаром, ветром, и отыскивал людей и жилье себе, не знал где приютиться: словом был в глупейшем расположении духа, усталый, дорогою измученный, а тут еще домученный. С третьего дня установился, купаюсь что день на хуторе Ланжерона, любуюсь людьми и приморскою природою. Благодарю Вас и Альбрехта за письмо. Кланяюсь Харьковцу. Пишите об отпуске и пришлите его; о бумагах, если получите из дому моего, тоже пишите. Я не был еще у Полаузова: его здесь нет.

10 июля 1846. Одесса

Милостивый государь
Измаил Иванович!

Не знаю, получали ль Вы мое прежнее письмо из Одессы, отправленное по почте через несколько дней после моего сюда приезда; знаю только, что я до этих пор ничего от Вас не получил и это меня очень беспокоит: не ведаю, что случилось с моим отпуском. Князь Цертелев обещал мне дать его с приездом К. Долгорукова. Долгоруков, думаю, давно в Харькове, а отпуска нет как нет. При моем нездоровье очень неприятны будут мне хлопоты с медицинским свидетельством, которое должен буду выхлопотать и доставить в Харьков для избежания вычета жалованья. Без денег я еще могу обойтись: не буду делать покупок, если не получу жалованья за июль месяц в Одессе, а отпуск желал бы иметь. Отсюда едет Ветловский, надеюсь через него пойдет и письмо это. Сегодня виделся с Полаузовым, через которого надеюсь от Вас получить какое нибудь известие, но он очень мало мог удовлетворить моему любопытству. Радуюсь, что он доставил Вас в добром здоровье. С Одессой я немного знакомлюсь, но не настолько как бы хотелось мне и как мог бы я сделать при лучшем здоровье. Теперь у меня лучшая часть времени, утро и вечер, идет на купанье. Днем здесь так жарко, что не имея прохладной квартиры лежишь в каком то расслаблении. Впрочем я выхожу, когда только можно. Вообще пыль и жар здесь несносны и действуют на всякого, особенно на людей слабых. Дней через 10 надеюсь отправиться на пароходе в Крым и во время объезда южного берега буду продолжать свое купанье в море, меня ужасают тамошними жарами; но думаю жар городской от железа, камня и духоты еще хуже. Из наших харьковских я здесь встретил Г. С. Гордеенку⁴³⁾,

*) Слово неясно написано.

который обыкновенно купается с Криворотовым⁴⁴), несколько студентов, как то: Кожевникова с Курдюмовым и других. Если я перешлю чтонибудь из платья с Ветловским, то прикажите передать это Алексею, и велите ему написать мне чтонибудь о моей квартире и вещах, о людях, о выезде Тютчева С. Свидетельствую мое почтение Вашему милому семейству и, прошу Вас, кланяйтесь моим знакомым.

Ваш Авросий Метлинский

Если меня отпустят на 28 дней, то деньги мне и за июль нужны. Даже во всяком случае не худо перевести их через Полаузова или выслать, как и письмо адресовать на имя Мутьева Д. Ст., потому что мое пребывание не постоянно. Его попросите передать мне. Целую всех Ваших и кланяюсь им до земли. Прикажите Алексею писать, или Вам для того сказать, о моем хозяйстве, и передать поклон хозяевам и знакомым. Прощайте, добрейший мой Измаил, я грущу только, что не вместе с Вами здесь; прощайте. Почта идет скоро, а я хочу хоть слово к родным написать.

Ваш Авросий

13 июля 1846

Посылаю Вам, Измаил Иванович, 2 болгарские книжки и желаю Вам читать их себе на здоровье. Вы должно быть получили сочинение Зеленецкого, возьмите, если можно, в канцелярии и мой экземпляр, чтобы не затерялся. На случай надобности посылаю вторичное прошение об отпуске. Если оно не понадобится, то и не подавайте. Опасаюсь, что если не получу отпуска, т. е. не буду его иметь у себя на руках, то чтоб не было затруднения на счет подорожной. Сегодня здесь, слава богу, прохладно. Вчера был я в театре; давали Люцию Ламермур. Остаюсь в Одессе с изделю и потом в Крым. Здесь теперь брат Григоровича; помните, что передразнивал бандуриста. Кланяюсь всем Вашим.

А. Метлинский

20 марта 1847 года. Харьков. Страстный четверг

Не писал я Вам, Измаил Иванович, до этих пор ничего, потому что, правду сказать, и писать было нечего. Ваши письма совсем иное дело: занимательность их должна выигрывать от самой важности того, что живет и делается около Вас и перед Вами и доходит до Вашего сведения, в сравнении с ничтожеством того, что движется и прозябает в маленькой частице малоизвестного мне Харькова, доступной глазам и ушам моим. А эта

частица, эта сфера (говорю свысока), со всеми своими принадлежностями, от формы до идеи (от шкурки до начинки), с периферии до центра включительно (которого честь в этом случае принадлежит моему я), со всеми радиусами и тангенсами (исключая людей для Вас и для меня близких), — вся эта, говорю, сфера мало чем не пустота. Писать же пустых писем мне не хотелось бы. Впрочем, не думайте, чтобы всем вышесказанным я думал вынуждать от Вас писанье ко мне писем, когда у Вас есть занятия полезнее и развлечения приятнее, или просто нет к тому душевного расположения. Ежели время для Вас очень дорого, то я извиняю Вас наперед от всяких извинений.

В самом деле о чем писать? Что я желаю Вам счастья Вашим семейством, куда причисляю Александра Федоровича⁴⁵⁾ это Вам, думаю, известно; а ежели нет, то уверять Вас в этом теперь поздно. Что я иногда хвораю и потом выздоравливаю? Это не может быть интересно ни для кого, не исключая и самого меня, с той поры, как это потеряло для меня прелесть новизны, а следовательно и занимательности или трогательности притупивши чувство раздражения вечным *idem per idem* (или как переводят в семинарии, Кузьма з Демидом). Новее этого было бы уведомить Вас, что я еще не умер, но вероятно когда нибудь умру; но об этом легко вам догадаться, а риторика велика в подобных случаях не распространяться. Да, вот что замечательно: вчера шла вода по улицам, а на Московской вымыло на мостовой и тротуаров несколько камней. Желая писать Вам об этом, я почел долгом для исторической истины лично в том удостовериться — и удостовериться собственно очно. Вот предмет для статьи в Харьковскую газету. В храмовой университетский праздник князь попечитель угощал нас обедом и советовал же мне писать об этом статью для газеты, но признаться, не дерзнул, а АПР*) поздно напомнил. Костомаров (писал ко мне в одном письме) напечатал сочинение по русской истории (слышно об мифологии⁴⁶⁾); в другом письме намерен купить издание, в третьем письме намерен жениться. В Киеве готовится издание новых сочинений Шевченка. О женитьбе Ходнева на одной из Ваших знакомых Вы, конечно, знаете. У Тихоновича, по части семейства, еще ничего нет; но, повидимому, скоро должно что то произойти и появиться в свет. Валицкий возвратился благополучно, а Цертелев не совсем здоровым: по себе знаю, после перенесенного им тифуса (Typhus) поневоле станешь на время в здоровье тихше. А пророс Тихону Фед. Степанову⁴⁷⁾ немножко лучше, маменьку Вашу недавно видел в церкви, где она часто проживает почти целые дни, и, слава богу, в добром здоровье. В последнее время я у Ваших бывал не так часто, за

*) А. П. Рославский.

своим нездоровьем и за Харьковскою грязью, которая (может быть, не знаете?) произвела недавно остроумное и новое замечание, что Харьков похож то на чернильницу и прочее... Сказать просто без остроумия наших Талейранов, в Харькове с ног до головы, для ушей и глаз, много попадаетея грязи и пускается пыли во всех формах и отношениях (не говорю о праздничных и факультетских). Недавно сообщили мне для сведения отношение факультета в Совет... Надобно Вам сказать прежде, что я покушался напечатать „Введение и Словесность“ и „Общую Грамматику“, входящие частью в мой курс, на определенных казенные для подобного деньги, с разрешения Совета. Но индальгенции на это от I-го отд. Ф. Ф., заправляемого Протопоповым⁴⁸⁾ и Якимовым, моими приятелями, не воспоследовало, зачем дескать говорить в отношении к Совету, что *это сочинение не может быть* систематическим руководством по русской грамматике для гимназий и университетов⁴⁹⁾. Это похоже на шутку (желать), чтобы сочинение было руководством для того, для чего написано, никому в голову не придет, кроме разве того, кто по ошибке пишет отметки своим пансионерам раньше, чем они ответили. Руководство для гимназии не университетом назначаются, а сумма предоставлена в его распоряжение. Руководства для университетов избирается преподавателями, и мое избрано потому, что ни я, ни Якимов, ни Валицкий не знали и не указали мне лучшего, и употреблялось с дозволения 3-х деканов и факультетов несколько времени с неизменениями. Досадно, что объявил я давно об этом в трудах преподавателей, в надежде напечатать, а теперь могут принять труд мой за баснословный пух, существующий только по отчетам. Замечательно, что иные члены не читали, бывши в отсутствии, а другие, читавшие, хотели ободрить (по крайней мере, так сказал мне о себе Рославский и Лук'янович), но и не знали, когда сделано решение. В деньгах отказано, а о позволении печатать (в цензурном отношении) ни слова, ни отметки, как будто не читано. Жалко труда, а делать нечего: придется ничего не делать и не печатать. Вы хлопотать об этом, если бы и могли, не станете: Ваше мнение было — не печатать, еще не читавши (прости, Греч, за деепричастие) — предмет Вам не нравится; тоже скажете и прочитавши — изложение не понравится. Я сам не высокого мнения ни о себе, ни о труде своем (видите ли, что и мое я, не слишком нравится), но нельзя вменить в преступление человеку желание принести людям своею жизнью всю ту пользу, какую он принести может. Иначе тратить жизнь было бы сумасбродством. Недавно исключено несколько студентов за грязные поступки: одни заложили медный за серебряный таз, а другие отправились для каких то студий в какое то место, чуть ли не до смерти отштудировали там кого то. Разумеется, это были

мнимые, а не реальные студенты. Подобно сочинениям иных ученых мужей. Тут попадают кое какие украинские писания, но не предвидится средств печатать. Что же Малороссийский Сборник? Не переменялся ли Ваш образ мыслей от другой атмосферы? Надеюсь собрать несколько мелодий; не знаю, пойдут в дело и будет ли из того прок. Ничего от Вас не слышу. Петренко⁶⁰) очень занят службою. Что могу из песен с нотами и колядок, посылаю; ежели из песен с нотами чегонибудь не окажется, и пойдут в дело, уведомите. Это занятие (пусть ничего не утаится на сердце) было бы для меня еще приятнее, если бы к поэтическому чувству любви к народности не примешивалось воспоминание об одной из таких горьких и слабодушно перенесенных минут в моей жизни.—Я сказал бы, почему раньше не мог и больше не могу доставить, но предпочитаю остаться при мнении или подозрении в недоброжелательном эгоизме, нежели подать повод и соблазн думать, будто прикрываюсь слабостью, нездоровьем, трудами, для того, чтобы казаться более искренним и более преданным кому бы то ни было. Если бы чтонибудь неожиданное и заставило иногда слезы навернуться или голос на плаксивую ноту сбиться, то можно думать, что это может произойти и у человека ни от чего не трогающегося и от сердца... а так себе... от насморка и от простуды... Советуют не сердиться. Ежели сердиться значит желать сделать зло или не делать добра; то странно было бы мне предполагать это в себе, который так мало может делать того и другого, и признает добро и зло собственностью делающего, а не принимающего,—от которого почти нечего ни опасаться, ни надеяться. Если же сердиться, чувствовать и болеть сердцем, то кто может владеть им, и не один ли бог в силе исцелить и поразить его, давший ему силу чувства. Впрочем, чем бы мы, люди, не были, и под какими личинами не представлялись друг другу, наши лица, подай нам боже наш, довольно истинное и чистое сердце пожелать друг другу, со всеми близкими и далекими нам братьями и сестрами, пожелать всем нам себе истинного добра от тебя отца нашего Христа воскресе (3-й день праздника). Ваши здоровы: видел их на первый день. Завтра pošлю это письмо. Где Кулеш и Гребенка? Кланяюсь им.

2 мая 1847 года. Харьков

Пославши к Вам, Измаил Иванович, письмо еще в субботу светлого праздника, я до сих пор не только не получил ответа (что не удивительно, тем более, что не выказывал на него ни требования ни притязания, и что понимаю, как много может быть теперь у Вас разнообразных занятий и развлечений), но и не имею известия получено ли Вами посланное. На днях был я у

Вашей маменьки. Между прочим и затем, чтобы узнать не было ли чегонибудь упомянуто об этом в письме к ней самой, и узнал, что ничего не было. По приглашению ее решаюсь послать к Вам эту записочку с просьбою об извещении. Желая, чтобы повернее было вам доставлено посланное (потому что письмом с приложениями колядок и песен для Алекс. Федор. составляло около пяти почтовых листков), я списал у Фед. Леонт. адрес, т. е. квартиру Вашу и сверх того означено было *Профессору Университета*. Если, сверх чаяния, Вы ничего этого не получили, то напишите: нужны ли остальные песни А. Ф. и Колядки?— Новостей у нас нет или до меня не доходят. Директором здесь Дымчевич — хороший и ученый человек. В попечители назначают десятки, но вам это ближе и лучше известно. Архирей ждет тоже. Знаете, с Кост. несчастье — тоже лучше нашего Вам известно и если можете помочь, не думаю, чтоб нужно было Вас просить об этом. Если поедете за границу, счастливой дороги, а не то счастливо оставаться с Вашей супругою Ал. Фед. и Олиной⁵²). У Тихоновича скоро что то должно явиться в свет по семейной части. Если задумали вернуться, дай Вам боже. Артемьевского видел а последний раз больным и он поручил мне сказать Вам, когда буду писать, что очень рад этой вести¹⁾, до того, что услышавши дрыгнул ногою. Тепер, впрочем, ему лучше, так что и по двору ему дрыгать не в диковинку. Тот же что и всегда

А. Метлинский

9 мая 1847

На днях написал я Вам, Измаил Иванович, небольшое письмо, которое вероятно уже и отправилось по принадлежности при письмах, полученных Вами от Ваших почтеннейших родственников. Вслед за тем получаю от Вас недавно письмо (от 23 Апр.), из которого вижу, что и мое прежнее получено Вами, и от души благодарю почтовую исправность, не заставившую меня вторично писать тоже самое.

Сердечно радуюсь, что Вам, как видно, хорошо в Петербурге. Что до Южнорусского Сборника⁵³), то иные материалы легче приобрести там, чем здесь: тут я никак не могу достать ни *Козырь - девку* Квитки, *Ластовку* Гребенки⁵⁴). Что сталося с *Чорною радою* Кулиша⁵⁵), юже восхоте некогда издати. Не весте-ли? Бог знает, смогу ли я чтонибудь сделать для географического общества, если не поправится мое здоровье. Книги бы послал для Симбирской библиотеки, когда соберется побольше, и притом если можно на казенный, не на свой счет; но какие

¹⁾ т. е. что может быть вернуться. — Моему знакомому мое почтение.

нужно туда книги и куда их посылать прямее. — Удивляюсь странностям Кост.¹⁾ Дай бог, чтоб несчастья его кончились славянским шрифтом. В этом году наша библиотека не получила ни одной книги: сумма издержана — поневоле отстаешь, так досада! — Весна у нас была превосходная, как вдруг холод сегодня, то справа, то слева хлещет и порошит настоящий осенний дождик. — Вы желали узнать о 4 № Каз. Зап. 1836. Он действительно давным давно числится за Вами и получение Ваше подписано. При этом же узнал я, что Экз. *Болгарский Кол.* Лаврентьевская летопись, о котор. я, по Вашему поручению, упоминал его превосходительству, также невозвращены. Я просил Петра Федотыча распорядиться напомнить при др. книгах и в этих вторично. — Чувствую, что из желания краткости, леплю предметы и тон речи густо, и быть может становлюсь невразумительным. Сожалею, если какое нибудь выражение покажется или показалось Вам не таким, как вышло от меня и огорчит Вас. Все ли Вы и все ли в добром здоровье? Ваши знакомые в добром здоровье (выражение слишком употребительное). Что до посещения церкви, то Вы знаете на счет этого мой образ мыслей и как часто я сам люблю бывать в ней, и уважаю тех, кто можно более проводит в ней времени. — Будьте благополучны. (На 2-й стр. збоку написано) Тихонович трудится над сатирами, есть ли надежда издать?

11 окт. 1847. Харьков

Получивши чрезвычайно занимательное для меня во многих отношениях письмо Ваше, любезнейший Измаил Иванович, я вольно перенесся мыслию в петербургскую жизнь и журнальную стилистику, порадовался Вашему хорошему расположению духа, Вашей веселости, которая обличается тоном письма, — и решился написать Вам вместе с посылкою кое чего собранного и почти заготовленного у меня и других для цензуры или пристройки куда нибудь. Но скоро думается, а медленно делается. Оказалось, что для чего думалось нужно два дня, понадобится две недели, быть может, и два месяца. Стало совестно не написать к Вам до того хоть несколько слов. Надеюсь послать три малороссийские поэмы для цензуры. Учитель Назаров перевел Эврипидова Прометея стихами и написал рассуждение об этом мифе. Тихонович занимается комментарием на Горация для Демидовской премии и просит у Вас совета. Борисяк собрал с десятков пословиц и несколько автографов, книжку прав и привилегий малороссиян, вариант летописи Самовидца. По замечанию можно бы еще в

¹⁾ М. Костомаров. Тут Метлинский натякал на арешт Костомарова, как члена Кирило - Методієвського братства.

многих местах найти гниющие архивы и рукописи. Я готов бы этим заняться, если бы дали прогоны. Нет ли какогонибудь способа поехать на чейнибудь счет? Теперь же антография и народность в таком ходу. Катерине Федоровне и Александру Федоровичу низенько кланяюсь. У нас Степанов помер. Сокальский был опасно болен. Струве женился, и прочая.

Ваш А. Метлинский

5 дек. 1847. Харьков

Почтеннейший Измаил Иванович! Недавно, бывши у Вашей маменьки, читал я письмо Ваше, из которого вижу Вас преподавателем Педагогического Института: душевно Вас с этим поздравляю и желаю пользы науке и Вам самим от этой новой должности⁵⁶). Надеюсь Вы получили отправленную мною к Вам при письме по почте посылку с чужим (Назарова Прометеем) и своим (малороссийскими не своими поэмами); ежели получили, то уведомьте хоть коротко. Я, не дождавшись известия, не утерпел, чтоб не промолвить Вам об этом и кое о чем другом, хотя этого другого так у нас немного, что не знаем, „что й казать. Кіба отсе: Клеоник Артемовский здесь и поправляется в здорровье, Черный и Кочетов (да не писано ли Вам уже об этом?) кенятся на Квиткиных. Завтра у Кокоскина бал, на который приглашены и профессоры (в тесном смысле так называемые). С сегодняшнего дня прехолодно; градусов 15. Островский что го мне толковал о книгах, будто бы присланных от Вас на имя Струве, но я ничего от него не понял, сегодня надеюсь увидеться с Вашей маменькой и со Струве и об'ясниться об этом. Здорова ли Ваша супруга, дитятко Оля и наш Александр Федорович и малороссийская музыка? Костомаров слышно послан в Вятку. Желаете знать обо мне? Можете сами догадаться, ежели прямо меня поняли. Впрочем, я Вам помогу; судьба мне читать, мыслить, преподавать и оставить по себе несколько добрых чувств и мыслей в людях, всего себя посвятивши этой невеличайшей доле, затем, что и всего то меня немного, и дай бог, чтобы на это и стало.

1843 ГЕНВ. 21

При этом удобном случае, получивши это от Пол. Вас.*) для отсылки с посылкой к Вашей чести; и находя пробел и несколько минут до выхода на лекцию, не могу удержаться, чтоб не промолвить к Вам еще несколько слов. Благо же есть бумага, да еще чужая, и клочок времени: как не воспользоваться этим при

*) Тихоновича.

известном Вам моем корыстолюбии. Наш ректор теперь в По-
таве. Клеоник Артемовский, поправившись в здоровье, уеха-
отсюда (поклон от меня Иосифу, если увидите). У нас на ск-
мьях №№ для удобнейшего перечисления студентов не слушающих
лекций. Благотворительное общество дает водевили. Слог у Т-
хоновича кое где нужно исправить, я ничего не мог сделать
потому, что получил уже переписанное и перед самою пересылкою.
Притом же случились лекции у Витвицкого вместо покойника С-
фонова из Ист. Лит., коими отделяюсь за Онисима⁵⁷). Ковань
собирается печатать второе издание, первое наделено училища
по распоряжению министра и попечителя. Свои прибавки а, н
однако я советую ему напечатать курсивом, чтобы не смешиват-
с пословицами (пословицы он, говорит, взял из Снегирева). По-
клон мой Кронебергу и Кронеберговым, и Иннокентий архиере
имеет Вам сказать, была ли малороссийская св. история в цен-
зуре, и правда ли, что ее никто там не понял⁵⁸)? Неужели цен-
зоры малороссияне понимают только по словянски? Можно бы
ее напечатать в Сельском Чтении. Не помогут ли мне в издании
Сборника Гребенка и Бодянский? Поклонитесь им от меня
узнайте. Кланяюсь Надеждину, если помнит меня. Не забудь
снабдить меня процензированной Серд. Оксаной из Ластовки
если Гребенка не имеет вечного ее владения, или, имея, позво-
лит это. Помните, вы получили статьи Квитки: нет ли там чего
порядочного?

Апреля 1 дня 1848. Харьков

Написавши сегодняшнее число в этом письме к Вам, почтен-
нейший, добрейший и любезнейший Измаил Иванович, я нахож-
необходимым оговориться, что не следую обычаю обманывать
1-го апреля, по крайней мере в письмах своих, тем более, что
отсутствующие не в состоянии наводить справки и разуверяться
или удостоверяться. Это для того, чтоб вы не сочли письмо мо-
за пуф, к чему я совсем не расположен. Но начнем с самог-
себя. Вы верно получили бы уже от меня два, три письмаца, ил
две, три приписки при письмах Вашей маменьки, хоть для бала-
ласта, если бы не случилась со мною недели две тому наза
пренеприятная оказия: простудился и заболел жесточайшей го-
ловной болью, собственно полуголовной, настоящим мигренем
(mi - kranios), три дня не ел, не вставал, — три часа стонал и сова-
руками и ногами, при самом жестоком припадке, две недели бе-
двух дней сидел дома по причине лихорадки. Без того писал бы
Вам о событиях, которыми Харьков может похвалиться в по-
следнее время, если можно хвалиться чорт знает чем. Начну по
порядку: сообщаю Вам, как человеку доброму, по внутреннему
моему сознанию, нашу семейную радость: брат мой Семен, и

котором я писал Вам, освобожден из заключения и оправдан Совестью Судом, хотя мошенникам не досталось (впрочем все таки прокурор подал против него протест). Брат Федор подал в 1 отд. Ф.Ф.¹⁾ свою диссертацию⁶⁹⁾; экземпляр ее я Вам посылаю вместе с другими статьями, и прошу вас, из дружбы ко мне и из покровительства Вашему слушателю, сделать из нее все, что можно лучшего. Если она удостоится печати, то кажется с этим не нужно спешить, чтоб факультет не стал от того строже, или кн. Цертелев, который теперь окончательно одобряет или отвергает кандидатские диссертации. Брат Федор сам писал бы к Вам, но недавно прислали за ним лошадей и он поспешил выехать, по причине болезни маменьки нашей, так что многого, что нужно, не сделал. Недавно написал я статейку с целью поместить ее в губернской газете и напомнить читателям о собрании материалов для Геогр. общ., при этом представил два суеверия, думая не поместят ли для образца, что такое суеверие и тому под. Но дело приняло престранный оборот. Муханов²⁾ нашел суеверие противорелигиозным, статью не позволительною и, не решившись сам ни на что, передал Г. Конст. Кokoшкину⁶⁰⁾, тот кн. Цертелеву, а этот возвратил мне с дозволением Кokoшкина печатать в Губен. газете статью об издании об этногр. сведениях за исключением всего, что касается Геогр. общ. и границ малор. наречия, через Артемовского, который возвратил мне с советом *лучше совсем ничего не печатать здесь в Губерн. газете*, на что я отчасти и согласен. Эту статью я прошу процензировать, и если можно, напечатать где угодно. Я рад был бы получить несколько десятков оттисков, и передать людям, способным ими воспользоваться. Видите ли, как легко у нас действовать с самой благой целью. Некоторые политики (и П.П.³⁾) того мнения, что и сборник лучше не печатать и ничего не печатать. Что до Ист. русск. лит., то это должно быть чья нибудь ошибка. П. П. А. хотел сказать или сказал, что заниматься лит. русск. Ист.—Посылаю Вам всякую всячину, как материалы для русск. геогр. общ. Ежели этим можно воспользоваться и действительно пойдет в дело, то еще пришло. Иное послал бы и теперь, да боюсь, чтобы не пропало, имея только в одном экземпляре, а иные не отыскал сразу. Если бы мне хоть немного кто пособлял, жаль, что не участвую в нашей экспедиции...

Рязанские слова, коли не нужно, можно передать Бодянскому. За меня факультет определил ходатайствовать о посылке за границу для лечения и учения,— да Западная Европа взбудоражилась, нечего и думать. Теперь у нас преподавание словесности

¹⁾ Філософського факультету.

²⁾ Редактор Харківської губерніяльної газети.

³⁾ Петро Петрович Артемовський - Гулак.

оставлено в сторонних факультетах. Но если б Вы увидели, как они, т. е. некот. из них студен., марокуют в правописании — ушнвянут! Не знаю, что поручат мне — посоветуйте, что знаете, жаль, что Вы не здесь. Жаль ежели оставите цензуру; но и того хуже, ежели она будет нарушать Ваше спокойствие. *Убедительнейше прошу Вас похлопотать о скорейшей высылке рукописи из цензуры* я рискнул бы уже и печатать; тяжело тянуть дело. Не отыщется ли в Цензуре *Щира любовь, повесть Квитки, в Сборнике Снил. Корсуна*, будто бы не высланном из Цензуры? (На берегах приписки). Я просил Вас сообщить о Ник. Ив. К.¹⁾, говорят он учит. Вятской г.⁶¹⁾.

Приходится увеличить балласт свой, как ни сжимаюсь в слоге. Ваша добрая маменька (она, слава богу, здорова!) говорит же, что ее легенькие письма не сообщают Вам наших происшествий из боязни что нибудь переиначить. У нас много было больных: Эйброд воспалением легких, Гордеенко Егор Степанович тем же (женится на Бердяевой). Лапшин, Соколов⁶²⁾; у Рейпольского вчера лет 22 сын помер, ветеринар. Во время моей болезни Тихонович искал места Инспектора Курской Гимназии, но кн. Цертелев за Бернгардта, и хотя этот не понравился Коскошкину, как говорят, но верно получит место. Ильенкова родила дочь, а замечания Ильенка об Институте понравились ген. губернатору. В квартире Антоновского выгорела середка. При этом какой то студент толкнул часового, и губернатор искал его чрезвычайно деятельно, но не нашел; кончилось карцером нескольких подозреваемых студентов. 26 марта сильная гроза зажгла мойки, и еще сделала два метких удара. Но перед этим были удары позамечательнее (около 15 марта). Артемовский собрался утром выезжать. Говорят: студент пришел „Voila un movais Cogeau“. Это был Квинихидзе, грузин, некогда то сын богача, потерявшего часть имения по каким то обстоятельствам, а остальное на тяжбу. Его выключили за неуспешный экзамен из казенных и университета, и он хлопотал о принятии, но Артемовский, а через него и попечитель, были дурного о нем мнения. Слово за слово, Арт. ему колкое замечание за то, что он в студенческом платье, а тот ему: „во зло употребляете свою власть“. Артемовский, что он прикажет вывести его вон, и, какжется, хотел это сам выполнить. А тот будто сказал: я Вас прежде убью, и уставил пистолет. Началась борьба; зашибли Артемовскому бок, разбили стекло, Квинихидзе обрезал руку, сбежались люди, связали и отправили в полицию и тюрьму покойно до того стоявшего Квинихидзе, который показал, что шел пробовать пистолет за город, по дороге зашел к Артемовскому, а что потом сбилось со мною не помню (Из Шиллон. узника).

¹⁾ Костомаров.

А по другим будто говорит, что не думал никого стрелять, а Артемовский сам вытащил из кармана его пистолет. Артемовский недели две как болен, ему недавно пустили кровь и теперь лучше.— Слышно, что дворянство, по случаю манифеста, согласилось или соглашается пожертвовать для войска хлеб. Вообще на дурачества иностранцев смотреть здесь с надлежащей точки зрения, радуются порядку, и чувствуют отвращение к безначалию и кровопролитию. (На стр. 5 збоку приписано). Посылку отправлю если не сегодня, то в след. почту. (На стр. 6). Дай бог, чтобы законная власть царя продолжала у нас мирно и спокойно искоренять зло.

7. V. 48

Несмотря на то, что Вы, почтеннейший Измаил Иванович, не очень часто ко мне отзываетесь,—я хочу и надеюсь и сегодня воспользоваться случаем передать Вам несколько слов. Может быть, я и дурно делаю, если Вас этим затрудняю, или, что и того хуже, пища наскорю выражаю иной раз не то, что думаю, и даю повод к недоразумениям; но, конечно, Вы это не припишете дурному намерению. Во 1-х Вы прекрасно делаете, что приглашаете к себе Елену Ивановну, потому что здесь Ваша маменька не может не скучать без Вас и своих внучков, так как господствующая ее страсть — любовь к детям, составляющая ее жизнь, и притом у Вас достанет сердца и средств для всех Вас. Теперь прекрасный случай ехать с Головковой, которая отправляется в СПб на 3 месяца. Но верно Е. И. останется и совсем с Вами. Копии послужного списка нельзя выдать, он выдается только в известных случаях, напр., для внесения в двор. род. книгу, и по прошению от Вас; а выйдут документ о службе мужа, т. е. Ивана Евсеевича⁶³). Е. И. сомневается, можно ли ехать в мае? Назаров тоскует о переводе своем. Мне поручают на следующий год еще и эстетику. Не знаю хватит ли здоровья? Известите о Николае Ивановиче. Я уже беспокоил Вас о высылке прибавления из цензуры, разумеется, если нужны деньги, на мой счет. Погода у нас чудесная. Жаль, что Ваша маменька мало гуляет на чистом воздухе; посоветуйте это, как я своим советую. Мы, украинцы, привыкли не дорожить природою. Что же наши *Голоса песен*? Я поеду домой, ежели не отправлюсь пить кумыс на юг. Арт. выздоровел и вступил в должность. Диссертация брата дочитывается.

Ваш Амврос. Метл.

(На 4 стр. збоку написано). У Тихоновича сын, 7 мая 1848 года.

Благодарю Вас, почтеннейший Измаил Иванович, за письмо Ваше ко мне от 3-го мая, тем более, что при Ваших занятиях не легко Вам выказывать Ваше доброе внимание ко мне. Буду отвечать Вам по порядку Вашего письма. Об Артемовском ниче-го не могу сказать Вам кроме того, что он вступил, по выздоровлении, во все права и привилегии, а дело пошло по разным инстанциям вдоль и вдоль. О посылке моей, надеюсь, я Вам немножко и надоел уже: дело в том, что сборник уже набира-ется, но я все таки думаю кое что из посланного, ежели скоро получу, печатать вначале, а не в конце — так идет оно, по времени, а пока корректура без разбивки страниц. Мне больно, если для поспешности Вам не спать ночь, как пишете, а признаюсь — хо-телось бы получить. Я так осторожен, что иное из позволенного немножко изменяю, если могло бы возбудить чье нибудь неудо-вольствие. Посылаю Вам краткие известия об участниках Сбор-ника, чтобы видеть, из какого места и времени язык их, что не душно для этнографии. Тут самая суть, ничего цензурного (кое что, несколько слов, прибавлю, доставши сведения); но Мату-севич ни на что не решиться без цензурной подписи). Студент-ские труды действительно неважны, но я послал их, как заклю-чающие в себе материалы для языка, обычаев, поверьев, для русского географического общества. К сожалению, здесь в газете, по мнительности Муханова, нельзя материалов подобных поме-щать, как я писал Вам, а вижу что принимают в других газетах (Журн. Мин. Пр. февр. о Виленской газете).

Диссертация брата единодушно одобрена и пойдет к Церте-леву; заглавие ее (которое можно и переменить): *Значение Гомерической мифологии в отношении к предшествовавшему религиозному развитию Греции, и понятие Гомера о божестве и влиянии его на человека*. Назарову передано, как того желали. Тихонович благодарит Вас и Вам кланяется (у него и другой сын). Вы говорите о современности статей; что понимать под этим, не все согласны: знание ли на равне с веком, или связь с событиями современными? Последнее не во всех науках и странах возможно. Не общезанимательность ли? — Бога ради не истощайте сил своих. Я собираюсь и домой и на юг. Не могу ли ви-деться с Ник. Ив.¹⁾ и помочь ему развлечься? Не может ли заехать? Мошеничество с безименными билетами слышно нередко, добрые люди говорят, что не грех присягнуть, если вы переписывали билет, что это было того числа, как было. Мы ее знаем; может ли она быть неправа в подобном деле? Письмо об ее посеще-

¹⁾ Тут очевидно Метлинский згадуе про брата Срезевського — Миколу Івановича.

нях у Федора Леонтьева⁶⁴) в дневнике добрейшей Катерины Федоровны. Будет ли время у Ф. Л. отыскать это, или не позволит нам, не знаю; вообще он считает это свидетельство неверным. Не можете ли вспомнить число, потому что 7-го июня Вы писали: *аконец мы нашли квартиру, и прочее*. О билетах Ал. Ив. не помнит, но есть, что Тат. Тр. у Вас обедала и Олинька, что то стригла, что покупали кажется варенье. Я убеждал Алену Ивановну ехать прежде Вашей просьбы, доказательство — отосланное перед этим письмецо в их же конверте. Правду сказать Вам, Маменька боится стеснить Вас, узнавши от Федора Леонтьевича Вашем помещении и трудности нанять комнату у хозяйки: я везу ехать, а там Вы сами рассудите, как лучше. Если же сказал лишнее по дружбе, то простите. (На стр. 3 збоку написано) Маменьку видел вчера; документ выдан, Фед. Леонтьевич также видел у Витвицкого победителем на бильярде. Инноваций вчера здесь. (стр. 2). Катерине Федоровне и Александру Федоровичу мой усерднейший поклон. Берегите Александра Фед. р. 1). Говорят ему Петербург нездоров; жалею. Издает ли ноты?

19 июня 1848 года

Благодарю Вас, почтеннейший Измаил Иванович, за Ваше письмецо. Сердечно радуюсь, что, как слышу и читаю, весело проводите Вы время на даче. Елена Ивановна, кажется, скоро собирается ехать; теперь страшит только холера. Третьего дня тщательно представилось было Вашей маменьке, что у нее начинается холера, но Струве ее успокоил, да и ничего не было. Благодарю Вас за доставку добавлений. Я возмущен с изданием. ожидал такой адской корректуры и медленности; рукописи во всем исправны, и помогать почти некому. Уже десять дней выезжаю из города единственно за этим и еще пять, десять танцую, несмотря на холеру, т. е. несмотря и в буквальном смысле, потому что не медик и мне до нее нет дела, пока меня зацепит, пока кончу свое дело. Здесь она пока разыгрывается. В Полтавской местами жестокая. Диссертация брата одобрена, но вакансии не имеется; его приглашают учителем в деревню; кажется он туда и поедет. — Вы получили, думаю, сочинение Тихоновича, и при нем стихи унтер-офицера. Жаль, что такое самородное дарование заброшено! Один добрый человек не поговорит об нем Кокошкину, но пока только хочет, не пишет. — Здесь начались дожди, а то мы пропадали от жары. — Пожеланию Вашему, я сейчас же отправился в лавки за Павским, его здесь нигде не имеется, и по словам Апорина, единственный наш книгопродавец, его никто не закупал, а просто раздали экземпляры в Петербурге (он там был недавно). Ежегодно его очень нужно, то я перешлю Вам при поездке Вашей

маменьки, или когда ей угодно будет, свой экз., а Вы мне купите на руках, когда случится; сам же буду пользоваться хоть казенным. Неужели у Вас нет в Унив. Библиотеке? Да не случится ли Вам купить у букиниста *Современник* за 1840 год с повестью Квитки *Вот любовь* ⁽⁶⁵⁾, или *Звездочку* ⁽⁶⁶⁾ с *Историей Украины Кулиши* или *Маркевича*, вообще что относится к нашему краю и что у букинистов так дешево. У Хлопова есть Павский и он уступил бы, да его, бедного, постигла страшная судьба. Он же учителем у Артемовского, вел себя хорошо, вдруг бог знает почему, перед экзаменом, все бросил и подал увольнение из университета, и начал кутить (на 2-й стр. сбоку написано) Теперь где то в деревне. (на 3-й стр.) Во время мнимой холеры и вчера виделся я с Еленой Ивановной. Слава богу ничего.

Июня 26 дня 1848 г. Харьков

Почтеннейший Измаил Иванович? Зная, что сегодня обыкновенно посылается к Вам письмо, приложу и свои 2. Еще предполагая, что Павский Вам необходим и не найдя его здесь, я решил было для пересылки Вам своего экземпляра, пока купите, во избежание пользоваться поездкою Вашей маменьки; но третьего дня узнав, что поездка отложена, и может быть, к лучшему, потому что жары невыносимые, холера везде, и перемена мест неблагоприятна. Теперь я распоряжусь так: намереваясь ехать в свое место, оставляю Павского Елене Ивановне; и ежели он вам необходим, и до сих пор не достали, то напишите им, чтобы выслали, а для меня купите при случае. — Издание мое дотягивается; итог месяца полтора корректуры, не считая хлопот других, напечатать подписки, и притом не совсем удачные. Я намерен выслать, или поручить Матусевичу выслать экз. в цензуру на Ваше имя, докторейший Измаил Иванович; перемены в выражениях, противоречия в рукописи, ежели найдете, то самые незначительные, и притом к пользе, кажется во всех отношениях; боясь придирчивости кого либо, я переменял в 1 или 2 местах слово *духовных* на *кого треба*. Не прошу Вас о представительстве перед журнальным ареопагом, потому что уверен: и по доброму расположению ко мне, и особенно, как человек истинно ученый и благородный Вы сами готовы это сделать. Желания мои не заносчивы: хотелось бы сделать пользу для изучения края, не оставшись в наказании за это, т.-е. в убытке и посмеянный даже от *глупцов* (потому что нужно ж дорожить мнением и большинства), если можно иметь средства для дальнейших трудов подобных без выпрашивания участия и подписки, чего и не умею, — наконец, удостоиться одобрения людей просвещенных, имеющих вес и голос в глазах правительства, чтоб полуобразованность, полуневежественность и лицемерная деятельность не смотрели косо и дико на поле

ные труды и занятия, в которых и Вы и лучшие люди принимают участие. (На стр. 3 збоку написано) Слышно, что Вы берете на себя редакцию Сев. Обоз. Если правда, радуюсь за будущее (стр. 2) хорошее его направление.

Харьков. Июня 28 дня 1848 г.

Почтеннейший *Измаил Иванович!*

Недавно я отправил к Вам письмо при письме почтеннейшей Вашей маменьки. Тепер собираясь из Харькова и вспомнив, что кое что не успел сказать Вам, снова принимаюсь за перо, как думаю перед своим выездом отсюда.

Экземпляры выслать поручаю *Конст. Стан. Матусевичу*, как кажется нам лучше именно на Ваше имя. Насчет цензуры, кажется не встретится ничего предосудительного в том, что вместе с рукописью, процензированной Вами ⁶⁷⁾, *Измаил Иванович*, напечатана в Сборнике драма *Квитки*, процензированная покойным *Корсаковым* ⁶⁸⁾, тем более что часто встречаются книги и журналы с двумя цензорами, или с частями, рассмотренными у разных цензоров. Если же встретилось бы какое либо затруднение, то сделайте Ваше одолжение, уничтожьте его.

Посылаемые экземпляры десятка полтора или два употребите во благо по закону цензуры и по собственному вашему благоусмотрению. Выслать же из цензуры билет лучше всего в типографию, по причине моего отсутствия. Если бы удалось сбыть книги продавцам за деньги и за книги. Лучше, если бы они указали до какой цены могут выслать книгами? Отдача на комиссию меня проучила: книги проданы, а не получено ни копейки. Желаю всем Вам здоровья.

Преданнейший Вам *Амвросий Метлинский*

(На стр. 3 збоку написано) Не получено ли у Вас сочинение *Тихоновича*? Желательно бы, чтобы его поддержали (стр. 2) и загорюдились бы этим рот здешним его зоилам.

21 авг. 1848. Харьков

Проживши месяца полтора дома, среди непрерывных погребальных вестей об истреблении людей близких и далеких, знакомых и незнакомых, как будто на поле сражения, спасаясь от страха, а может быть и смерти в дороге и дома среди разнообразно свирепствовавшей холеры равнодушною готовностью на что бы то ни было, закаленную горькими опытами болезней я возвращался в Харьков, как будто после десяти дней с ним

разлуки, не зная, кого не встречу уже из своих знакомых. Но, к счастью, узнаю из полученного недавно от Вас письма Вашей маменькою, что холера не коснулась Вас там, как и здесь не тронула никого даже из близких мне знакомых кроме покойного Круазе. Манько, говорят, помер не от холеры, а от горячки; долго еще слава его будет слышна между передражнивателями и слушателями их. Молодой Плансон не более, как только переслан в Полтаву закованный мужичками Роменского уезда, которых соблазнял возмутительными речами с добрым умыслом сослать в Сибирь из усердия к службе (Ознобишин, губ., получил выс. выговор за такой способ узнавать дух народный, а волостной писарь, брошенный мужичками, по выражению народному земляков моих бедных; перейдем к собственным: диссертация брата Федора утверждена совсем; можно бы печатать, если б сооблаговолили журналы. Он ищет места надзирателя или младшего учителя гимназии, но ждут, не выйдет ли кандидат кто нибудь из казенных современем. Один не даром пишет год уже диссертацию (Пузыревский). Не то, поедет в деревню. — Издание Вам послано; Щоголева статьи⁶⁹⁾ по деньгам и по времени позднему, когда он хватился, печатать не буду; и потому покорнейше прошу Вас будьте добры, позаботьтесь о высылке билета, а равно и об журнальных отзывах, да напишите, сколько экз. Вам выслать. — На досуге когда нибудь сообщите нам, что найдете хорошим и полезным. Хлопов, увольнившись из университета, писал ко мне из деревни⁷⁰⁾ очень грустное письмо, из которого видно больное расположение его духа и неизвестность причем (или скрытность) всего этого. Сухомлинов благодарен Вам за ответ; подает диссертацию⁷¹⁾ и едет к дяде в Одессу заниматься. Сокольский увольнился. Не забудьте о сочинении Тихоновича; или лучше сказать Вы наверное об нем не позабудете. Здесь я мало еще с кем не виделся, но мало знаю. Но вот еще: открывается пансион Беккера, вместо закрытого Якимова. Тузин, не смотря на уроки, не принят. Пансионеры Сливницкого⁷²⁾ все приняты. С маменькой Вашей собираемся быть у Тихоновича, когда известать меня об этом. Супруге Вашей, деткам, братцу, и всем нашим знаком. дай боже здоровья и счастья.

(*) Харьков больше, но Гадяча выгорело половина.

Сентября 3 дня 1848 г. Харьков

Почтеннейший Измаил Иванович! По возвращении из Гадяцкога уезда в Харьков, писал я к Вам между прочим о высылке билета на выпуск издания; но не прошло, помнится, недели с отсылки письма, как получен билет, бывший уже тогда, как видно, в дороге. Усерднейше благодарю Вас и Цензурный Комитет за эту своевременную высылку, приписывая ее Вашему содействию и цензурной исправности.— Матусевич, как узнал я, успел выслать Вам только 10 экз. На первый раз, по причине запоздалости переплета, вместо обещанных в письме моем 20. Не знаю, достанет ли из этого числа передать что нибудь и рецензентам; желал бы только, чтоб экземпляры из тех ли, или из вновь посылаемых, попались в руки людей порядочных, которые не псовали бы издания, ни для того, чтоб показаться выше и знающее, чем как они есть, и потому дескать, что это для них пустяки, ни для того, чтоб, вредя одному изданию, поддерживать другое, на основании той мысли, что нельзя покупать всех книг, и потому recommending одну книгу, теряем покупателя для другой⁷¹). Тем менее, конечно, приятны были бы для нашего брата толки полуобразованности и всякого рода косых и косвенных взглядов, что и здесь их не оберешься: всяк воображает себя вправе выдавать непреложное суждение, и при том с таким видом, как будто он получил значение верховного, непогрешающего судьи, а издатель стал подсудимым без апелляции уже потому, что то сочинитель, а он читатель, а известно из разных книг и журналов, что всякий читатель он же и публика, умнее всякого сочинителя, особливо русского, и тем паче лично известного за обыкновенного смертного.— Передавая Вам эти приходящие на ум мысли и поручая себя Вашему доброму расположению и благоразумию вместе с изданием, я решаюсь и осмеливаюсь, добрейший Измаил Иванович, утруждать Вас пересылкою на Ваше имя 60-ти экземпляров сборника, из которых раздайте, продайте, отдайте на комиссию, променяйте на хорошие книги, по своему благорассмотрению, о чем я Вас прошу потому только, что, надеюсь, ни расстояние мест и времени, ни труды и лета, ни счастье и уважение — не охолодят в Вас того усердия к пользе Ваших добрых знакомых, которое навсегда оставило об Вас во многих благодарное воспоминание. Цена издания означена в конце (2^{1/2}); из этого может быть уступка за комиссию, и даже, при выписке большого количества, особенно разом — и за пересылку. Как издание стоит денег, то я, конечно, желаю прежде всего возратить деньги, в которых нуждаюсь, теряя часть жалованья за долг типографии; хорошие книги взял бы после, когда окупится сколько нибудь издание; комиссии больше всего опасаясь, потому что от Смирдина⁷²) и Ширьева не получил даже и за пересылку книг, хотя

они все проданы (Думки и песни), а также и из конторы От. Записок. Эти случаи отчасти причиною, что позволяю себе утруждать Вас просьбою о содействии изданию, и что сделается буду доволен.

А. Метлинский

(На стр. 1 вгорі приписано) На днях сгорела половина дому Грановского, а с нею перепорчена часть моего издания. (На стр. 1 збоку) Ваша маменька затрудняется выбором попутчиков, потому что это народ желающий спешить неугомонно, без отдыха. (На стр. 2 збоку) Вашему семейству и Ал. Фед. желаю доброго здоровья и счастья. (На стр. 2 знизу) 3-го дня был жестокий пожар в Ольшаной. (На стр. 3 збоку) Распорядитесь и насчет процесса об'явлений. (На стр. 4 збоку) С Вашей маменькой и Федором Леонтьевичем виделся недавно; они были здоровы и верно пишут Вам.

30 окт. 1848 г. X.

Недавно писал сюда кандидат нашего Университета Лазаревский к приятелю своему Зиберу кандидату математики, что Даль занимается словарем, какого еще нет ни на одном языке и что в этот словарь войдет и малороссийский язык, который будто Лазаревский взял на свою долю, а потому просит меня доставить ему какие есть у меня для этого материалы. Верно это словарь областных наречий, т. е. народного русского языка? Вы, конечно, хорошо знакомы с Далем и дело это Вам известнее. Я считал обязанностью дозволить Зиберу распорядиться перепискою здесь того, что есть у меня из прошлого Лазаревским. (?) А есть у меня не очень много слов, записанных в разное время, кроме экземпляра выписанных Вами из словарей; также не очень богатое собрание пословиц и загадок. По снятии списка здесь и высылке Лазаревскому, может быть и Вы захотите взглянуть. Я написал ему, что этого всего больше (кроме Вас) у Боровиковского и Беленка - Носенка*), почетного прилуцкого смотрителя⁷⁸⁾. Часть моих слов завезена Запорою, взявшим ее для списывания. Не лучше ли обратиться бы Далою к этим господам, у которых, говорят, готовы словари, составленные трудами многих лет? Я и сам помогал бы, зная, что для них нужно, если бы об этом уведомили, сколько сил позволят. Нельзя будет винить, по моему понятию, ни Боровиковского, ни Беленка, если они долго трудившись не захотят, чтоб даже и имя их было скрыто. Словарь был приписан тому, кто его прочтет. Да этого верно никто и не захочет, каковы бы ни были его понятия о степени бескорыстия, которому должны быть подчинены провинциалы и

*) Білецький - Носенко.

не великие люди. Во всяком случае, наиболее желательно, чтоб Вы не оставили своим напутствием малороссийскую часть словаря Даля или какого б ни было. Вашим желаю всего доброго.

3 дек. 1848 г. Харьков

Благодарю Вас, почтеннейший Измаил Иванович, за Ваше письмо от 14 ноября, интересное для меня и по известию о Ваших хлопотах насчет пристройки моего издания (за которые паки и паки благодарю Вас), и по сведениям насчет словаря Даля. Вы этому поверите, зная, что я человек довольно чувствительный и очень любознательный, хотя, по несчастному состоянию своего здоровья⁷⁴), мало способный к деятельности, а потому большую частью не успевавший выразить ни признательности, ни любознательности своей на деле, в каких нибудь замечательных делах или произведениях. Судьба моя — оставаться невыраженной личностью, чему служить доказательством и эта неудачная попытка очертить собственный свой характер. Будьте попрежнему добры ко мне. Если меня что держит на свете, так это, что есть люди, которые меня не вовсе не любят. Ваше приглашение меня с Федором Леонтьевичем в Петербург примите за предчувствие, т. е. относительно Федора Леонтьевича, а что касается до меня, то вероятно мне на веку своем не гулять в Петербурге по недостатку необходимых для этого средств, как то, денег и здоровья, или, лучше, наоборот. — Читал я с пользою Вашу статью о славянской грамоте, но все таки жаль, что не можете писать статей вроде прежних очерков из Истории Малороссии: там было менее учености, но много одушевления, и, кажется, у Вас собственно историческое дарование. Мнение мое, конечно, не важно, но почему не сказать его, или, бишь, не написать... это меньше.

У меня сил едва хватает на лекции; но иногда пробуждается желание за что нибудь взяться, и тут же и сомнение на счет успеха и годности труда для чего нибудь, и потому пишу лишь бы душу отвести.

Головков добрый, хороший человек, и Вы его уважайте: Вы ему обязаны одним из Ваших остроумнейших писем... Но, право, жаль его: он стоит откровенности, потому что никогда его не обижается, а сам точно недогадлив. Скажите, будьте ласковы, ему от меня почтение и спасибо, да отучите его от Гегеля немножко.

Нельзя ли чего сделать из диссертации моего брата? Неужто она так плоха, что куда не годится? — Мое почтение Вашим родным и моим знакомым.

Здесь сегодня похоронили Карпова С. Ф.; конечно, Вы его несколько знали? Это был человек очень похожий на Рейпольского, сколько могут быть похожи друг на друга жестокие оригиналы, которые тем и схожи, что на себя и других непохожи.

Карпов также юродствовал, собирался в Ерусалим, скряжничал и разорялся, слыл богачом и бедняком, пил кирпичный чай и читал (наизусть) Байрона, знал много и ничего не знал, умничал и дурачился, и обливался, терся снегом, при чем и живот свой положил.

В воскресенье, выходя из Университетской церкви, он спрашивал меня, где мое издание, почему мы не печатаем по-русски и был здоров, как всегда. Недавно выпал снежок; он потерялся на дворе, помолился при этом по обыкновению, пробыл более получаса, вернулся в комнату, удар и помер. Вот его и похоронили.

А. Метлинский

28 дек. 1848

Почтеннейший Измаил Иванович! Поздравляю Вас с семейством и родичами с наступившим праздником рождества Христова. Лучше этого ничего не могу сказать Вам; но обещавши почтеннейшей Елене Ивановне писать к Вам, скажу еще чтонибудь. Главное, о чем должен я по желанию Вашей маменьки уведомить Вас, это что я оказал значительные успехи в преферансе, игравши у нее недавно раз с Носичевым, а другой с Тихоновичевыми. Архиерей наш, говорят, ведет строго монашеское житие; он низенького росту и очень благообразен. Еще говорят, что Ходнев, играя в лото (у Собкина что ли, или у Альбинсона) открыл мошенничество, состоявшее в выкладывании билетов №№ из рукава. Барышев, родственник Соловьева, бывший студент, ночью, в болезни что ли, упал со стаканом в руках лицом на стакан, разбил его и у него чуть ли не антонов огонь от этого. Конечно, маменька писала Вам, что с нею сделался было истерический должно быть припадок; к счастью были в это время Носачев, и кое как помогли. Это для Вас неприятно; но лучше знать нежели не знать, думаю. Написал бы Вам о чемнибудь позанимательнее, но право ничего нет или не знаю. Кланяюсь знакомым.

28 февр. 1849. Харьков

Так вот Вы, Измаил Иванович, и академик⁷⁵): от души радуюсь этому и поздравляю Вас с новым званием и новыми средствами быть полезным для общества. Мне уже давно, не знаю почему, казалось, что Вам следует быть в Академии, или, может быть, хотелось, чтобы вы достигли в нее, потому что при Вашей деятельности это не только для Вас полезно, но и для просвещения. Речь Ваша должна быть занимательна в ученом отношении, ежели Вы писали о языке церковнославянском, как предполагали в Харькове. Из Ваших здешних учеников Сухомлинов намерен

был готовиться к магистерскому экзамену по славянским языкам, живучи у своего дяди недалеко от Одессы. Петрова⁷⁶⁾ хотят оставить при Университете: он намерен держать Магистерский экзамен, кажется по русской словесности. Хлопов⁷⁷⁾ в некоторых отношениях даровитее всех их, а между тем, не кончивши курса, поступит на службу в какую-то Палату; впрочем он и теперь не оставляет занятий, составляющих для него жизнь или потребность, а не средство к жизненным потребностям. Пишу об этом к тому, что, кажется, при теперешнем Вашем влиянии и при старом образе мыслей, заставлявшем Вас принимать участие во всяком даровании, Вы не будете считать лишним сведение об людях, которых дарования были Вами замечены (на всякий случай).

Будучи теперь нездоров более обыкновенного, и потому посещая людей менее обыкновенного, не могу сообщить Вам харьковских новостей. Артемовский по приезде из Полтавы подал в отставку по Университету, вследствие замечания по случаю баллотировки Косинского, и бывших и ожидаемых неприятностей по институту, думают (впрочем он действительно слаб здоровьем, повидимому). К. Цертелев послал это прошение к Кокошкину с мнением, что препятствий на это нет, и должность его без всякой потери может быть поручена проректору и кому нибудь из профессоров. Может быть пора Артемовскому успокоиться, но жаль, что выходит он *так* из Университета⁷⁸⁾. Кокошкин, говорят, выхлопотал прибавку платы за слушание лекций (до 40 серебр.): не разбирая, чего стоят иные лекции сами по себе, нельзя не заметить, что для бедных студентов такая плата слишком тяжела, — а ведь кто и учится как не бедняки? Богачи заплатят за лекции не занимаясь или из крестьянского оброку, который придется увеличить. Несостоятельность не всегда избавляет от платежа. Недавно многие выключены Кокошкиным из списка настоятельных: одного из них я знаю — не принят на казенный кошт по слабости здоровья и жил уроками, получая квартиру и несколько рублей на одежду, а занимался усердно. Конечно, Времьев собирает пожертвования от богатых студентов в пользу бедных, как знаю от жертвовавших, но многие ли пользуются из этих жертв, не слышно. Говорят, что Бодянский принужден оставить Университет, и чтение *Общ. Ист.* и др. запрещено издавать⁷⁹⁾. Обратите внимание на духовные стихи, напеч. в Чт. Киреевским. Здесь я на днях познакомился с молодым человеком (Якушкин), который оставил Московский Университет, лет пять ходил по разным губерниям, собирая песни, сказки. И передал их Киреевскому (Даль знает об нем); теперь он ищет места уездного учителя, и по неимению форменного свидетельства о поведении едет на днях в Орел обратно. Брат мой Федор надеется получить место младш. уч. в Тамбове. Открывается два места

инспекторских; то не получит ли Тихонович? Костомаров в Саратов; хочет заняться мифологией. Кланяюсь Вашим и своим знакомым.

Амвросий Метлинский

(На 4 стр. збоку приписано) Не известно ли Вам о судьбе моего издания у книгопродавца?

23 июня 1849. Воронеж

Благодарю Вас, почтеннейший Измаил Иванович, за Ваше желание и стремление сохранить тот душевный союз, который годы и отношения укрепили между нами. Это всегда было моим искреннейшим обетом, хотя, быть может, я не всегда умел выполнить его. Особенно чувствуем отраду и необходимость живого представления и воспоминания об отношениях и людях, привязывающих нас к жизни, когда гибнут лучшие наши надежды. Поэтому письмо Ваше, полученное мною в Харькове перед отъездом моим в Воронеж, по несчастному случаю — болезни брата моего Федора, ехавшего в Тамбов на должность учителя, было очень кстати. — Меня порадовали занятия и успехи Ваши настоящие и предполагаемые и Ваше ко мне внимание. Я испытал, как утешительно участие ближних, спасающее нас при горестных обстоятельствах; но никому не желаю подобных опытов. Впрочем и при самом лучшем счастье, думаю, и Вам приятно знать, что кроме других, есть на свете и моя душа, любящая радоваться Вашими радостями и готовая разделить Ваши печали, от которых да сохранит Вас бог. По случаю поездки моей в Воронеж, дали мне поручение присутствовать при окончательных экзаменах в здешней гимназии. Это совершенно прервало мои занятия, тем более, что едучи сюда я не мог думать о занятиях да и теперь занятие большим почти отчаянно и экзаменам мало оставляет времени. Разрушилась надежда моя пожить вакации с родными благодетельною для меня деревенскою жизнью, и вообще несколько пострадало душевное спокойствие. Здоровье брата несколько поправилось, но, что будет, не известно. Читаю здесь книги, знакомлюсь с Воронежем, провожу время с Де-Пуле⁸⁰), который самым извещением меня о болезни брата оказал мне истинно дружеское участие. Брата вез извозчик в бреду в открытой повозке три дня в Воронеж в жестокие жары, вместо того, чтоб вернуться в Харьков: так сцепление случаев доводит несчастья и счастья до непредвиденного размера. — Здесь представился мне случай ознакомиться с корпусом и его средствами и подивиться его огромным правам и преимуществам перед гимназией. Гимназия здесь по преподаванию порядочная. Лучшие успехи у русских учителей, особенно у Суворова, по законоведению; худшие у немца Флаема, у кото-

рого некоторые ученики I-го класса не умеют даже читать. Впрочем он полезен тем, что содержит женский пансион! Получает, говорят, награды.— Здание гимназии самое жалкое. Что годилось для четырех классов; теперь иные классы наверху, в комнатах с окнами в аршин, а пансионеры в отдельном доме. Место гимназии прекрасное; близко и к полю и к лучшей части города, с садом, выходит напротив корпуса на лучшую улицу; к нему прибавлено от города место для постройки нового здания, а старое могло бы служить для директорской квартиры, канцелярии. Но все это должно продать за бесценок, потому что, жалко подумать! уже куплено для гимназии старое здание за сто тысяч слишком, — а будет стоять на худшем месте, и стоит более 200 тыс. с перестройками, а все таки, говорят учителя, выйдет дрянь — и тесно, и неудобно, и старо, и ветхо. Даже никак не помещается I класс, библиотека и кабинеты! Между тем как в Курске за 240 тысяч выстроена вновь превосходная гимназия, может быть лучшая в России, по замечанию самого государя императора, а он видел их довольно. Жалкая и неудачная мысль покупать старые дома для постройки новых зданий, которых самое назначение совсем иное! — Стоило запретить даже попытки на подобные неудачные покупки.

Де-Пуле вспоминает об Вас с особенным уважением.

Я очень благодарен Федору Леонтьевичу за его доброе участие. Вашу маменьку оставил в добром здоровье. Не знаю, как ее поездка. Быть может, Вы знаете, что Федор Леонтьевич более всего может этому подействовать, потому что маменька более всех, и, конечно, справедливо его уважает и полагается на его мнение. Советы и содействие других в этом случае или излишне или бесполезно.

Александр Федорович хотел быть в Харькове и верно уже там. Воронцов проехал через Харьков, говорят, в Англию. Эйнброт женится на кн. Цертелевой; Бахметьев на Кокошкиной; Галицкий на дочери гувернантки Кокошкина.

Желаю Вам благословения божия с Вашей доброю супругою и Вашими детьми. Кланяюсь знакомым.

Ваш Амвросий Метлинский

Октября 14 дня 1849 г. Харьков

Последний раз писал я к Вам, почтеннейший Измаил Иванович, из Воронежа; письмо то, надеюсь, Вы получили. Зная Ваши занятия, я пишу к Вам, не дожидаясь своей очереди. В последнее время, если хотите знать, что меня занимало, был я озабочен болезнью брата, а по выходе его из больницы, бродил с ним, гуляя, охотился, сколько могу охотиться, и на беду себе, простудившись, прихворнул было: не мог много и дельно заниматься;

приготовил кое что для лекций; читал путешествие Ковалевского да журналы. Вам, верно, писали о смерти г-жи Легони. Марья Андреевна Носачева выздоравливает. Тихонович едет в Курск вместо Тамбова, инспектором, а Беригард в Тамбов из Курска. Здесь тихо и глухо по литературе; молодые люди поне многу готовятся и готовят кое какие собрания слов и проч. И таких мало; больше начинают, чем кончают. Валицкий отдал за долги дом свой; жаль, что дела его не в порядке! Зернин кончает докторский экзамен. Декан наш Протопопов прогнал свою жену, говорят. И малол и что говорят... Но я редко что из этого слушаю и слышу. Если б больше сил для занятий, помирился бы с судьбою, — да я с ней и то не очень в ладу.

Без Вас, любезнейший Александр Федорович, был я мимоходом раза два на даче; но был дождь и все как то пусто, невесело. Благодарю Вас за несколько приятных часов, за которые обязан Вашей откровенной душе. Поблагодарите Измаила Ивановича за память его об наших харьковских изданиях в Ж. М. Н. Пр. — Неговского ⁸¹) я понукал поспешить со словами песен и письмо откладывал к той поре; но он извиняется в медленности переселением своим с Холодной Горы на Конную (площадь). Но он трудится и придет. Жаль, если Вы свой труд не произведете на свет. Катерине Федоровне и деткам желаю всех благ. Будьте все здоровы. Ваш

Амвросий Метлинский

(На стор. 2-й збоку написано *): У нас редкая осень; тепло, солнечно, изредка весенний дождик, пыль (стр. 3-я) прибьет и опять и светло и сухо.

16 дек. 1849 X

Почтеннейший Измаил Иванович! С одною из последних почт я надеялся писать к Вам при высылке песен, списываемых студентом Неговским для Александра Федоровича, но и на этот раз, к сожалению моему, песни еще не готовы; по словам Неговского, он скоро их кончит и доставит. Это сказал он дней десять тому назад в ответ на мою записку, но потом, не отыскивая его ни разу в университете, я вчера был у него нарочно, и не заставши в квартире (на Конной площади), оставил ему записку. Я давно списал бы это сам, но Алекс. Фед. знает, что эти песни известны только Неговскому и известным ему мужикам с Холодной Горы. Я могу только побуждать Неговск., что и буду продолжать, и по получении немедленно вышло.

*) Це приписка на адресу брата дружини Срезневського — Олександра Федоровича Тюрина.

Здесьшний архиерей, Филарет, занимается, как видно, историей здешнего края, и просит меня помочь ему указаниями и отысканием того, что сюда относится. Прочитавши Вашу статью, когда то напечатанную в Губернской газете, он желает достать и рукописи, которыми Вы пользовались. У Вас была какая то летопись Лисевидких. Шафонский (библиотечный) и проч. до сих пор не возвращены от Бодянского. Если что имеете о здешнем крае и желаете доставить архиерею, то он будет Вам признателен. Во всяком случае напишите, что мне ему сказать на его просьбу об этом, которую я обещал ему передать Вам. Вы, верно, слышали и ждали о смерти Дударева. Платонов болен, но теперь не опасно. Сегодня просмотрел я в библ. Ваши две статьи; Ваши собственно, кажется, та же, что в акте; Александр Федорович имел придать основательной учености необыкновенную занимательность.

Не рассердитесь ли за мою просьбу (на стр. 4-й збоку написано) справиться на досуге о моем сборнике? (на стр. 2) Напишите о новых порядках (стр. 1). Да благословит бог всех Ваших.

15 февр. 1850. Харьков

Почтеннейший Измаил Иванович! Благодарю Вас за сочинение мысли об истории русского языка, доставленное мне от Федора Леонтьевича, сочинение весьма замечательное и по сообщаемым выводам, и еще более важно по тем надеждам, которые подает оно на обработку Вами Истории русского языка в полнейшем объеме и строго систематическом виде. Архиерею Филарету я доставил экземпляры и Ваше письмо, по поручению Федора Леонтьевича.

Не знаю, как приняли Вы мои слова в одном из прежних писем, что „Ваша маменька по временам очень грустит и скучает“. Долгом считаю прибавить, что сказано мною не от нечего говорить. Я знаю, что это известие не может быть для Вас весело, а потому ни письмо, ни меня не делает Вам приятным, но предпочитаю истину, потому что она полезнее и Вы ее не от всякого услышите. Некоторые очень хорошие Ваши знакомые думают, что одиночество и дурное расположение духа может иметь неблагоприятное влияние на здоровье. Вашей маменьки, и хотели написать Вам об этом. У Елены Ивановны едва ли достанет решимости пуститься в дорогу с чужими людьми, потому что она может быть ясно чувствует, что трудно ожидать больших попечений от попутчиков в дороге; это не то, что оставаться на месте, где есть знакомые. Не можете ли Вы на время отлучиться из Петербурга? Живое свидание ничем незаменимо.

Обо мне получена на днях бумага из Министерства, угрожающая мне бедою. Г. министр, предполагая переместить меня

ад'юнктом в Киев, а Костыря в Харьков, спрашивает, нет ли на это препятствий. Со стороны службы нет, но со стороны моих личных неудобств — много. Это отдалит меня от родных на несколько сот верст, разорит при неудобстве перевозки вещей и книг, лишит начальства, которому известна моя служба, медиков, которые знают мою болезнь, вакансии, которая должна открыться по выслуге лет Якимовым, знакомых, подчинит вероятно недавно начавшему службу Селину, который если не профессором, то скоро будет им, как известный своему начальству. Этого не заслуживали ни моя служба, ни труды, ни здоровье, чтоб сказать мне из псалма: „Превитай на горах аки птица“ — Добро бы еще повысили в звание профессора! и проч. Но, видно, не нам счастье!

Не можете ли сделать чегонибудь полезного для меня в этих обстоятельствах или сами или через Иннокентия? — Одна перевозка собственного издания разорит меня. Всегда признательный Вам

Амвросий Метлинский

Харьков. 20 февраля 1850 года

Почтеннейший Измаил Иванович! В недавно отосланном к Вам письме я так мало написал Вам о своих обстоятельствах и отношениях, что это могло бы затруднить Вас при всей возможности и желании Вашем сделать для меня чтонибудь полезное по делу о предполагаемом г. министром перемещении меня в Киев. Напишу Вам обо всем подробно.

Здоровье мое так расстроено, что может быть скоро придется просить об отставке; пенсия по болезни дается только за от лично-усердную службу, а служба моя в Киеве неизвестна. Хотя, скажу Вам с горестью, без хорошего здоровья везде плохо, но здесь я могу ждать более участия и пособия от начальников, медиков и вообще людей, знакомых Харьковских, нежели от незнакомых киевских, которых расположение приобретать мне будет труднее, нежели было бы прежде. В 1848 году Совет Университета определил ходатайствовать об отправлении меня, при благоприятных обстоятельствах, за границу, для изучения эстетики в Германии и для поправления здоровья в Зальцбруне; очень может быть, что это никогда не сбудется, но и надежда лучше чем ничто. Если, бог даст, здоровье мое поправится, то могу надеяться здесь после В. А. Якимова, который года через два дослужится пенсии, получить звание экстра-ординарного профессора. В Киеве, кроме ад'юнкта Костыря (родственника, племянника Валковского помещика полковника Костыря, женатого на сестре Костевской), предполагаемого на мое место, был еще ад'юнкт Селин, который если не получил еще степени доктора и звание профессора, то все таки может быть предпочтен мне

своим начальством, как человек ему известный. Родные мои от Харькова собственно в полтора раза (200 и 300) ближе, нежели от Киева. Здесь мне, вероятно, легче будет пристроить в университет или по гражданской службе брата Онисима, оканчивающего в этом году учение в пансионе Н. А. Сливичского. В здешнем округе, в Тамбовской гимназии, служит брат мой Федор, которого буду стараться переместить или в Харьков или в Полтаву. Из вещей и книг мне пришлось бы при перемещении сбывать здесь за бесценок или бросить большую часть. По всем этим обстоятельствам, думаю, неудобно перемещаться в Киев ад'юнктом, куда харьковский университет за семь лет рекомендовал меня на место профессора. Роптать мне не на кого. Ежели доля моя и не отрадна, то причина ее отчасти во мне самом; у меня не стает сил приспособить свои труды к достижению успеха и счастья по службе. — Я подал докладную записку ректору о предстоящих мне неудобствах при перемещении, и попечитель верно представит об этом министру. По совету расположенных ко мне людей написал я также об этом к высокопреосвященному Иннокентию и к министру, с просьбою об оставлении меня в Харькове или вознаграждении повышением при перемещении. Исторический Киев привлекателен и может быть благоприятнее Харькова для занятий, но для этого необходимо сколько нибудь независимое положение. Если найдете что нибудь возможным и полезным сделать для меня, добрейший Исаил Иванович, то поспешите. Прилично ли будет поднести Иннокентию от моего имени „Южно русский сборник“ и не слишком ли вольно его содержание для такой особы? — Впрочем, сообщивши Вам все, что могло быть нужно, вполне вверяюсь и предаюсь Вашему уму и сердцу.

Всегда преданный Вам *Амвросий Метлинский*

22 февраля

P. S. Я думал отправить это письмо сегодня, в среду, но узнал от Елены Ивановны, что посланное в среду доходит медленнее чем в субботу. Я не думаю, чтоб при теперешнем здоровье удалось мне написать что нибудь лучше речи своей об истинном значении поэзии (1843), хотя вижу ее недостатки. Нельзя ли Вам узнать от Никитенка и проч., стоит ли она быть принятою за диссертацию? Здесь я также спрошу частным образом членов; Якимов и Протопопов едва ли, как знаю по первым их словам на это. Притом же знание языков славянских и русского в историческом и филологическом отношении не определенительно и в строгом смысле невозможно. Для этого ни руководств, ни способов, ни времени не станет. И как смотреть на студентов, не выдержавших экзамена?

Не послать ли мне свои сочинения к Ширинскому - Шахматову Вашей супруге и Александру Федоровичу свидетельствуя свое почтение.

(На 4-ой стр. збоку написано) Благоразумно ли мне убивать здоровье на докторство, когда и без того недостаток здоровья мешает моему преподаванию? (Стр. 3) Нельзя ли мне найти значение по составлению малоросс. словаря и собиранию памятников народной словесности? Кажется я был бы этим полезен (Стр. 1-я вгорі написано) 25 февр. Сегодня Косов защищал диссертацию. Архиерей спрашивает, не писали ли Вы об рукописях касательно Слободской Украины, не пришлете ли?

Мая 6 дня 1850. Харьков

Почтеннейший Измаил Иванович!

Я давно желал написать к Вам несколько строк, но жестокая простудная болезнь в последние две недели поста и даже потом помешала этому. Удивляюсь, как могло Вам показаться, будто одно из моих писем к Вам написано с целью оскорбить Вас с упреками в равнодушии к Е. И. *), с приписыванием ее непростого езды Вашему нежеланию и тому подобн. — Точно, мне было бы грешно и стыдно, если б это была правда. Не помню дословно своего письма, но живо помню чувства и побуждения, с которыми писал, и могу сказать Вам по совести, что Вы истолковали и в превратном смысле, что могло быть и от моей вины — краткости, неясности, дурного выражения. Об ином я и не мог яснее выразиться, особенно тогда. Ваша маменька была что называется очень в дурном расположении духа, и знакомые, напр., Ив. Дм. боялись, чтоб она не заболела, но не решались, как сказали мне писать об этом, опасаясь неприятностей, не зная мнения Федора Леонтьевича, который был в отлучке. Я, при всей неохоте сообщать неприятное, считал необходимым написать Вам об этом обяснить понимаемые или воображаемые мною причины затруднений к отъезду Елены Ивановны, сослаться на авторитет других при убеждении в недоверии ко мне по причине справедливо приписываемой мне неосновательности и мнительности в делах житейских и предложить по моему верное, оказавшееся неосновательным средство для желаемого Вами переезда, полагая, что летние месяцы два Вы будете свободны, и спеша уведомить, пока не решились, как провести вакации. Вот Вам, любезный Измаил Иванович, сушая правда! Вообще я старался или желал стараться принимать участие в этих делах, зная Вашу взаимную любовь, что в разлуке не можете быть спокойны, и считая желание матери и сына быть вместе священным: „се что есть добро и что есть

*) Олена Ивановна — мати Срезневського.

красно? Еже быти братии вкупе". Хорошо ли это по климату Петербурга и проч., не смыслю. Но как добра была ко мне Ваша маменка! Как уверена, что я не мог и думать огорчить Вас! И точно, из какого сумасбродства я мог это сделать? — Совет мой приезжать Вам (если нельзя надолго) неоснователен; я и после подумал: случись нездоровье Е. И., тогда Вы уедете без нее?.. Если нельзя будет выехать, то на случай будьте уверены, что я столько считаю себя Вам обязанным, что не могу иметь и тени неудовольствия. — Потрудитесь передать мою усерднейшую благодарность Александру Федоровичу за его прекрасную статью. Если успею отыскать здесь что нибудь из желаемых им книг, то постараюсь приобрести и ему доставить. Статейка Сементовского у меня переплетена вместе с несколькими другими заветными малоросс. сочинениями, которых послать нельзя. Не достану ли у его Семент. бывших сослуживцев; спрошу и в лавках. К удивлению, здесь нет ни одного издания песень. Максимовичево 1849 года кому то продано (и у меня его нет⁸³). Надеюсь, в Киеве, куда перевожусь, достану издания Максимовича и доставлю. Попечитель оставил меня здесь до конца учебного года. Там, говорят, П. П. выжил Костыря из расположения к Семену (не ручаюсь за правду). Не можете ли Вы или Александр Федорович узнать о моем сборнике? Не осудите за просьбу. Кланяюсь низенько всем Вашим родичам.

А. М.

(На стр. 1-й збоку написано): Напишите, если можно, мне список новых филологич. сочинений, стоящих купить. (Стр. 2-я). Извините, ежели Вам наскучаю. (Стр. 3-я). Для одной диссертации за пост собрал 100-ую часть материалов и начал для другой заниматься псалтыр! (?)

(Стр. 4-я). Николая Ивановича поздравьте от меня с чином, Ал. Фед. с нагр.

Августа 11 дня 1850 года. Харьков

Почтеннейший Измаил Иванович!

Вчера я защищал свое рассуждение, которого несколько экз. Вам посылаю. Будьте к нему снисходительны. И расстроенное здоровье, и неизбежная необходимость написать сочинение и держать экзамен теперь или никогда были причиною, что я ничего не мог сделать лучшего. Поспешные занятия, экзамены, печатание среди штукатуров в самое смутное время типографии, когда ни от кого не было помощи, а только затруднения, в жарко истопленных среди лета типографских комнатах, наконец, трех-часовые споры защищения совершенно меня измучили и кажется довели до того, что я не долго буду пользоваться докторством, предполагая, что буду в нем утвержден. Я думал сейчас ехать

в Киев, чтоб не просрочить отпуск, но совершенное изнеможение до того что едва могу держаться на ногах, задерживает меня здесь. Брат Онисим поступил в университет, но по существующему положению, распоряжению министра, может перейти в Киев только вначале учебного года, и тут тысячи неудобств. С посылаемыми экземплярами сделайте, что найдете для меня полезнейшим, я поручаю себя Вашему благородству и Вашей добросовестности. Достойным людям в министерстве и прочая передайте от моего имени, кому она может быть полезна скольконибудь и кто скольконибудь может быть признателен. Вы очень хорошо знаете, как предосудительны могут быть для меня журнальные неблагоприятные толки, хотя бы и неосновательные, потому что все зловерное для ближнего многими принимается на слово, без проверки, и потому, если сохранилось в Вас прежнее дружеское ко мне расположение, то Вы будьте так добры ко мне, что употребите зависящие от Вас средства, для предупреждения подобных пересудов.

Если буду утвержден доктором и бог даст мне скольконибудь здоровья, тогда мне приятнее будет с спокойным духом побывать и в Петербурге, особенно если начальство поможет, для изучения всего близкого к моим занятиям. Еще лучше, если бы позволили мне изучить памятники искусства за границей и поправить свое здоровье минеральными водами в Зальцбруне. Я думаю лично передать экз. министру в Киеве и послать товарищу министра и директору департамента. Ежели не забыли меня и отзоветесь на мое письмо, то напишите обо всех Ваших домашних, а от меня передайте им усердное желание всего доброго А. Метлинский.

(На стр. 2-й сбоку написано): Я уже утруждал Вас несколько раз просьбою об расчете с книгопродавцами за сборник. (Стр. 3). Федор Леонтьевич поехал, говорят, встречать министра. (На стр. 2-й). Костыр, пробывши здесь недели две, подал в отставку (на стр. 1-й), и я не знаю, не переведут ли меня опять в Харьков.

Ноября 3 дня 1850 года. Киев

Принимаясь за письмо к Вам, почтеннейший Измаил Иванович, первое письмо к Вам из Киева, с грустию вспомнил я, что, несмотря на давний выезд Ваш из Харькова, Вы все таки, можно сказать, гораздо ближе к Харькову, нежели к Киеву. Там несравненно чаще и легче получить весть от Вас и об Вас и всех Ваших, нежели здесь. Так я тут отрезан не только от Харьковских, но и от других своих знакомых и добрых приятелей. А это для меня не весело.— Недавно прочитал я Вашу статью в Северной пчеле о трудах Академии: она мне напомнила Вас и Ваш образ мыслей и выражений, Вашу всегдашнюю неизменную любовь к трудам истинно ученых. Как жаль, что газета не передает известий о семье и быте наших знакомых. Все ли Вы

здоровы? Как живется и здоровится нашей доброй Елене Ивановне? Привыкла ли она к Петербургскому климату? Здоровы ли Ваша Катерина Федоровна, Александр Федорович?

Если Вам недосуг, не напишет ли ко мне несколько слов Александр Федорович, Елена Ивановна?

Сообшу Вам по старой памяти и о себе. Помнится, 10 августа защитил я диссертацию в Харькове, а 20 авг. на срок 28-ми-дневногого тпуска приехал в Киев с одной из своих сестер, чтобы не совсем одиночествовать меж чужими людьми, на чужой стоне. Потом, недавно, разрешили мне перевести сюда и брата Онисима, — недавно сюда приехавшего студентом по естественному разряду (в Киеве из частных учебных заведений не принимаются в университет). Жить здесь дороже Харьковского; климат теплее, но ветреннее в каком угоднм смысле: и переменчив и вечно дует, быть может, и потому, что университет почти в поле, в конце города. Он так далеко от прочих городских частей (Печерской, Подола), что необходимо жить на новом строении, кто живет пешеходом. Министр остался очень доволен университетом.

Лекции посещал с 8 до 3 часов. На прощанье говорил нам очень умную речь, в которой убеждал основывать преподавание на законе божием и преданности отечеству и не увлекаться философскими бреднями. Моей лекцией остался он доволен, как можно судить из слов его, сказанных мне, и потом рассказа Юзефовича.⁸⁴⁾ Я доставил ему и свою диссертацию, которую он принял благосклонно и обещал помочь мне в случае необходимости отправления за границу. Мне хотелось бы, по крайней мере, побывать в Петербурге для ознакомления с художественными произведениями и в Крыму для поправления здоровья. Устроившись и успокоившись от переезда и нездоровья, здесь займусь, надеюсь, трудом не без пользы для слушателей. Между тем докторство мое, в котором ожидал утверждения, странным образом подверглось проволочке в факультете. А. П. Рославский, справившись о моем деле, узнал, что оно спокойно лежит в факультете, и как пишет мне от 18 октября, недавно только двинулось к попечителю. Вот как делаются дела в наше отсутствие, когда они предоставлены деятельности других!..

Если бы Вы, Измаил Иванович, или П. В. Тихонович, или А. П. Рославский были там, другое дело; этого не случилось бы и у П. П. Артемовского. Мне совестно беспокоить Вас своею просьбою, зная, как дорого Вам время, но все таки попрошу Вас, как всегдашнего моего благотворного помощника и покровителя, сделайте, что возможно Вам, для ускорения дела о моем утверждении в степени доктора. Нельзя ли будет это утверждение прислать сюда, не допуская его блуждать по Харькову из канцелярии в канцелярию? И нельзя ли порадовать меня добрым словом о себе и своих?

Всегда благодарно признательный Вам *Амвросий Метлинский*.

(На стр. 3 збоку написано): если Вы знакомы или познакомитесь министерским столоначальником Мацкевичем, которого племянники (стр. 2) здесь учатся, то прошу Вас спросить у него не хочет ли чего поручить мне касательно их? — Н. Т. Костырь говорят, получил в П-ге утверждение в профессорстве и пособие на проезд.

Июня 10 дня 1851 года. Киев

Полагая, что вам, любезнейший Измаил Иванович, недосуг вести со мною переписку, я давно не утруждал Вас своими письмами, и даже со времени перемещения в Киев, потерял возможность получать верное сведение о житье Вашем и Вашего семейства. Надеюсь, что Вы все здоровы, счастливы. Один из моих добрых киевских товарищей, Карл Федорович Ксилер, едет в Петербург. Поэтому я прошу его навести справку об участии моего *Южного русского сборника*, и ежели часть посланных экземпляров продана, получить деньги или отчасти книгами (новым изданием *Павского; русской грамматики Давыдова*, о которой была Ваша рецензия). Думаю, он согласится похлопотать об этом, а Вы не откажите сообщить ему нужное для этого.

Я слышал, что академия разослала корректурные листки Белорусского словаря: хорошо бы и сюда его прислать — студентам черниговцы могли бы пополнить. Слышно также, что и Боровичковский передал академии свой многолетний и обширный труд — словарь малороссийский: дай бог чтоб он достиг своей цели.

Здесь высочайше утверждена комиссия для описания губернского округа, и кажется описание будет относиться преимущественно к естествознанию и статистике, а язык останется в стороне. По крайней мере, говорить об нем можно и должно упомянуть в общих чертах.

Здесь я нашел хороших товарищей, и будь здоровье, мог бы трудиться с пользою.

Остаюсь пока исправляющим должность экстер. — говорят, что еще я недавно на службе, т. е., здесь; впрочем я никого ни о чем не прошу и даже не спрашиваю.

Свидетельствую мое почтение и желание всех благ всем Вашим.

Извините за плохое письмо: дня с четыре я нездоров, а особенно со вчерашнего дня — жестокая головная боль и так слаб, что едва могу писать.

Всегда любящий и уважающий Вас *Амвросий Метлинский*.

8 января 1852. Киев

Поздравляю Вас, любезнейший Измаил Иванович, Вашу семью и Ваших родных с наступившим Новым Годом; от всей души

желаю всем. Вам провести этот и следующие годы Вашей земной жизни в добром здоровье и благополучно.

Последний раз, перед этим письмом, но уже довольно давно, писал я к Вам из Киева, но ответа на письмо свое не получил, не знаю почему: или мое письмо не дошло к Вам, или Вам недосуг продолжать некогда существовавшую между нами переписку, — или я, может быть, каким нибудь необдуманном словом в письме невольно огорчил Вас? Последнее было бы для меня прискорбнее всего, и я всегда готов загладить вину свою, перед кем бы то ни было, а тем более перед Вами, которому столько обязан в разных отношениях.

В письмах своих к харьковским знакомым просил я уведомить меня об Вас и Вашем семействе; зная, как деятельно переписываетесь с Федором Леонт. но оттуда получаю слишком редко и очень короткие письма. Конечно, Вам в семейной жизни и при Вашем знакомстве не легко представить себе, как отраднo для одинокого странствoвателя по плохой дороге жизни, в ненастную ее погоду, получить весть о старых приятелях, напоминающих приятную годину существования.

Здесь впрочем не без добрых и образованных людей и товарищей, на службу свою также грешно было бы мне пожаловаться; одна беда моя — слишком плохое здоровье, не позволяющее мне действовать по своему желанию.

У меня есть к Вам, добрейший Измаил Иванович, просьба: если она не составит для Вас труда, будьте ласковы, исполните ее. В Петербурге вышло 2-е издание Павского „Филол. Наблюдений“ с прибавлением 4-ой части. Здесь я нигде не могу отыскать для себя не только нового, но и старого, и ожидания от книгопродавцев на счет получения остаются неосуществляющимися. В университетской библиотеке есть только старое издание и держивается одним из преподавателей. Я желал бы получить новое издание Павского или за деньги или еще лучше в обмен на Южный русский сборник, который предоставил в Ваше распоряжение, и вообще окончить счета по распродаже его, ежели она состоялась. Не будет ли удобным сделать это через здешнего книгопродавца Литова, который, как сказали мне в лавке его, поселился в Петербурге и открыл там книжную лавку для удобства сношений по своим делам. За свой экземпляр Павского вознагражден присылкою других сочинений. Не предполагаете ли издания полнейшего Вашего сочинения об истории русского языка? И не можете ли выслать мне других сочинений, недавно вышедших по русской филологии, как, напр., грамматика Давыдова, ежели она напечатана? Я читал Вашу рецензию, но книга, кажется, не была еще издана. Здесь я много перечитал сочинений по изящной иностранной словестности, чему способствовало и общество товарищей немцев, по русской филологии принимаюсь

только заниматься и прошу Вашего совета и содействия, а души преданный *Амвросий Метлинский*.

(На стр. 4 сбоку написано): В следующем году часть преподавания намерен я употребить на разбор филолог. сочинений (На стр. 3) В конце старого года я было заболел и еще не поправился (На стр. 2). Братья мои Онисим со мною, студентом на естеств. разряде (стр. 1), а Федор старшим учителем в Новгород-Сверске.

19-е февраля 1852. Киев

На днях (15 фев.) получил я письмо и посылку Вашу, добрейший Измаил Иванович! От всей души благодарю Вас, что меня не забыли. Знаю и вижу, как и сколько Вы трудились, и понимаю, как мало у Вас досуга, который притом должен принадлежать Вашему отдыху от тяжелых трудов, в кругу Вашего милостивого дарованного Вам богом семейства, да поможет же он переносить Вам Ваши труды и сохранить Ваше здоровье, которое не для одних Вас нужно и полезно. Литов теперь в Киеве. Он согласен взять на комиссию сборник, и потому, как Вы писали, приказчик его доставит Вам это письмо от меня и получит экземпляр диспута, расписку, которую Вы, будете так добры, перешлете мне. Если найдете ли удобным поручить этому же приказчику свести счеты Печаткиным, и если получите деньги, то выслать мне его расписку в этом, или не возьмется ли это дело устроить из приятности ко мне М. И. Сухоминов. Рассудите как лучше.

Ваш экземпляр Павского полнее моего, может быть, дороже, притом я уже получал от Вас столько сочинений, за которые, к несчастью, не могу отблагодарить Вас подобными трудами. Поэтому было бы справедливым вычесть Вам при расчете с книжным продавцом, что следует за наблюдения, или получить с Литов, хоть книгами, хоть деньгами, а он, т. е., его приказчик, напишет сюда и я здесь сочтусь.—Издание Известий превосходно задумано; оно современем составит род энциклопедии славянской русской филологической, куда впрочем может войти почти вся народная жизнь; теперь же это многим поможет быть в уровне с ходом филологии нашей и укажет приют для сохранения драгоценных сведений, которые без того могли бы исчезнуть. Мне особенно то приятно, что я вижу возможность и себе что нибудь сделать для Известий, не состоящих из одних только высочайших ученых статей, но принимающих и материалы. Я надеюсь издать часть басень Боровиковского⁸⁵). Некоторые из них с примечаниями можно бы, кажется, поместить в Известиях. Он, слыша, тоскует, что ничего не слышит об участии посланного им в академию Малороссийского Словаря, кажется, до буквы З. В самом деле, что то замолкли об этом издании. Верно, это будет посылка издания Белорусского. Тепер редко кто знает язык наш, к

ровиковский. Хорошо бы его поддержать и ободрить. Поздравляю Сухомлинова. Кланяюсь всем Вашим; Ваша семья была для меня как родная, а этого я не встречал в жизни, и едва ли уже встречу когда нибудь. Рад бы трудиться, но здоровье мое очень слабеет, а при этом и жизнь не на радость. — Леоновым и Ванишеву передал я поклон Ваш; они Вам кланяются. Надеюсь скоро писать к Вам побольше. Желал бы получить известие и от Сухомлинова обо всем, что найдет он полезным передать мне. Всегда любящий Вас *Амвросий Метлинский*.

8-е ноября 1852. Киев

Недавно получил я письмо Ваше, любезнейший Измаил Иванович, от 5-го октября. Неизвестная (а, может быть, тепер уже известная Вам) особа с усами, доставившая Вам мое письмо 19 февраля в октябре месяце, как догадываюсь по усам и уратности ее, должен быть книгопродавец здешний и петербургский Степан Литов. Вспоминаю, что ему передал я когда то письмо для доставления Вам, а по напечатании *Баск* послано его заказчиком к нему же от меня несколько экз. для передачи им же, в надежде, что Вы, по старой дружбе, возьмете на себя, добрейший Измаил Иванович, труд — подарить их от меня да сочтете полезнейшим и приличнейшим. За нескорый ответ Ваш мне не досадовало, не зная о несвоевременном доставлении Вам письма, но зная хорошо, как мало у Вас досуга, при Ваших трудах, как дорог этот досуг для Вашего здоровья и Вашей семьи. Вы так добры, что осведомляетесь, сколько я получил *Известий*, обещая присылать и далее. Хотя я, к сожалению, ничем не успел их заработать, но, пользуясь Вашей снисходительностью, уведомляю Вас, что получил только 2 первые листа и 1 лист прибавлений⁸⁶).

Известия здесь, по моему предложению, выписываются в университетскую библиотеку, и еще одним моим знакомым, Мизко, потому что я их читал и радовался как статьями, так и пробудившейся и обнаружившейся филологической деятельности. Статьи Мейера и обнаружившейся филологической деятельности. Статьи Мейера по ист. литературы для меня важны по своей основательной зрелости и основанности на эстетических началах. Для иных, напр., его бывших слушателей, они, быть может, и не представляют нового.

Пишете о Думах, но Вы знаете сами, что новых не попадает уже их, по крайней мере в Харькове, а здесь не попадают и бандуристов. Есть лирики; поют стихи; от одного из них написал я нечто вроде думы о Почаевской божией матери, но она два, три так исковерканы у него, что нужно исправить от другого певца при случае. Надеюсь доставить Вам несколько хороших песенных и несколько исторических песен⁸⁷).

Это мое письмо, наскоро написанное, полагаю передать чьему-нибудь известному литератору нашего Афанасьева, писавшего и под псевдонимом Чужбинского. Я с ним виделся здесь раза два, три и узнаю, что он обладает обширными сведениями по части этнографии и языкознания Украины, и потому на этом поле, особенно при действии, может быть одним из полезнейших деятелей. Желаю Вам и всем родным Вашим всех благ от подателя их бога, от кого я навсегда любящий Вас Вашим почитателем.

Амвросий Метлинский

2-е февраля 1853. Киев

Письмо Ваше, почтеннейший Измаил Иванович, от 5-го прошедшего года (в ответ на мое от 19 февр. того же года, неаккуратно доставленное Вам Литовым) я получил и отвечал в письме, переданном г. Афанасьеву, собиравшемуся ехать в Петербург. Но г. Афанасьев засел где то в Переяславском уезде, а письмо, как писал мне, переслал по почте. Не знаю, получено ли это. Этот Афанасьев живая энциклопедия для сведений об Малороссии; собирает словарь; списывался, говорит, с Академией: рошно бы Вам устроить его в помощника по этой части. — У меня довольно материалов и много мыслей и предположений об разном трудах; но мало сил и здоровья, и потому с горем смотрю на то, что мог бы сделать и не могу! Лекции утомляют неизменно; писанье тоже, и потом грудная боль и кровохарканье. Стараюсь я привык, тружусь и при этом, принимаю что нужно, чтобы приостановить припадок болезни. Но труд тяжел, а плод его велик, дорого покупаю небольшие успехи. Желая сделать что-нибудь, по возможности, переписал Вам для Известий 3 варианта стихов или думы об осаде турками Почаевского монастыря; можете ли поместить в Известиях? Современем надеюсь доставить несколько вариантов исторических песен; новых дум попадается. Я готов бы передать и все, что имею; но уверен, что при беспорядке, как есть пропадет и не совсем отчаиваюсь, если бог поможет, привести в лучший вид. Часть и в порядке, но для Вас, думаю, надобно что-нибудь отобрать, чтобы имелась целость? Едва ли Вы напечатаете просто несколько песен. Впрочем и это хорошо; поощрило бы других прислать. Надеюсь прислать Вам несколько песен с голосами. Удивляюсь только, что А. Ф. Тюрин не издает своего прекрасного собрания. Трудно и жаль, что уже зовсім готове запаковано, лежат соборно, как бы напечатать, да и мне прислали в Известиях или при Известиях, то я этим быть может заохотил бы какого-нибудь музыканта хоть из за славы записывать голоса. Не могли бы Вы поручить здесь издавать что-нибудь по части южной отрасли русского языка? Подумайте, не удобнее ли будет, чем пересылать

сья. Нашлись бы студенты и другие для пособий в издании
словаря и проч. В Известиях едва ли много можно по-
дать. Но Вам виднее, что и как лучше.

В новое издание словаря предполагаете брать выражения из
простонародного северного; почему же и не южного? Не
единить ли их, как две отрасли от одного корня? — В област-
ном словаре я встречаю и малороссийские слова, иногда в имен-
ном; стоит ли это отметить для Известий? Хорошо бы иметь
свод русских слов на областные; я занимаюсь с некоторыми
любопытными переводом русских слов на малороссийское наречие,
которое составит современем русско-малорос. словарь. Также начал
составлять подробную программу для собрания сведений о народном
языке. Нужно бы установить однообразную правопись для пере-
писки и выговора областных наречий. Боровиковского просил я уве-
домить о времени посылки своей части словаря в Академию, но
не получая его молчанию. — Здесь был товарищ министра Но-
виков; я смотрел на него с чувством великого уважения, к кото-
рому приготовлен был его трудами литературными, и он очаро-
ван необычайною приветливостью. Считая труды свои также
ценными, как и самого себя, я удивился и не знал, что сказать,
когда услышал его слова при представлении: Я знаю Вас по
вашим прекрасным трудам. Он пробыл недолго, был очень за-
нят, а я нездоров, и потому не поднес ему своих изданий, хотя
вообще изъявил свое желание на такие приношения. Притом
думал, не передано ли ему от Вас, особенно заключая из его
речей о Вашем участии. А ежели нет, то сделайте мне милость,
позвольте передать сборник и байки. Если ж розданы, то на-
пишите об этом, пришлю. Усердно кланяюсь Вашим и Сухо-
нову. — Здесь есть надежда на издание нескольких десятков
слов с нотами одним любителем музыки и народной поэзии.
По требованию ректора я передал, что имел, для библиотеки
этого отделения. — Мне очень пригодилась грамматика; я часть
уроков уделяю на преподавание по ней, и уже та польза, что
она заставил студентов иметь ее и знакомиться с нею. А что
я благодарен за присылку, надеюсь показать делом. Вы обе-
щали в письме прислать Известия; для университета я выписал,
и себе иметь не худо бы, и благодарю Вас. Получил же я
только 1-й выпуск, листов 4-ре или 5-ть. Напишите, стоит ли от-
сылать для Известий слова малороссийские, как татарские и
др. Или это не идет сюда?

Еще есть у меня к Вам просьба о важном для меня деле; не
могу только, не совестно ли утруждать Вас ею. Уже несколько
лет собираюсь порядочно полечиться, но все что нибудь мешает.
Хотел послать меня в Зальцбрунг — начались беспокойства за
здоровье, а тут перевели меня в Киев. Теперь мне минеральные
воды уже вредны, здоровье для них слишком слабо; советуют

Крым и кумыс и проч. Поэтому, приложивши свидетельство дика, прошусь в Крым, с удержанием жалованья и 200 руб. пособия, сверх вакаций, на 28 дней. Что сверх того пробуду то вероятно жалованье вычтут, и потому нельзя без пособия ехать. Слышу, что решено представить министру обо мне Н. Ф. Леонове. Вы знаете меня; знаете почему, воспитан родных и помогая им, не мог собрать денег. Поэтому хоть известно, но не совсем грешно просить Вас: не можете ли действовать благому решению этого дела? Нет ли также знакомых у Сухомлинова, кого он мог бы попросить. Он всегда казался ко мне расположенным.— Еще при переводе моем сюда я предуведомлял и г. товарища министра о своем здоровье, предстоящей мне нужде проситься в Крым, и он через г. Гусского отвечал, что будет ходатайствовать, если мое новое чальство на это согласится. Не будет ли к стати напомнить и подаже книжек, если ему не передали еще?— Пишите, будьте ласковы, об Ваших супруге, братьях, маменьке, хоть по одному слову. Мое почтение преосвященному Иннокентию, ежели видится. Всегда Вас любящий и благодарящий судьбу за встречу Вами на пути жизни *А. Метлинский*.

Может быть, в поездке и соберу чтонибудь, а главное нужно собрать сил и здоровья: неоконченные труды как груз на душе тяжелы.— Ежели старое издание словаря лежит без надобности и много лишнего, то может быть пришлете, когда заслужу. Теперь пользуюсь впрочем библиотечным; оно и не очень поэту мне нужно.

Стихи об осаде турками Почаевского монастыря и чуде Почаевской божией матери.

1

Пасли пастирі овці на горі,
Виділи матір божу на скалі;
На тій скалі стойку знати;
Дають вірним воду брати—
В різних хворобах очищати—
О пречиста діво мати!
Де в Почаєві там чудá твої,
Чуда твої над чудами,
Показались над турками,—
Сама там була,
Всіх побідила.—
З града Збаража в Почаїв прийшли,
Много народу християн знайшли,
Зачали брами штурмувати,
Християн хотіли в неволю забрати:

Не допомогла їм божа мати! —
Турки з татарами браму облягли,
Черницю законнику главу зняли:
Несеть у руках свою главу зняту,
Матері божій аби оддати;
Пред престолом падаєть,
І дух свій предаєть. —
Вже ж нас турок наокруг вступаєт
Бесерман стріли як дощ пускаєт,
Ганяється все з мечами,
Берєть голови понад плечами,
Яко безчерниці (бесерменці?)
Всіма*) магометаниці.
Манастир і люди плачуть і ридають,
Руці взносять, крижем падають.
Змилуйся, божая мати!
Не дай же нам загибати,
Туркам — татарам у неволю взяти. —
Над манастирем відомость стала,
Де причиста діва матір божа манастир укривала:
Та не бійтеся християні;
Не допущу я бесурменів:
Архистратих Михаїл з войском всіх поб'єть.
Гукнув на військо турецький баша:
„Тратив я немало, загибіль наша;
Кулі, стріли розстріляли, —
Назад вони вертали,
Всіх нас турки, побивали“.
„Ще ж ми такого чуда не видали,
Щоб на повітрях війська стояли.
Знати з небес божії сили
Полками військо обступили.
Недоле наша, забитий баша. —
Де баша лежить, на гробі камінь;
Присягають турки на віки віків амінь. —
Не будемо більше воювати,
Почаєва розбивати,
Тільки будем іще дань давати —
Вже нам турок аж місця ступає,
З коней падає, карки ламає,
Назад в'язи завертаєт,
Віру добру познаваєт,
А всіх невольників із неволі пускає.
З турецької землі чернець із неволі

*) (Усі ?)

Став єдного дня в Почаєві.
Жеб матір божу ублагати,
Жеб схотіла за плату прийняти,
Як обезчерників,
Усіх магометників.
Отець Залізо перед монархиною
Став на повітрі всіма відомою,
Просить: Пані монархия,
Не одпускай своей сили,
Яко царице всіма нами заступнице.

(Списано от старця (нищого) лирника в Києве в 1852 году).

2

Ізійшла зоря вечерова, над Почаєвим стала.
Турки з татарами брами облягли. Почаєв звоювати:
Матір божая Почаєвська будеть нас ратовати.
Отець Залізо з келії вийшов, сльозами умліває:
„Ой ратуй, ратуй, божая мати, не дай монастир загинати;
„Ой не плач, не плач, святий законник, монастир не загине;
Мусимо встати, чудо показати, монастир ратувати“.
Ой вийшла, вийшла божая мати, тай на крижеві стала.
Чудо показала, кулі відвертала, монастир рятувала.
Турок не вірить, із лука мірить, на монастир вціляє.
А тії стріли назад летіли, їх самих побивали.
Прокляті турки, злі недовірки неслави наробили;
У славному граді, місті Вишневці, кров із піском змісили.
Дознались турки, злі недовірки, що то єсть божая мати:
Приписались до Почаєва із го́да дань давати.
Ми єсть люди християни, ми всі до бога.
Матері божій Почаєвській всі поклон создаваймо.

(Записано от старця нищого лирника в 1852 году).

3

Ой вийшла мати божія, на крижеві стала,
Кулі вертала, турка, воювала, монастир ратувала.
Дознались турки злі недовірки, що то єсть божая мати;
Підписались до Почаєва щороку дань давати
Ой ви турки, злі недовірки, ви слави наробили;
В славному місті аж у Вишневці кров із піском змісили.
Ми християни, ми православні на бога ударяймо,
А Почаєвській матері божії всі поклони создаваймо.

(Записано в Остерском уезде Черниговской губернии в 1850 году).

25 февраля 1853 г. Киев

В дополнение к отосланным уже к Вам, любезнейший Измаил Иванович, трем вариантам песни о Почаеве, списанным от нищих лириков, посылаю с этим письмом еще три песни, не записанные из уст певцов (божии старци, как они зовутся на языке народа), но списанные из рукописи и печати, как увидите из приложенных при этом указаний. При этих песнях прилагаю и выписку двух мест из печатного сказания о Почаевской горе. Соединивши все вместе, любопытно наблюдать, как одно и то же событие отразилось и в устном народном песнопении, и в сказании летописца монастыря, и в стихотворных песнях ученого поэта. Что произошло прежде и что после, что из чего развилось, и кто кому подражал, решить трудно; но во всяком случае замечательно такое соединение различных приемов слова в прославлении одной и той же святыни. Показавши ученому свету еще в 1833 году прекрасный опыт сличения и свода песенных преданий и летописных сказаний, взаимно дополняющихся одни другими, в Запорожской Старине, Вы лучше всякого другого оцените это и употребите в дело. Современем надеюсь доставить Вам (ежели напишите, что пригодится для Известий) несколько духовных стихов, вроде изданных Г. Киреевским. Недавно прочел я критику Даля на областной словарь, порадовался богатству собранных им сведений и удивился, как можно было ему не заметить, что некоторые указываемые им недостатки словаря неизбежны в буквальном смысле слова, по скудости сведений, как, напр., почему слово считается областным и свойственным одной губернии, пока нет сведений об употреблении его в других губерниях. Без особенных букв, думаю, можно обойтись, назначив произношение обыкновенными буквами и условившись как их читать, а для вразумительности слова можно сделать ссылку на соответствующее ему слово обыкновенного литературного языка и письма, при котором сверх того может быть и свод всех областных оттенков. В словарь же общий, вставляя обороты из Кириши Данилова, можно бы не отвергать и южных дум.

Некоторые желали бы, чтобы общесравнительная грамматика была сравнительнее, т. е., дано бы более места для сравнения. У нас нет грамматики наших народных наречий, северного и южного. Точно ли предлог на (см. стр. 309 грамматики 2-го издания) означает канун дня? У нас говорится: *На рождество, на Петлый праздник, на троицу было то и то*, в смысле *во время такое то*. На стр. 321 и 322, кажется мне, правило иностранных языков приписано русскому (касательно *свой*).

Не нужно ли было сказать как в греческом и латинском, так и в других вм. того, что теперь. — Здесь вышло в свет сочинение по всеобщей истории поэзии — *Dichterkanon von Dr Neukirch*.

Нейкирх, замечательный филолог, с необыкновенными способностями, человек истинно ученый, благонамеренный, — нравственный в высшей степени, лет 15 готовился постепенно к этому труду, а лет 5 преимущественно им занимался. Зная личную автора, нельзя не питать к нему глубокого уважения. Желая удовлетворить потребностям цензуры, он справлялся со списками книг, запрещенных, чтобы об них не упоминать. Экземпляр будет Вам послан: присмотритесь, сколько сведений в сжатом объеме, как отчетливо все обдуманно. Конечно о немецких писателях слишком много в сравнении с русскими, но и сочинение ж напечатано по немецки, следств. для знающих этот язык преимущественно. И что же? Кто то под какими то буквами в СПБ Вед. *) в фельетоне, издеваясь над этим трудом, но вероятно не видавши его или не зная по немецки, считает его хрестоматией, в которой напечатаны наобум отрывки из писателей, а какой то Н. М. в Москвитянине упрекает автора, что не считая Ж. Б. Руссо и Дезюльер великолепными поэтами, что не упомянул о прелестных сочинениях Залесского Мария и Замок Каневский (не знаю сам, что 1-е Мальчевского, а 2-е Гошинского) и Organa Mow не разобравши, что это значит — музыкальный язык, а не заглавие сочинения. А важнее всего, что недавно получено замечание совету за то, что у Нейкирха упоминается о сочинениях не совсем нравственных, как, напр., Жак Жорж-Занда, но ведь Жак напечатан по русски с дозволения цензуры. На чем же основываться?

А. Метлинский

Прибавление: Кроме сказанного, на стр. 323 вначале 1 и 2 стр. первого издания (в грамматике) неверно приведен пример безпредложный вместо предложного (по 2-му изд. должно быть на 324 стр.).

* * *

В прежнем письме я упоминал о ходатайстве об отпуске меня и Леонова в Крым для лечения, с пособием мне 200 р. ср.; прислал нарочно так мало, чтоб не было отказа. В том же письме просил Вашего содействия, если можете, и не обременит Вас.

Мария Яковлевна Леонова, узнавши, что я с Вами переписываюсь, велела мне Вам кланяться от нее. Кланяюсь всем Вашим. Жаль, что ноты песенъ Александра Федоровича лежат поспудом.

26 февр. 1853. Киев А. Метлинский

Как вспомню, что я преподавал до сих пор: теорию проза, теорию поэзии, историю литературы, эстетику, и теперь препода-

*) СПб Ведомости.

даю Русский язык, теорию прозы, теорию поэзии, разбор писателей, то думается: лучше бы было, если бы в министерстве назначили, что преподавать и кому преподавать. Якимов, бывший ординарным, преподавал историю русской словесности для одних словесников, как предмет полегче, Селин, ад'юнктом, тоже ист. русс. сл., и теперь экстра-ординарным все тоже ист. русской словесн., а я, хворый, несу на себе все остальное.

14 ноября 1853. Киев

Перед от'ездом из Киева, в мае этого года, послал я к Вам, любезнейший Измаил Иванович, письмо и несколько духовных и народных стихов, с надеждою со временем доставить и более. Различные обстоятельства и занятия мешали исполнить свое желание.

Вы не писали ко мне, без сомнения, по множеству Ваших занятий, по собственной моей недеятельности, и, быть может, потому, что уведомив о своем от'езде, не уведомил Вас о приезде на старое место. Судя по себе и уверяя себя в остатках в душе Вашей тех чувств, которые во мне не изменились, думаю, что не осудите меня за весть о моем существовании с отправления последнего моего письма. Надобно Вам сказать, что песни постоянно меня занимали до выезда из Киева, и я занимался ими понемногу; содействовал собиранию голосов, сочинению музыкального аккомпаньемана, движению его и их к выступлению на свет, умножению прежних собраний и устройству их. Иное шло и идет не без успеха, в ином остановки, особенно по недостатку денежных средств для издания.

Я полагал, что поездка на юг будет полезна как для поправления здоровья моего кумысом, так и для пополнения моих собраний. Я слышал, что на соляных озерах собирается в лице чумачества значительная часть украинской поэзии. На деле вышло, что, по малому времени и длинному пути, надобно было ограничиться одним, одною целью, чтобы не упустить из виду обеих. С приезда моего в Перекоп до срока выезда для законного прибытия в Киев оставалось шесть недель, а кумыс пить с пользою должно не менее этого времени. Сверх вакаций я получил отпуск на 28 дней без вычета жалованья. Итак я собрал, едуци в Перекоп, на постоялых дворах с десяток хороших песен, и заметил еще раз неистощимое их богатство. Собирать лучше всего людям оседлым, обжившись на месте и ознакомившись на досуге. Проживши с неделю в Перекопе, я познакомился через чиновников с лучшими способами употребления кумыса, и потому оставивши его покупку из недалежней деревни, переехал 40 верст на запад в деревню Коченлы, возле станции Алрча, и пил, живучи у татарина, теплый и свежий кумыс стаканов по 20 ежедневно.

Прошло 4 недели; в татарщине, без души русской кроме меня и моего человека, я немного выучился объясняться по татарски и очень соскучился; последнюю неделю пил кумыс по дороге в Перекоп и самом Перекопе. Возвратился на перекладных через Полтаву и Гадяч, и при быстрой езде не мог собрать ничего. Здесь август прошел в экзаменах вступающих, которые здесь по русскому языку (отдать честь) строги и нелицеприятны, а из того видимая польза; вступающие что год — смышленнее в языке. Жаль только, что по вступлении в университет совершенная безответность по причине отдаленных экзаменов (кто хочет, держит экзамен через два года, а кому не угодно, может держать через четыре, но из откладывающих на четыре редко кто выдерживает). Будучи обязан преподавать в течении года русский язык, теорию прозы и теорию поэзии 6 часов в неделю, я все должен проходить очень кратко. Лекций читается менее, т. е., собственно учебного времени менее нежели в Харькове по причине замысловатого семестрового порядка: с 1-го декабря экзамены для оканчивающих, до 1-го февраля для вступающих, т. е., отсталых от летних. Экзаменов и их всех немного. — По приезде сюда я составил часть этнографической программы, по языку, очень подробно, с примерами, для комиссии описания учебного округа, и написал дополнение к общей этнографической программе. Недавно получен здесь запрос г. товарища министра о предполагаемом переводе одного из профессоров русской словесности в Харьков. Я и Селин отозвались, что переехать мы готовы, если начальство находит это нужным, и просили только о пособии: действительно эти переезды довольно разорительны. Вообще Киев нравился мне отсутствием взяточничества и правдивости экзаменов, и если бы мой ближайший взял на себя более из предмета, не ограничиваясь историею русской словесн., то было бы недурно, но пользуясь особенною протекцией, и многие предпочли бы посторонние занятия. Я желал бы быть на том месте, на котором более могу принести пользы, а этого и сам не знаю, и потому ни на что не настаиваю; да будет что бог даст. Хотелось бы летом еще попить кумыс, попытать счастья пополнить сведения свои в народном языке и памятники народной словесности, о чем и прошу в отзыве и письме к г. товарищу министра. Если бы поручили, готов бы и осмотреть училища по дороге. — Я написал словарь с русского на малороссийский, но это только начатки будущего дела. Все надеюсь современем чтонибудь и доставить. — В последнее время наши студенты довольно шалили. — Жаль было оставить Харьковских знакомств, но и здесь не без добрых людей; иных я полюбил, другие меня полюбили... Жаль будет и Киева, но и не прочь снова свидеться с Харьковом, если мне придется. Лишь бы не было интриг — слышно содержатель пансиона Беккер в большой милости и захочет (чего доброго)

проводить свой пансион в студенты. Но бог не без милости как не без счастья. Вашим родным, как бы моим родным, по душе, от души желаю и бажаю всего лучшего на свете.

Амвросий Метлинский

26 мая 1854. Киев

На днях располагал я писать к Вам, достойнейший Измаил Иванович; но узнавши от Ал. Ал. Федотова, что он будет не только в Москве, но и в Питере, и что для себя лично желательно возобновить с Вами знакомство, пишу теперь несколькими днями ранее. И прежде всего не могу утерпеть, чтоб не выразить сожаления, что не получаю от Вас никаких известий. Странно, что как нарочно даже „Известия 2-го отделения“, получаемые всем миром, в университет св. Владимира не получаютя давным давно, хотя и выписываются. Но мне пришлось это к слову сказать, мне хотелось бы более частых известий.— Вы, может быть, знаете, что я перемещен в Харьков, с разрешением с мая месяца отправиться из Киева для занятий по изучению народности поправления здоровья, в южные губернии, и потом явиться в Харьков к 1-му августа⁸⁸). Но май проходит, а я в Киеве. Причина тому, что до выезда я решился выдать выпуск народных жнорусских песен, почти (4) все, что успел собрать до этих пор позамечательнее из не напечатанного. Вышло большое собрание, 30 печ. листов, страниц 500, и стоит до 500 р. ср. Задачею другим, помогавшим в собрании, кому 25, кому 50, кому 10 экземпляров мне останется немного. Подписчиков у меня почти нет, кроме весьма немногих, на несколько экз. Издание стоит сверх 500 руб. ср., а цену назначаю весьма умеренную, по числу страниц 2 р. ср. за экз.— Я рассчитывал все кончить к концу апреля, за три месяца, а протянулось на весь май месяц, т. е., на 4 месяца. Да и спеша отъездом, трудно будет хорошо распорядиться экземплярами, т. е. их сбытом. Здесь хотят брать часть по 1 р. ср. (с уст. 50 проц.), что весьма неудобно. Из Москвы и Петербурга доселе я ничего не мог получить, если и продавалось. Кстати: что сталося в Петербурге с посланными экземплярами? Нельзя попросить Мих. Ив. Сушарина справиться и взять расписку от книгопродавца. Посоветуйте, что мне сделать с песнями, чтобы обеспечить себе средства для последующего издания. Я думаю предпочесть прощайку с уступкою отдаче на комиссию, если купят. За неделю до выпуска в свет я здесь объявил подписку; нельзя это сделать в Петербурге в книжных лавках, и узнать от книгопродавцев, если не теперь, то по высылке первых экземпляров, почем и сколько они возьмут. При Вашем недосуге я надеюсь на доброе располо-

жение М. И. Сухомлинова. Экземпляры хочу выслать скоро через университет на имя Петербургского университета, с надписью кому что отдать. До 1-го августа буду в Гадяче, с 1-го же августа в Харькове. Я слышал, что у Вас много дум, но Вы не печатаете. Если будете печатать и они Вам нужны, то я могу выслать несколько.

А. Метлинский

(На стр. сбоку написано:

Посылаю несколько дум.

День троицы 30 мая 1854 года. Киев

Недавно передал я Вам, достопочтеннейший Измаил Иванович, письмо с несколькими при нем думами через Ал. Ал. Федотова, выехавшего на днях из Киева в Москву, с намерением быть и в Петербурге. Не знаю, исполнится ли его намерение и передаст ли он Вам посланное. Последние четыре месяца я был занят изданием южнорусских песен, на которое осталось получить билет от цензора Мацкевича. Кроме предшествовавших трудов, я встретил много не только трудов, но и затруднений и препятствий при самом издании, которое сверх ожидания вместе трех протянулось на 4 месяца, и этим сократило более нежели целым месяцем мой отпуск при перемещении в Харьков, с 1-го до августа, которым мог бы воспользоваться для занятий в родною словесностию и восстановления своего здоровья.

Много песен, без большого основания, нельзя было напечатать, а иные пришлось сократить или изменить, чего впрочем не позволил себе, чему пример увидите в напечатанной в начале 35-го полулиста (воля — доля). Издание стоит более 500 рубл. сбудучи принужден поспешить по случаю предстоящего переезда в Харьков, я не мог пытаться получить пособие от университета, потому что этим замедлилось бы дело. Не знаю: можно ли теперь надеяться на какое нибудь вспоможение или пособие на продолжение издания. Я мог бы в таком случае напечатать к нему слова, примечания, его продолжение пословицы, а может быть и краткую грамматику. Подписчиков у меня немного, но я очень обязан им содействие их. Здешние книгопродавцы берут мало, а уступают, хотя бы большой. Я готов бы уступить от десяти до 20 процентов смотря по количеству покупаемых экземпляров, и более. Не ставьте меня своим советом и возможным, удобоисполняемым действием. Мне кажется, что если бы при Вашем недосуге Вы попросили от меня М. И. Сухомлинова переговорить с книгопродавцами, то он не отказал бы мне в этой услуге. Экземпляры же министру и директору департамента П. И. Гаевскому я думаю послать от себя; Вам же вышлю через университет экземпляры по десять, из которых назначаю Вам, Ивану Ивановичу Давыдову

Александр Христовичу Востокову, М. Н. Мусину - Пушкину, П. А. Плетневу, А. В. Никитенко, М. И. Сухомлинову, для университетской библиотеки, Далю, Надеждину, а остальные для книгопродавцев. Если найдете для меня полезным еще комунибудь раздать от меня; то предоставляю это совершенно Вашему благоусмотрению. Еще экз. Ал. Федоровичу Тюрину. Я думаю, также нужно и журналистам. Не дерзаю думать, чтобы мой труд мог удостоиться поднесения кому либо из высоких членов Академии или председателю Геогр. Общества; но душевно был бы рад, если бы простодушные песни украинско-русского племени могли бы удостоиться такой чести. Я просил бы Вас, как старого и доброго друга, позаботиться о моем издании, как о своем деле, и отчасти был бы вправе назвать его Вашим, потому что мысль занятий народностью согрета была в душе моей Вашим примером и чувством, но зная, как много у Вас дел и забот, боюсь, чтобы такая просьба не показалась Вам провинциальным невежеством и нахальством.

Амвросий Метлинский

На стр. 1 сбоку написано:

Я слышал, что у Вас много дум, а не печатаете. (На стр. 4).
Может быть вышлю Вам статью об издании Адама Мицкевича.

10 ноября 1854. Харьков.

Когда то послал я на Ваше имя, достопочтеннейший Измаил Иванович, несколько южнорусских исторических песен о Почаевской божией матери, частью записанных от слепых старцев, частью выписанных из старо-печатного, с выпискою из летописи из упоминания в „Известиях“ о получении выписки из книги вижу, что посланное получено; не знаю только, годятся ли для издания эти памятники народной жизни.

Потом, помнится, при посылке издания народных южнорусских песен, весьма оборванного и оципанного Мадкевичем, приложил я несколько дум, или при первой же посылке. Чуть ли не из этих одна и напечатана; годится ли остальное, не знаю? Из писем А. С. Норова и И. И. Давыдова знаю, что книга Н. Ю. - Р. песни ими получена; а из Вашего Отзыва в Известиях заключаю, что и Вами получен отдельно посланный Вам, как и им экземпляр. Но сверх того я послал 10 экз. в Петербургский университет, как писал Вам для Востокова, Плетнева, Никитенки, Сухомлинова библиотеки университета и его начальника Мусина - Пушкина, и 3 экз. для журналов или для кого заблагорассудите. Мне очень приятно было бы узнать: получена ли эта посылка и достигла ли книжка по своему назначению. М. И. Сухомлинов я просил осведомиться: не угодно ли книгопродавцам взять несколько экземпляров за деньги, полагая, что Михаил Иванович

почтит меня ответом и сообщит мне и об участи Южнорусского Сборника; но ответа не получил от него, а только слышу от одного господина, что он просит возвратить ему когда то отданную мне диссертацию Якимова, которую при сем и прилагаю. Будьте так добры, передайте ему при удобном случае.

Благодарю Вас за внимание: я слышал от Лавровских, что Вы в письмах к ним и обо мне иногда вспоминали. Зная из Ваших чатных и письменных Ваших мнений и отзывов, что Вы намерены и надеетесь печатать особенно исторические песенные памятники народной жизни, я посылаю Вам для Известий большое собрание дум и песен исторических с краткими примечаниями. Желаю только, чтобы труд мой не был пропащим, не залежался бы навсегда, чего одного опасюсь, и что может быть у многих камени преткновения...

Если посылаемое не может быть в Известиях напечатано, то я покорнейше просил бы Вас, многоуважаемый Измаил Иванович, передать все это в цензуру и потом возвратить мне для издания. Надеюсь, Вы не сочтете это неуместным, если не по расположению ко мне, то из любви к науке, которая не может не дорожить народною жизнью и словом. Я убежден, что из южного края России много было бы доставлено по этой части, если бы было печаталось. Мои земляки трудолюбивы и радушно-уступчивы, но не искательны и не навязчивы с добром своим. Всегда неизменно любящий и уважающий Вас А. Метлинский.

На 4-ой стр. сбоку написано:

Если А. Ф. Тюрин издает голоса, то еще их найдется. (Или стр. 3). По получении из Киева можно будет еще послать песен...

26 ноября 1854. Харьков

Недавно, многоуважаемый Измаил Иванович, отправил я чертёж университета по почте на Ваше имя значительное собрание исторических дум и песен, при письме. Надеюсь, все это Вами теперь уже получено. По случаю поездки в Петербург Н. Н. Павловского посылаю экземпляр народных Юж. рус. песен доктора Александра Федоровича Тюриня, заключая, что из прежде посланных для него не осталось, из письма его к Федору Леонтьевичу, где просит о высылке книги этой, как сказывал мне Федор Леонтьевич. В журналах не было отзывов о моем издании, да и не жалею, если не нашлось судей, знающих и понимающих дело; чем вздор, лучше ничего.

За Ваш отзыв в Изв. благодарю. Вашим всем, и супруге, маменьке, и деткам, кланяюсь и желаю всего доброго. Надеюсь, что пишучи сюда и мне что нибудь молвите, по старине.

Ваш Амвросий Метлинский

Письмо Ваше, многоуважаемый Измаил Иванович, от 22 ноября, меня обрадовало, а также отчасти удивило и озадачило. Вы сомневаетесь в народности обнародованных мною песен и посланных Вам для напечатания или представления в цензуру дум, и просите меня разрешить недоумение Ваше и Афанасьева. Если Вы это понимаете так, что я с собственного своего ведома, умышленно мог выдавать в печати или для печати произведения какогонибудь досужего стихослагателя за народные, — то мне остается только изумляться тому понятию, какое Вы теперь можете обо мне иметь⁸⁹). Смею думать, что во все время нашего некрatkовременного знакомства с Вами Вы не заметили во мне ни малейшей склонности к обману, лжи и шарлатанству и не можете отнестись меня к числу людей легковых. Каким же образом можно допустить, чтобы я подправлял и размножал песни народные песнями какогонибудь новейшего изделия? Я очень хорошо понимаю, что одна песня на сто, на тысячу, один даже стих и одно слово, умышленно измененное, может все испортить, лишивши его достоверности и доверия. Я не стал бы собственными руками подкапывать здание истины, над которым трудился многие и многие годы, трудился более, нежели как может быть видно и заметно. Собственные сочинения могу печатать под своим именем, чужие под чужим, лишь, было бы что и на что печатать и была бы охота. Умножать песни мне незачем, когда и собранные не мог всех издать за этим разом. Понятия мои и моих сотрудников отчасти Вам известны, отчасти видны из самого дела. Присмотритесь к вариантам и песням сходным: Вы позволяли себе соединять отрывки вариантов как одно целое, указывая, что откуда заимствовали (напр., песня о Саве Чалом), а Максимович и не указывая брал стихи то отсюда, то оттуда; у меня нет и этого, а если в одном варианте есть несходные стихи, напр., 5 — 7, в другом 10 — 14, то они и печатаются отдельно, с подписью места, из которого получены. Я мог бы выставить, большею частью, имена деревень и всех собирателей, но первого не сделал потому, что деревни никому неизвестны и обыкновенно не отличаются от других деревень того же уезда, а второе — потому, что это подало бы повод к пересудам и сплетням о большем числе собирателей-сотрудников, как бы целой компании или обществе. Считая особенно важную подлинность исторических песен, я выставил под ними с точностью кем, где и когда записаны. Это лица почти все мне лично или по переписке знакомы, а П. К., неполне напечатанное имя, не может затруднять Вас. Варенин (В. Ст.) теперь, кажется, ассесором в Черноморской палате гос. имущ., Белозерский помощник ред. Черн. губ. газеты, и проч. Из этих лиц одно только может писать стихи (кроме меня), но подделывать народное, вместо совестливого

собираю, не способно. И потому, надеюсь и уверен, столько же не мог быть обманутым, сколько и сам не был намерен и не мог обманывать и затемнять истину ложью в деле разъяснения народной словесности. Другое дело, если бы Вы спросили меня, в каком смысле и до какой степени напечатанное мною народно? Тогда я отвечал бы Вам, что хотя во многих случаях нет никакой возможности решить, когда и кем сочинено произведение народной словесности и нередко мы считаем ее народною, потому что собираем от народа; однако есть некоторая разница в этих произведениях. Очень может быть, что даже чистейшие народные произведения по духу и форме сочинены во время оно людьми весьма образованными, но совершенно отрешившимися от языка и духа народного, между тем как некоторые духовные стихи пахнут какою то книжностью, каким то сочинительством. Самая не народная песня, это любовная последняя (стр. 122); она, видимо, сочинена с книжною изысканностию, каким нибудь певчим в давнее время и напечатана в образчике подобных песен. В книге и в конце опечаток увидите, что удержано Кырниця, Колоривна и проч.

На стр. 4 1-го аркушу збоку написано:

Скоро получите программу, большею частию, моего труда, хотя по (на 2 стр.) заглавию и не совсем так выходит.

2) Смотри по местному произношению.

Итак, сколько мог и умел, я печатал народное и неподделанное, а послал Вам такое же, как и печатал, по особым причинам вошедшее в мое собрание. Вы почти не верите, чтобы можно отыскать и теперь еще былины, а я уверен, что можно, но трудно надобно искать по разным местам и долго выпытывать и выискивать удобных случаев. Что поместил я из книг, за то книги ручаются. Признаюсь, что ни мне, ни другим не случилось слышать, чтобы кобзари воспевали свою кобзу у самих себя; такую песню, будто бы записанную Афанасьевым, я перепечатал Известий. Она очень хороша, и могла быть сочинена каким нибудь даровитым кобзарем в новое время. Что до сомнений Афанасьева, то я уже испытал, как мало дорожит он основательностью своих печатно высказываемых мнений и сомнений, хотя признаю его способности и знания и радуюсь, если он будет полезен при хорошем направлении. В Киеве с помощью я издаю байки Боровиковского в пользу автора. Афанасьев, живший тогда в Киеве же, поспешил тиснуть статейку в Северной Пчеле, в которой уверял почтеннейшую публику, что напечатанные мною байки Боровиковского совсем не похожи ни по языку, ни по достоинству на прежде напечатанные (в Ластовке) его байки, что язык их похож на мои Думы и песни, и что следовательно я переделал или сочинил сам. Не трудно было Афанасьеву, живучи в Киеве

бывший со мною немножко знакомым еще в Харькове, увидеть собственными глазами собственоручную рукопись Боровиковского или у меня, или у цензора или в типографии и удостовериться, что ни Боровиковский, тогда бывший еще в здравом уме, не давал мне права пересочинять его байки, ни я сам, не помешанный на литературном тщеславии, не делал этого. Но он не потрудился этого сделать, оклеветал меня, унизил издание перед публикою, и потом встретившись со мною, винился и уверял меня, что он из любви к родному слову и отца родного не пощадил бы, и что сделал это из любви... к чему и к кому? к правде?.. т. е., отнял у бедной жены и детей теперь помешанного Боровиковского несколько заработанных им рублей, ничего не получивши для самого себя⁸⁰). Такую ли любовь, боже наш, заповедал ты нам? — После того, узнавши от книгопродавца, что Афанасьев не может отыскать книг, нужных ему для словаря, я передал, что мог, и отыскавши его на Козьем болоте (название переулка), сообщил ему, что знал. Он был у меня потом, и мы встречались у Мизко. Желательно, чтобы он скорее удовлетворил словарем своих подписчиков, от которых взял деньги и поддержал бы доверие к честности литераторов. — Любопытно бы знать: есть ли какие нибудь основания в недоверии или сомнении Вашем и Афанасьева? — Теперь о посылке „Песень“. В первых числах июня, перед выездом из Киева, сверх экземпляров в особых конвертах для Вас, Измаил Иванович, для министра, Гаевского, и еще если не ошибаюсь, И. И. Давыдова, — я передал в канцелярию университета тюк с десятью экземплярами для отправки на имя СПб университета (В С.-Петербургский университет). В этом тюке были надписаны экземпляры: в библиотеку университета, Плетневу, Востокову, Никитенке, Сухоминову, попечителю университета, а остальные без надписи, полагал я, возьмете Вы, и отдадите кому нужнее. Нельзя ли Вам, будучи в университете, спросить в библиотеке или в канцелярии: получена ли эта посылка и получено ли хотя библиотекою или кем нибудь из означенных лиц посланное? Тогда видно будет, что и вся посылка выслана из Киева. — Из чего взяли Вы, Измаил Иванович, что (как пишете в письме) „не признаю необходимым, чтобы русское отделение Академии было средоточием учено литературной деятельности славянорусской“? Разве я печатаю свои статьи в других изданиях, а не в Известиях? — а что я не могу делать больше того, что делаю, этого не объяснить мне Вам в немногих строках. Причины на это в моем прошедшем и настоящем. Излишние труды почти убили меня в юности, когда, учась сам, должен был зарабатывать для себя и родных; чего же еще хотите от меня сверх силы и возможности?

Навсегда преданный Вам *Амвросий Метлинский*

Аркуш 2-ой, стр. 4 збоку написано:

С Лавровскими я познакомился и очень их люблю и уважаю. (Стр. 2). Н. А. Лавровский завтра защищает диссертацию: вы ее получите. (Стр. 1). 1 экз. песнь послан через Павловского недавно.

24 мая 1858. Харьков

Ваше превосходительство, милостивый государь,
и многоуважаемый друг, Измаил Иванович!

С искреннею радостью недавно узнал я, что сверх других успехов и отличий на пути жизни, ты награжден чином действительного статского советника, имеющего такое почетное значение в нашей правительственной области. Пользуюсь этим случаем, чтобы, прервавши свое письменное молчание, налагаемое на меня теснящею меня болезнью так издавна, обратиться к тебе с словом поздравления и желания при этом тебе всяких благ, а наипаче здоровья и душевного покоя, мира. Наша старинная дружба всегда была и есть, в моем горестном состоянии здоровья, лучшею моею отрадою. Приятно для всех любящих и знающих тебя удостовериться через тебя во внимании начальства к оценке научных трудов и твоих особенно. Я же, как за ранами отставший от дружины воин, радуюсь Вашим победам в битве с невежеством, в завоеваниях познаний и радуюсь еще за тебя потому, что успехи Ваши и наиболее твои, всегда возбуждали во мне радостное чувство, без малейшей горечи, хотя я усилившеюся болезнью и осужден, кажется, на безмолвие и безвестность едва ли не безисходную.

Действительно, сосредоточив труды свои, по причине расстройства здоровья, в последнее время на одном преподавании, я наконец до того ослабел, что после получаса говора вполголоса должен отдыхать без голоса, движения, без занятия по несколько часов. Писать продолжительно не могу также. Единственно этим, по совести, объясняю тебе и мое безучастие в движущемся издании под твоєю рукою. Кое что перевожу, но нет сил для труда собственного кое что составить для слушателей, прочесть с болью в груди, стало для меня подвигом, а иногда и мукою. Только вера в заслугу страданий поддерживала в последнее время, и слушатели прощали мне много за многую любовь⁹¹).

Бог весть, поправится ли несколько мое здоровье при совершенном отдыхе от преподавания, которого теперь принужден искать. С какою радостью тогда принялся бы я за свои заветные мысли о совершении некоторых неконченных начатков! О моем здоровье, или лучше болезни, ты может быть слышал от студента Длатовского; обратить внимание стоит на этого даровитого, прекрасного человека. Иногда я, теряя голос от слабости, должен

был обращаться к студентам проговорить или прочесть чтонибудь за меня. Представь при этом и нравственное страдание, когда сознаешь, что не можешь делать, как должно, того, что должен. Зрение также крепко изменило. Но особенно измучил меня припадок моей грудной болезни, Halmpfysis, от которого не уберегусь и слабею страшно. Довольно, увлекшись, поговорить, пописать, пойти неосторожно, прозябнуть, засидеться, зачитаться, надышаться пылью или дымом и появляется то больше, то меньше. Еще в Киеве медики не находили возможным совершенное выздоровление, после столь многолетних недугов. Но надежда манила меня до последнего времени. И притом не имея и не составивши себе состояния, по моей родственной обстановке, усиливает дослужиться до 20-ти лет с прибавкою 5-ти по болезни, для пенсии. Далее продолжать или просить пособия на лечение, когда излечение невозможно до того, чтобы преподавать с полным успехом, было против совести. Итак прошусь об увольнении меня от службы с пенсией, по расстроенному здоровью⁹²).

Будь, как всегда, добр для меня, мой старый и лучший друг, прости за подробности и не оставь меня без услуги, верно, последней по службе, ежели не в жизни: употреби свое, чтобы мне не сделали какого либо затруднения и замедления в назначении пенсии по отставке. Дело правое, но я недоверчив по моей болезни. Начальство справедливо, но чтобы ктонибудь чемнибудь не повредил мне. Если бог поможет, отблагодарю друзьям и свету и проживу недаром. Твой верный, искренний *Амаросий Метлинский*.

(На 4 стр. збоку написано): Твоей милой жене и семье кланяюсь от души. (На 1 стр.) Представление обо мне на днях пошло. Попечитель подписал перед выездом в Петербург и за границу. Рад бы я если бы ты сблизился с этим лицом, он далеко выше, чем кажется, многим. Федора Леонтьевича недавно видел я в добром здравье.

ЛИСТИ ДО АРХІЄПІСКОПА ІНОКЕНТІЯ

Высокопреосвященнейший владыко,
милостивейший государь архипастырь!

Благодарное воспоминание о милостивом расположении ко мне и глубоко поучительных и отрадных для меня беседах Вашего высокопреосвященства, которых удостаиваться имел я счастье во время незабвенного архипастырства Вашего в Харькове, дают мне смелость искать покровительства и заступничества Вашего высокопреосвященства при внезапно поразившей меня вести о сообщении г. попечителю предположении его сиятельства г. министра народного просвещения переместить меня в Киев, и притом без всякой награды за все лишения, которым при этом я подвергнусь, и

без повышения в звании профессора. Оставив Харьков, я отдаюсь от престарелой матери, сестер и братьев, для которых составляю опору при всей своей бедности, — от знакомых мне врачей, в помощи которых сам имею нужду, — потерю имущества, состоящее из библиотеки и хозяйственных вещей, что все должен сбыть за бесценок, — лишусь начальства, которого расположение приобретал двенадцатилетнюю службою, с потерей здоровья, и от которого могу ожидать ходатайства о доставлении мне средств для поправления здоровья, и о повышении меня в звании профессора при новой вакансии. Посему приемлю смелость утрудить Ваше высокопреосвященство покорнейшею просьбою — не оставить меня Вашим великодушным и скорым заступничеством у его сиятельства князя Платона Александровича об оставлении в харьковском университете или по крайней мере о вознаграждении и переименовании меня в экстраординарные профессора при перемещении.

С глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностью имею счастье быть, высокопреосвященнейший владыко, милостивейший архипастырь и отец, Вашего высокопреосвященства покорнейшим слугою

Амвросий Метлинский

*Харьков.
Февраля 18 дня 1850 года.*

Высокопреосвященнейший владыко,
Милостивый архипастырь!

При многотрудных занятиях Вашего высокопреосвященства для блага православного христианства и я осмелился приложить несколько атомов к великому бремени, под которым изнемогало драгоценное для церкви и отечества здоровье к глубокой скорби облагодетельствованных Вами.

С покорностью и благодарностью принимаю свое назначение в Киев, при пособии и вознаграждении его сиятельством г. министром, как следствие воли божией и заступлении святых его, представительства, и благословения Вашего высокопреосвященства, и отческой милости князя Платона Александровича, заботливо пекущегося об участи подчиненных.

С усерднейшими желаниями благополучнейшего путешествия Вашему высокопреосвященству во страны благотворного полудня России, почтительнейше испрашивая Вашего споспешествующего на благодать архипастырского благословения, с глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностью имею счастье быть, высокопреосвященнейший, милостивейший архипастырь, Вашего высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца покорнейший слуга

*Мая 6 дня 1850 года
Харьков*

Амвросий Метлинский

Высокопреосвященнейший владыко,
Милостивейший архипастырь и отец!

Во время недавнего проезда своего через Харьков Ваше высокопреосвященство изволили видеть рукопись Г. Ф. Квитки - Основьяненка — Священную историю на малороссийском языке. Теперь, переписавши, с благословения Вашего высокопреосвященства, при помощи Вашего достойнейшего брата и от его имени, посылаю эту рукопись в московскую духовную цензуру. Если бы Ваше высокопреосвященство замолвили слово кому нибудь из московских цензоров за нашу посылку, то она, я уверен, возвратилась бы тем скорее и невредимее. Духовное просвещение народа всегда было близко сердцу и многим обязано трудам Вашего высокопреосвященства. Желая посвятить Вашему имени Священную историю Квитки, как потому, что цель ее — духовное образование народа, и что она написана, по признанию самого автора, с благословения Вашего преосвященства, так и для того, чтобы засвидетельствовать его и свое глубокое уважение к особе Вашей, испрашиваю на это, по правилам цензуры, Вашего соизволения. Прилагаемое посвящение покорнейше и искреннейше прошу исправить: я не привык к сочинению в подобном роде, а читающий мир привык соединять в уме своем понятие о высшем изяществе слова с именем Иннокентия.

Осмелюсь доложить о себе Вам, милостивейший архипастырь и отец духовный, что мое предприятие выдержать в здешнем университете испытание на степень доктора, необходимую для меня в Киеве по разным обстоятельствам, несмотря на мое здоровье, с божею помощью, доселе шло успешно и уже почти окончено. Остается печатать и защищать диссертацию, посылаемую потом в министерство на утверждение. Это можно сделать по окончании вакансий, и потому я должен был первый шаг киевской службы, к прискорбию моему, начать недавно посланною просьбою к его высокопревосходительству, Дмитрию Гавриловичу Бибикову об отпуске на 28 дней после вакансий и этим навлек на себя, быть может, неудовольствие начальства, тем более, что есть причины думать, что не все расположены хорошо принять меня в тамошнем университете. Но без воли божией ничему не быть.

Испрашивая почтительнейше Вашего благословения, имею счастье быть, Высокопреосвященнейший владыко, милостивейший архипастырь и отец, с глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию Вашего высокопреосвященства покорнейшим слугою

Амвросий Метлинский

Июня 12 года 1850 года
Харьков

Письмо к арх. Иннокентию, т. VII. письмо № 476.

Посвящение Священной истории Квитки.

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший архипастырь и отец!

Слово проповеди Вашего высокопреосвященства, подобно плодосеменам евангельского сеятеля западавшие в сердца Ваших духовных чад паствы Харьковской, не бесплодно пало на сердце писателя, которого поэтическая слава расцвела под скромным именем жителя Основы (Основьяненка), заменивши ему поэтическое имя Квитки (цветка). Назидательные беседы Вашего высокопреосвященства обратили дарования Основьяненка - Квитки от изображения слабостей и добродетелей простого и доброго малороссийского народа к просвещению этого народа, к искоренению его слабостей, к развитию его добродетелей. Будучи сам благочестив, он понимал и чувствовал, что религия, познание закона и дел божиих, есть незыблемое основание, и познание законов монарших есть дополнение и довершение истинного народного образования. Для этого написал он Священную Историю и намерен был написать краткое изложение законов.

На безмерном пространстве обширной России говор народного не может быть совершенно однообразен, а язык высшего общества и писателей его не может быть совершенно понятен для простого народа, снискивающего в поте лица своего хлеб свой, и (для изучения высшего и книжного наречия и красноречия) не имеющего досуга от сохи и плуга уделять время (—). И потому достойны снисхождения и участия эти наши молодые по просвещению братья.

И потому достойны признательности и одобрения писатели, на разных наречиях русского языка распространяющие в нашем отечестве единые начала православной веры самодержавных законов, народного духа любви к богу, к царю, к ближнему. Между тем, как иные тешатся и говором и приемами простого народа, они учатся у него языку для того, чтобы его научить.

С этой целью покойный Основьяненко - Квитка передал Священную и Церковную историю на одном из наречий чрезмерно богатого и разнообразного нашего общего великого русского языка, — передал на малорусском языке, употребляемом пятнадцатью миллионами Малого русского народа, составляющего одну из верноподданных семей русского царя и царства. Кому же пристойнее посвятить этот труд исторического писателя, как не тому, кого сам он глубоко уважал, кто словом своим зачал, воспитал, взлелеял этот труд, кому дано благодетельствовать слово спасения в Киеве, Харькове, Одессе, — городах Южной Руси, славнейших древним величием и совершенною образованностью,

вечной святынею и военными твердынями, насаждением веры
и рассадниками просвещения, средоточиях сухопутной и море-
плавательной деятельности.

Современный труд издателя и автора, которого приятною
имел я счастье пользоваться, да будет свидетельством единодуш-
ного глубокого уважения к особе Вашего высокопреосвященства,
которое я некогда с ним разделял, с которым навсегда имею
счастье быть, высокопреосвященнейший владыко, милостивейший
архипастырь и отец Вашего высокопреосвященства покорнейшим
слугою

Амвросий Метлинский

*Июня 12 дня 1850 года.
Харьков*

Ваше высокопреосвященство,
Милостивейший архипастырь!

Имея честь препроводить при сем к Вашему высокопреосвя-
щенству рассуждение, написанное мною для получения степени
доктора, осмеливаюсь доложить на усмотрение Вашего высоко-
преосвященства мои обстоятельства по службе в надежде на по-
кровительство Ваше перед моим начальством, ежели найдете это спра-
ведливым. Будучи рекомендован в 1843 году с отличной сторо-
ны харьковским университетом на вакантное место в профессора
университете св. Владимира, я получил отказ от этого универ-
ситета, как не имеющий степени доктора, — и потому доселе не
подвергался испытанию на эту степень, как по причине многих
служебных занятий, так в последнее время и по расстроенному
здоровью, для поправления которого харьковский университет
определил в вознаграждение моей отлично-усердной службы,
ходатайствовать об отправлении меня за границу для пользова-
ния минеральными водами в Зальцбруне, имею при этом ввиду
и ученую степень — усовершенствование моих познаний в эсте-
тике в Германии. Между тем, будучи перемещен его сиятельством,
господином министром в университет св. Владимира, я считал дол-
гом признательности харьковскому университету и господину мини-
стру за повышение меня в звание исправляющего должность экс-
траординарного профессора приобретение докторской степени.

Ныне, поспешая в университет св. Владимира, в котором
прежние труды и заслуги мои по преподаванию неизвестны, и
расстроенное здоровье не допустит меня, вероятно, приобрести
внимание начальства и уважения товарищей до такой степени,
чтобы они, в скором времени, решились ходатайствовать об отпра-
влении меня за границу или по крайней мере на южный берег
Крыма, и о повышении меня в должность профессора, я, покидая
Харьков с грустным чувством, поручаю себя доброму распо-
ложению и покровительству Вашего высокопреосвященства и заочно

почтительнейше испрашивая Вашего архипастырского благосло-
 вения, которым имел счастье пользоваться лично, имею счастье
 быть с глубочайшим почтением и беспредельною преданностью,
 Ваше высокопреосвященство, милостивейший архипастырь, Вашего
 высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря покорней-
 ший слуга

Амвросий Метлинский

Августа 10 дня 1850 года.

Имя

-явсозрпом
 ннэпэтс ян
 -окозья от
 -оп ан эдж
 -впрсотвэтс
 -офотс йони
 впрсозрфом
 -фэяну это
 эн элсод ү
 хптом энн
 үмоннзотс
 тэтнрвэяну
 иджүлс йо
 -впрсолоп я
 үднв моте
 -этс в йннв
 ,мвтсрлэткн
 -лод лятрз
 -нннм үндог
 -экс ятсонжл
 .ннэпэтс й
 модоток в
 н ,мнтсвенен
 нтсрдогн
 ,ннэпэтс йони
 -впрто до ств
 тсрэд йиджон
 ваднжоп ,я ,вс
 -олопзвд үмо
 опрове н вятсн

ПРИМІТКИ ДО ЛИСТІВ МЕТЛИНСЬКОГО ДО СРЕЗНЕВСЬКОГО

1) Село Сарни в 7-ми верстах од Зінькова, там була маєтність Метлинського і жили його батьки.

2) Олександр Петрович Рославський-Петровський, ім'я, яке не раз згадує Метлинський в листах до Срезневського, був професором статистики, а потім і загальної історії. В 1858-му році почав виконувати деканські обов'язки, а з 1866-го став ректором університету. В українській літературі він себе нічим не виявив, хоч одвідував „літературні зборища“, де збирались Метлинський, Срезневський і Костомаров, про що свідчить лист Костомарова до Срезневського від 12-го жовтня 1838 року: „Г. Метлинский и Г. Рославский, а также и я желаем собраться на литературное собрание, уведомьте, сделайте одолжение, в какое время вам можно и где вы назначите; если бы вы пожаловали к Г. Метлинскому, а не то мы все к вам отправимся.“

3) Восени 1839-го року Срезневський виїхав по командировці в слов'янські землі, вибравши маршрут через Москву і Петербург.

4) Олена Івановна—мати Срезневського.

5) Павло Іванович Іноземцев був учителем російської словесности в Харківській гімназії, 1838-го года був призначений за тимчасового виконуючого обов'язки ад'юнкта російської словесности в університеті. Брав участь в харківській журналістиці, алеж українською мовою не писав нічого. З цього листа видно, що Метлинський заступив його, як ад'юнкт з 1839-го року, але, очевидно, вступ його супроводився якимись інтригами.

6) Полікарп Васильович Тихонович — приятель Костомарова і Метлинського, з 1858-го року виконував обов'язки ад'юнкта по кафедрі римської і грецької словесности, а з 1859-го року по тій же кафедрі на посаді екстраординарного професора по тій же кафедрі. В 1838—39 роках був учителем латинської мови в харківській губерніяльній гімназії. Так само, захоплюючись класичною старовиною, був чужий захопленням літературним своїх приятелів Костомарова і Метлинського. Характерний відзив про Тихоновича находимо в „Літературном насліддї“ Костомарова. „К таким же близьким знакомим (як І. Срезневський і А. Метлинський) надобно причислить Поликарпа Васильевича Тихоновича, бывшего тогда учителем латинского языка в 1-й гимназии, человека трудолюбивого, отлично знающего как латинскую, так и греческую словесность и превосходного педагога. Последний, хотя был со мною постоянно дружен, но оставался совершенно холоден к украинской народности, и занятый своим антическим миром, как бы ни во что не ставил все современное. Это был классик в полном смысле этого слова.“

7) Лук'янович, Семен Семенович 1839-го року був за ад'юнкта по кафедрі римської словесности і старовини. А з 1842 року затверджений екстраординарним професором по тій же кафедрі. Про наукову роботу Лук'яновича збереглися не-прихильні спогади Пашкова, в „Воспоминаниях студента“ („Харьков“ 1877, дод. до ч. 30). „Рассказывали, что когда Г. Лук'янович защищал на латинском языке диссертацию свою на доктора римских древностей и литературы, то Валицкий в

качестве ловкого опонента сбил его в пух и в прах и уничтожил. Лук'янов просил пощады и сквозь слезы повторял только: Concedo tibi, concedo tibi (уступи тебе)*.

⁸⁾ 1839 - го року Метлинський захищав дисертацію „О сущности цивилизации и значения ее элементов“ для здобуття ступня магістра політичних наук. Виділена дисертація 1839 - го року.

⁹⁾ Клопотання Метлинського про перехід до Петербургу, очевидно, викликані були якимись непорозуміннями в університеті.

¹⁰⁾ Метелеркамп Йоган Давидович був лектором німецької мови в харківському університеті з 1835-го року по 1855 - й.

¹¹⁾ В листі від 2 жовтня 1839-го року Метлинський розповідає про своє твердження ад'юнктом, при чому, до певної міри, розкриває причини своїх хвилювань і бажання виїхати з Харкова. Професор словесности Якимов був про Метлинського і Метлинському пощастило здобути посаду тільки при допомозі симпатично настроєних до його професорів Валіцького і Луїна, про яких згадує в листі наступному. Василь Олексійович Якимов був професором російської словесности з 1839 - го року. Професор старої виучки, з семінарським вихованням він не багато давав студентам. В спогадах слухачів Якимов характеризувався як хороший промовець з класичною виучкою, разом з тим як учений з деяко застарілими поняттями. „Не столько самое содержание, сколько живая, отчетливая и выразительная речь оратора произвела самое приятное впечатление на слушателей и вызвала одобрительные отзывы всей публики“, спогадує одією його слухачів Н. Але Якимов не виправдував надій, які на його покладали. Його лекції з російської літератури не йшли далі Карамзіна, і з найбільшою охотою спинялися на літературі до-петровського періоду. З літературних його праць треба одзначити переклади на російську мову трагедій Шекспіра. М. Костомаров різко одзивається в „Литературном наследии“ про ці переклади „Якимов каже він — прославился в свое время бездарнейшим переводом Шекспира, в которого студенты приводили места в пример бессмыслицы“. Між Метлинським і Якимовим були весь час ворожі взаємини і в листах пізніших до Срезневського Метлинський кілька разів згадує його недобрим словом. Валіцький Альфонс Йосипович з 1835 - го року призначений був за викладача грецької літератури в Харківському університеті, а в 1837 - му році ординарним професором, на цю посаду він пробув до 1858 - го року, року його смерті. В спогадах сучасників Валіцький виступав, як людина наділена видатним даром слова. Де-Пуле, Костомаров, Пашков одностайно говорять про його видатні здібності професора. Де-Пуле називає його „замечательным природненным оратором; лекции его нередко бывали импровизациями, потрясавшими слушателей“ („Вестник Европы“ № 1, стр. 94).

В такому ж тоні говорить і Костомаров: „Я посещал его лекции и слушал их с большим наслаждением. Заметим, что Валіцький имел отличный дар слова и был вообще в изложении своего предмета гораздо живее Лунина“. („Лит. наследие“, стр. 22). Крім того, треба ще одзначити значну ерудицію Валіцького в своїй спеціальності, що він її поглибив, працюючи два роки в Берліні, куди виїхав 1833 - го року, після здобуття ступня доктора філософії. Луїнін Михайлович був професором загальної історії в харківському університеті з 1835 - го по 1844 - й рік. Слухачі оцінювали дуже високо його лекції. Особливо цікава оцінка Костомарова в майбутньому знаменитого історика, що уважав Луніна „бесспорно, одним из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-либо являлись в наших университетах“. („Лит. наследие“, стр. 22). Любов до історичних наук зародилась у Костомарова, по його визнання, під впливом лекцій Луїніна. Луїнін сам не надрукував своїх лекцій і лишився в пам'яті, перш за все, як лектор з глибокою і всебічною ерудицією. На думку акад. Бузескул автора статті про Луїніна в „Биографическом словаре профессоров и преподавателей Харьковского Университета“ Луїнін для Харківського університета був тим „чем для московского были Грановский и Кудрявцев, его младшие современники“ (Ст. 260).

¹²⁾ 'Згадка про хворобу Костомарова знаходить своє докладне пояснення в „Літературному насліди“. Летом 1839-го года началось со мною ряд несчастий значительно подорвавших мое здоровье. Вместе с И. И. Срезневским и несколькими знакомыми из бывших моих товарищей и молодых профессоров я был в женском монастыре в Хорошеве в 18 верстах от Харькова, окруженном красивою рощею. Мы пробыли 2 суток и лунные ночи проводили на воздухе; вследствие этого я схватила головную болезнь и возвратившись в Харьков, обратился к неизвестному мне медику, жившему в одном дворе со мною. До тех пор в Харькове я никогда не болел и потому не запасся постоянным врачом; тот же, которому я себя вверил, был отъявленный шарлатан и, осмотревши меня, нашел у меня какие то ужасные болезни, страшно напугал меня и начал пичкать лекарствами, приказавши мне сидеть дома на строжайшей диете. Через четыре дня зашел ко мне случайно один молодой доктор, преподававший в университете, и, увидя, что я сижу в духоте, стал расспрашивать, а когда я ему сообщил то, что мне наговорил мой эскулап, он расхохотался, уверил меня, что я делаюсь предметом для эксплоатации шарлатана и убедил бросить все лекарства, покинуть назначенную мне строгую диету и вместе с ним идти гулять в сад. Я послушался, пошел гулять в сад, а оттуда желая более рассеять меня от внутренних страхов он пригласил меня в ресторацию, где мы вместе поужинали и выпили вина. На другой день мой эскулап, узнавши об этом, сказал мне: „ну, тепер вы пропади; через месяц увидите, что с вами будет“. Это запало мне в воображение.

Со мною долго не было ничего дурного и я отправился в свое имение; но как только кончился месяц и наступил роковой срок, назначенный эскулапом, так мне начали представляться самые возмутительные болезненные признаки. Я обратился к одному полковому врачу, который мне сказал тоже, что и харьковский профессор. Недовольный этим, я прибегнул к совету другого врача — и тот сказал мне тоже. Я обратился к третьему, который нашел у меня такие же болезни, как и харьковский эскулап. Тут уже ничего не могло победить мою мнительность; я поторопился в Харьков, начал обращаться то к одному, то к другому медицинских профессоров, наконец, один из них принялся лечить меня и поручил наблюдать за мною какому то студенту из евреев. Поприймавши пилюли с месяц, я узнал, что мне не давали лекарств, считая болезнь мою плодом воображения, пичкали совершенно невинными средствами. Мнительность опять ододела меня. Я еще раз обратился к новому врачу, который уже начал меня лечить действительно. От его лечения не произошло ничего. Мне все казалось, что я болен. Весной 1840 года готовясь к экзамену на степень магистра, я обратился еще к одному медику, который закатил мне такую кладь, что после нее у меня сделались частые головные боли. Наконец, я перестал лечиться, испытывая, что ничто не помогает тем недугам, которые мне тогда представлялись“. (Ст. 32 — 33).

¹³⁾ В цьому листі характерно виступає ставлення Метлинського до Срезневського, з великим ідеалізуванням свого приятеля і з приниженням самого себе. Таке відношення осталося в листах Метлинського до кінця. Першество Срезневського, безперечно, було не тільки в уяві Метлинського, а мало і деяку підставу фактичну. В. І. Срезневський в розвідці „Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского“ так характеризує взаємини між ними. „На почве любви к народной поэзии в 1833 — 1835-х годах (годы студенчества Метлинского) возникло знакомство его с И. И. Срезневским; оно скоро перешло в теснейшую дружбу и с самим Измивилом Ивановичем, и с его матерью; от этой дружбы остался целый ряд писем Метлинского, прекрасно характеризующий этого болезненного, вечно страдающего идеалиста и пессимиста в одно и тоже время; болезное воображение Метлинского не раз вызывало недоразумение между приятельми в дни их разлуки, но эти недоразумения всегда старательно разъяснялись Измивилом Ивановичем, и дружба вновь восстанавливалась. Метлинский, как человек значительно менее одаренный, чем Измаил Иванович, не мог не подпасть под его влияние...“ *) Що Метлинський, справді, підпадав під вплив Срезнев-

*) СПб. 1898. Ст. 13.

качестве ловкого опонента сбил его в пух и в прах и уничтожил. Лук'янов просил пощады и сквозь слезы повторял только: *Concedo tibi, concedo tibi* (уступи тебе)*.

⁸⁾ 1839 - го року Метлинський захищав дисертацію „О сущности цивилизации и значении ее элементов“ для здобуття ступня магістра політичних наук. Видкована дисертація 1839 - го року.

⁹⁾ Клопотання Метлинського про перехід до Петербургу, очевидно, викликали були якимись непорозуміннями в університеті.

¹⁰⁾ Метелдеркамп Йоган Давидович був лектором німецької мови в харківському університеті з 1835-го року по 1855 - й.

¹¹⁾ В листі від 2 жовтня 1839-го року Метлинський розповідає про своє твердження ад'юнктом, при чому, до певної міри, розкриває причини своїх хвилювань і бажання виїхати з Харкова. Професор словесности Якимов був проти Метлинського і Метлинському пощастило здобути посаду тільки при допомозі симпатично настроєних до його професорів Валицького і Луніна, про яких він згадує в листі наступному. Василь Олексійович Якимов був професором російської словесности з 1839 - го року. Професор старої виучки, з семінарським вихованням він не багато давав студентам. В спогадах слухачів Якимов характеризувався як хороший промовець з класичною виучкою, разом з тим як учений з дещо застарілими поняттями. „Не столько самое содержание, сколько живая, отчетливая и выразительная речь оратора произвела самое приятное впечатление на слушателей и вызвала одобрительные отзывы всей публики“, спогадує один із його слухачів Н. Але Якимов не виправдував надій, які на його покладали. Його лекції з російської літератури не йшли далі Карамзіна, і з найбільшою охотою спинявся на літературі до-петровського періоду. З літературних його праць треба одзначити переклади на російську мову трагедій Шекспіра. М. Костомаров різко одзивається в „Литературном наследии“ про ці переклади „Якимов, которого студенты приводили места в пример бессмыслицы“. Між Метлинським і Якимовим були весь час ворожі взаємини і в листах пізніших до Срезневського Метлинський кілька разів згадує його недобрим словом. Валицький Альфред Йосипович з 1835 - го року призначений був за викладача грецької літератури в Харківському університеті, а в 1837 - му році одинарним професором, на цій посаді він пробує до 1858 - го року, року його смерті. В спогадах сучасників Валицький виступає, як людина наділена видатним даром слова. Де - Пуле Костомаров, Пашков одногласно говорять про його видатні здібности професора. Де - Пуле називає його „замечательным природным оратором; лекции его нередко бывали импровизациями, потрясавшими слушателей“. („Вестник Европы“ № 1, стр. 94).

В такому ж тоні говорить і Костомаров: „Я посещал его лекции и слушал их с большим наслаждением. Заметим, что Валицкий имел отличный дар слова и был вообще в изложении своего предмета гораздо живее Лунина“. („Лит. наследие“, стр. 22). Крім того, треба ще одзначити значну ерудицію Валицького в своїй спеціальности, що він її поглибив, працюючи два роки в Берліні, куди виїхав 1833 - го року, після здобуття ступня доктора філософії. Лунін Михайло Михайлович був професором загальної історії в харківському університеті з 1835 - го року по 1844 - й рік. Слухачі оцінювали дуже високо його лекції. Особливо цікава оцінка Костомарова в майбутньому знаменитого історика, що уважав Луніна „бесспорно, одним из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-либо являлись в наших университетах“. („Лит. наследие“, стр. 22). Любов до історичних наук зародилась у Костомарова, по його визнанню, під впливом лекцій Луніна. Лунін сам не надрукував своїх лекцій і лишився в пам'яті, перш за все, як лектор з глибокою і всебічною ерудицією. На думку акад. Бузескула автор статті про Луніна в „Биографическом словаре профессоров и преподавателей Харьковского Университета“ Лунін для Харківського університету був тим „чем для московского были Грановский и Кудрявцев, его младшие современники“ (Ст. 260).

¹²⁾ Згадка про хворобу Костомарова знаходить своє докладне пояснення в „Литературному насліди“. „Летом 1839-го года начался со мною ряд несчастий значительно подорвавших мое здоровье. Вместе с И. И. Срезневским и несколькими знакомыми из бывших моих товарищей и молодых профессоров я был в женском монастыре в Хорошеве в 18 верстах от Харькова, окруженном красивою рощею. Мы пробыли 2 суток и лунные ночи проводили на воздухе; вследствие этого я схватил горловую болезнь и возвратившись в Харьков, обратился к неизвестному мне медику, жившему в одном дворе со мною. До тех пор в Харькове я никогда не болел и потому не запасся постоянным врачом; тот же, которому я себя вверил, был отъявленный шарлатан и, осмотревши меня, нашел у меня какие то ужасные болезни, страшно напугал меня и начал пичкать лекарствами, приказавши мне сидеть дома на строжайшей диете. Через четыре дня зашел ко мне случайно один молодой доктор, преподававший в университете, и, увидя, что я сижу в духоте, стал расспрашивать, а когда я ему сообщил то, что мне наговорил мой эскулап, он расхохотался, уверил меня, что я делаюсь предметом для эксплуатации шарлатана и убедил бросить все лекарства, покинуть назначенную мне строгую диету и вместе с ним идти гулять в сад. Я послушался, пошел гулять в сад, а оттуда желая более рассеять меня от внутренних страхов он пригласил меня в ресторацию, где мы вместе поужинали и выпили вина. На другой день мой эскулап, узнавши об этом, сказал мне: „ну, тепер вы пропади; через месяц увидите, что с вами будет“. Это запало мне в воображение.

Со мною долго не было ничего дурного и я отправился в свое имение; но как только кончился месяц и наступил роковой срок, назначенный эскулапом, так мне начали представляться самые возмутительные болезненные признаки. Я обратился к одному полковому врачу, который мне сказал тоже, что и харьковский профессор. Недовольный этим, я прибегнул к совету другого врача — и тот сказал мне тоже. Я обратился к третьему, который нашел у меня такие же болезни, как и харьковский эскулап. Тут уже ничего не могло победить мою мнительность; я поторопился в Харьков, начал обращаться то к одному, то к другому медицинским профессорам, наконец, один из них принял лечить меня и поручил наблюдать за мною какому то студенту из евреев. Попринимавши пилюли с месяц, я узнал, что мне не давали лекарств, считая болезнь мою плодом воображения, пичкали совершенно невинными средствами. Мнительность опять ододела меня. Я еще раз обратился к новому врачу, который уже начал меня лечить действительно. От его лечения не произошло ничего. Мне все казалось, что я болен. Весной 1840 года готовясь к экзамену на степень магистра, я обратился еще к одному медику, который закатил мне такую кладь, что после нее у меня сделались частые головные боли. Наконец, я перестал лечиться, испытывая, что ничто не помогает тем недугам, которые мне тогда представлялись“. (Ст. 32 — 33).

¹³⁾ В цьому листі характерно виступає ставлення Метлинського до Срезневського, з великим ідеалізуванням свого приятеля і з приниженням самого себе. Таке відношення остається в листах Метлинського до кінця. Першештво Срезневського, безперечно, було не тільки в уяві Метлинського, а мало і деяку підставу фактичну. В. І. Срезневський в розвідці „Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского“ так характеризує взаємини між ними. „На почве любви к народной поэзии в 1833 — 1835-х годах (годы студенчества Метлинского) возникло знакомство его с И. И. Срезневским; оно скоро перешло в теснейшую дружбу и с самим Изамаилом Ивановичем, и с его матерью; от этой дружбы остался целый ряд писем Метлинского, прекрасно характеризующий этого болезненного, вечно страдающего идеалиста и пессимиста в одно и тоже время; большое воображение Метлинского не раз вызывало недоразумение между приятельми в дни их разлуки, но эти недоразумения всегда старательно разъяснялись Изамаилом Ивановичем, и дружба вновь восстанавливалась. Метлинский, как человек значительно менее одаренный, чем Изамаил Иванович, не мог не подпасть под его влияние...“ *) Цю Метлинський, справді, підпадав під вплив Срезнев-

*) СПб. 1898. Ст. 13.

ського, в цьому нема сумніву, але ледве чи причиною тимчасових розходжень приятелів було тільки „больное воображение“ Метлинського. В пізніших листах Метлинського, писаних уже тоді, як Срезневський був академіком, ясно можна відчуті і неувагу з боку Срезневського до свого старого приятеля і авторитарність тону, що могла ображати Метлинського.

¹⁴⁾ Своє знайомство з слов'янськими землями Срезневський почав з Чехії, де зав'язав тісне знайомство з діячами чеського відродження 30-40-х років. Найбільший вплив на нього мали Шафарик, історик старовинного слов'янства, поет-русофіл Челяковський, пізніше професор слов'янської філології в Ратиславському університеті і перший бібліотекар чеського музею Вячеслав Ганка, з яким він зав'язав тісні приятельські стосунки. Срезневський подбав про те, щоб познайомити своїх нових приятелів з українською літературою і з того часу появився ряд перекладів на чеську мову поезій Метлинського, Костомарова, Боровиковського і інш. в *Časopis' Českeho Museum* з перекладів Метлинського, Челяковський передав на чеську мову вірші „Гетьман“, „Старець“, „Козацька смерть“. Крім того, в цьому ж часопису видруковано ряд статтів і рецензій на твори українських письменників, писаних, переважно, Ганкою. З них треба одзначити рецензію на „Наталку Подтавку“, що вийшла під редакцією Срезневського на „Думки“ Метлинського і інших. Очевидно, під свіжим враженням звістки про переклади віршів Метлинський і пише Срезневському. Подорож Срезневського по Слов'янщині освітлена докладно в статті В. А. Францева „И. И. Срезневский и славянство“^{*)}.

¹⁵⁾ „Чари“ или несколько сцен из народных былей и рассказов украинских Соч. Кирилла Тополи. Москва. 1837.

¹⁶⁾ „Песня“, про яку пише Метлинський після згадки за „Чари“, де „Ой не ходи, Гридю...“ — пісня, що лягла в основу сюжету „Чари“. Метлинський говорить, що ця пісня в „у Вацлава“. Це Вацлав Залеський, що видав в 30-х роках збірник галицьких і польських пісень.

¹⁷⁾ „Купала на Івана“ С. Шерепері (Писаревського) видруковано в Харкові 1840-го року.

¹⁸⁾ „Вітка“ — збірник поезій Костомарова, що вийшов у Харкові 1840 року.

¹⁹⁾ Іван Васильович Розковшенко, приятель і співробітник Срезневського на початку літературної діяльності. Про нього див. І том нашого видання.

²⁰⁾ Слівицький, Іван Олексійович з 1838-го року був ад'юнктом при Харківському університеті по кафедрі загальної історії. 1839-го року його було обрано секретарем 1-го відділу філософського факультету; з 1840-го року був звільнений по власному прохання з цієї посади і намісць його обрано Метлинського, що відмовився від неї 1842-го року.

²¹⁾ Каразін, Василь Назарович, один із ініціаторів і діячів по відкриттю університету в Харкові. Про нього див. проф. Д. И. Багалей „Опыт истории Харьковского университета“. Т. I.

²²⁾ Тут, очевидно, говориться про „Украинский Сборник“, що його почав видавати Срезневський з 1838-го року, вмістивши в першому томі „Наталку Подтавку“ з передмовою. В других книжках „Украинского Сборника“ видавець гадав умістити „выбор украинских песен и дум, выбор стихотворений Артемюскаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженевскаго і інших“. Але йому не пощастило здійснити свого заміру і друга книжка „Сборника“, що містила „Москаля Чарівника“, вийшла 1841 року в Москві уже після виїзду Срезневського в командировку. Про цей збірник, очевидно, і згадує Метлинський.

²³⁾ Перовський і Хівський похід.

²⁴⁾ Філадельф Каразін — син В. Н. Каразіна.

²⁵⁾ „Очерки России“ Вадима Пасека, стали виходити з 1838-го року і становили першу спробу ознайомити в популярній формі російську публіку з етнографією, історією побуту, археологією, географією Росії. Знайомство з харківськими діячами почалося з того часу, як Пасек пробував, хоч і нещасливо,

^{*)} Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Петр., 1916 кн. I. Ст. 94—167.

посісти катедру в Харківському університеті. Познайомився Пасек із Срезневським біля 1836-го року і тут перейнявся симпатіями до України, що ясно видно з його листів до Срезневського і в цілому ряді статтів, присвячених дослідженню археології Харківщини. В числі співробітників "Очерков России" находимо Ореста Бведького, А. Метлинського, А. Рославського і інш. Про Пасека мемуарний матеріал подається в спогадах його дружини Т. П. Пасек "Из дальних лет". Взаємини його із Срезневським висвітлені в статті В. І. Срезневського "Вадим Васильевич Пасек и его письма к И. И. Срезневскому".

²⁰⁾ „Бородинский смотр“ Жуковського вийшов 1840-го року. Вірша написано в підкреслено-патріотичному тоні, захоплення Метлинського цікаве для характеристики ідеології поета.

²⁷⁾ Тут згадується про подорож Срезневського до Ахтирки улітку 1839 року і перебування його пізніше в Сарах у Метлинського. Про це находимо агадки в листах до матері. (Див. Т. І нашого видання). Про „о. Иоанна Чудновского“ писав Срезневський захоплено. „Он принял нас, как родных, обходится, как с родными. Мало того, что у нас особый флигель и у меня особенная комнатка— даже в доме мы полные хозяева и целый день проводим тут“ (З листа від 7-го червня 1839-го року). Трохи пізніше він описував свої відвідини Метлинського. „Напившись кофе, мы отправились в Гадяч. Он в 36 верстах от Зинькова; в 7-ми верстах от него село Сары, где живут родители Амвросия Лукьяновича. Косе как уговорил ямщика повернуть прямо на Сары, предположив уже из Сар ехать в Гадяч. В 12 часов мы вехали на двор к Амвросию Лукьяновичу. Спрашиваем о нем; получаем в ответ— в Гадяче. Спрашиваю о маменьке его; говорят, дома. Я решаюсь остановиться и ждать Амвросия Лукьяновича. Добрая София Назарьевна приняла нас ласково, как давно знакомых... В 5 часов воротились и Амвросий Лукьянович; мы гуляли, болтали,— ели, пили...“ (З листа від 11 червня 1839-го року).

²⁸⁾ „Книжище малороссифской всячины“—це альманах „Сніп“, що його видав Корсун, бувши тоді студентом Харківського університету 1841-го року. В цьому збірникові вмістив Костомаров свою „Переяславську ніч“ і кілька віршів. Метлинський нічого не дав до альманаху.

²⁹⁾ М. Петренко виступив уперше в „Снопі“, надрукувавши там кілька своїх віршів. Цікаво одзначити, що не тільки Метлинський, але й Костомаров був високої думки про талант Петренка. В одному з листів до Срезневського, розглядаючи альманах „Сніп“, він ладен признати талант лише у одного Петренка. Тут Костомаров згадує про свою дисертацію об унії, яка хоч була ухвалена університетом, але знищена по наказу міністерства. Як розповідає Костомаров, проти дисертації повстав тодішній харківський архієрей Інокентій і, таким чином, Костомарова до захисту не допустили, а примірники видрукованої дисертації знищено, хоч і не всі. (Див. про це найпізнішу статтю Айзенштока „Магістерська дисертація“ М. Костомарова“, (Україна 1925, кн. 3).

³⁰⁾ „Повести Малороссии“ Купrienка.

³¹⁾ Інтересно підкреслити ту увагу, з якою зустріли харківські поети твори невідомого до того Шевченка. Найпозитивнішу характеристику дав їм Метлинський, трохи обережніше пише про „Кобзаря“ Шевченка М. Костомаров в листі до Срезневського від 30 листопада 1840-го року. „Вчера я промотал часть вечера на чтение нового произведения южнорусской литературы: „Кобзарь“ Т. Шевченка. Это книжечка в 12-ю долю листа, разделенная на несколько эпических и лирических, или лучше, епико-лирических пьесок, которые все показывают, что сочинитель обладает талантом, вкусом, языком и беден одним стихом. Несмотря, однако, на некоторые тяжеловатости, надобно отдать ему честь в том, что он по возможности избегает многословия, которое было до сих пор уделом всех „спивак украинского“. (Оригінал листа przechовується у рукописному відділі Акад. Наук СРСР).

³²⁾ Головін, граф, був попечителем Харківського університету.

³³⁾ Тут згадує Метлинський про перебування Срезневського у Луцьких сербів, де познайомився з діачем Луцьким Смоляром, про якого писав з великим

захопленням. „Этого человека я остаюсь вечным должником и почитателем. Это образец для называющих себя любителями и знатоками народности. Он не берет на себя многое, хочет узнать только свое отечество, оставляя на предбудущее время изучение других соплеменных народов, и узнать не по верхам: он сделался совершенно народным человеком; обходит страну всюду, как свой, как давно знакомый, как родной, и передает замечаемое не памятной книжке, а памяти жизни; живет в духе и теле своей родной народности, слушая сказку, рассказывает другую, танцуя с поселянкой, напевает ей забытые ею песни, в старинном обряде не зритель, а исполнитель,— и враг всего дурного, остается китайцем по чувству ко всему старому, доброму; словом, проникает в жизнь народа, проникаясь сам ею“. (Цит. стаття Францева, ст. 122 — 123).

³⁴⁾ Цертелев Н. П.

³⁵⁾ Справа про видання журналу при університеті підносилась ще і раніше, але не була здійснена. В 1834 году возникла мысль об издании харьковским университетом журнала, под названием „Ученые Записки“, но ходатайство об этом затянuloся на несколько лет — пише Д. Багалій в своїй праці „Опыт истории Харьковского университета“. (Т. II. Стр. 782). 1851-го року з ініціативи професора словесности Костиря знову була піднесена думка про видання органу університету, під назвою „Учено-литературные записки, издаваемые при императорском харьковском университете“, але ця пропозиція була провалена на університетській раді більшістю голосів. 1843-го року міністр народньої освіти дозволив видавати „отличнейшие“ из студенческих праць, під заголовком „Опыты студентов императорского харьковского университета в отечественном языке и словесности“. 1846-го року за редакцією Гулака-Артемовського, що був тоді ректором, і кількох професорів, серед яких треба згадати Срезневського і Метлинського, вийшла перша книжка студентських праць. Серед них треба одзначити вірші російською мовою. Я. Щоголева. („Историко-филологический факультет Х. У.“ Ст. 82 — 84).

³⁶⁾ Хомка — прислужник у Костомарова, про якого часто згадують в „Литературном наследии“.

³⁷⁾ Скальковский, Аполон Олександрович один із перших істориків „Запорозької Січі“, головна його праця „История новой Сечи и последнего Копса запорожского“.

³⁸⁾ „Славянские предания“ Боричевского.

³⁹⁾ Кроненберг, Іван Яковлевич з 1819-го року був затверджений ад'юнктом по кафедрі латинської словесности і старовини, а з 1821-го року був професором по тій же кафедрі. З 1823-го року обрано було його ректором. В історії харківського університету Кроненберг, по визнанню Д. І. Багалія, належав до найталановитіших професорів. Спогади студентів про Кроненберга малюють його, як прекрасного викладача і людину з великим знанням своєї дисципліни. Його слухач Н. в своїх спогадах так характеризує лекції Кроненберга. „На лекціях он знакомим их также с произведениями образцовых римских писателей, преимущественно поэтов: Горация, Виргилия и других, передавая каждый стих и каждый в собственном изъясном переводе, преподаватель сопровождал его всеми необходимыми комментариями — историческими и филологическими. Вообще Кроненберг был образцовый профессор своего времени и глубокий знаток древней классической словесности, латинской и греческой“. (Д. И. Багалей. „Опыт...“ т. II. Ст. 603 — 604).

⁴⁰⁾ Михайло Михайлович Макаровський був учителем Амвросія Метлинського в Гадяцькій повітовій школі. Відомий, як автор поем „Наталья“ 1844-го року, і „Гарасько“ або „Талан і в неволі“, написано трохи пізніше. Метлинський ставився з пошаною до його літературної роботи.

⁴¹⁾ Семен Лук'янович Метлинський, брат Амвросія, видав 1858-го року збірник своїх віршів під заголовком „Мова з України“, під всевідомим С. А. Родини.

⁴²⁾ В 20—40-х роках Одеса була модним курортом і туди виїздили на спочинок з великих міст Росії. Наїздив сюди Костомаров, Метлинський і інші:

Дружина Костомарова Аліна Леонтіївна розповідає про тодішню Одесу так: По совету врачей наша родная мама, не далее, как через две недели после того повезла нас в Одессу, пригласив с собой портниху для шитья нам платьев. Одесса в то время пользовалась правами porto-franco. Иностранные товары там были чрезвычайно дешевы, но существовала таможенная, ревизовавшая чемоданы выехавших из Одессы внутрь России, и ничего несшитого нельзя было провезти без большого штрафа. Между тем с'езд на купальный сезон в Одессу бывал очень большой, в особенности дам и девиц, которых привлекала туда не столько необходимость поправить здоровье морскими купаньями, сколько жажда развеяться, послушать итальянских певцов и закупить себе нарядов*). Про перебування в 1846 - му році в Одесі Метлинського і Костомарова спогадує в листах до О. Корсуна Ф. С. Карпов, харківський земляк Метлинського. Про Метлинського він згадує дуже цікаво, як понура вдача поета розворушувалась під впливом доброго спочинку і як він мотаючись по всьому місту в сірому балагані виспівував „невозможным козельтоном“ веселих українських пісень. Про Костомарова він згадує, як про людину з нахилом до містицизму, передчував, що т. д. „Я довольно сблизился с ним в Одессе в 1846 году и вместе гуляли в городе и за городом, особенно на хуторе Ланжерона; виделись почти каждый день. Однажды, помню, ночью сидели мы с ним на лавке одинокого бульвара и любовались, как луна отражалась в море на дальнем горизонте; небо было усыяно звездами; отыскиали Сириуса и другие звезды, говорили об астрономии. Он был задумчив, печален: „судьба гонит меня“ сказал он и слова эти остались в моей памяти, „со дня моего рождения; поп расстроил судьбу мою в Харькове, а расстроил ее и в Киеве. (Натяк на історію з дисертацією Костомарова і роля ній архієрея Інокентія). Я еду теперь туда с полным убеждением и ясным предчувствием, что со мною случится там что-то недоброе“. Можете представить себе мое удивление, когда в 1847 году с ним случилось в Киеве всем известное несчастье и я припомнил его эти слова ...*) (Розгром Кирило-Методієвського братства).

43) Гордієнко Г. С. був професором по кафедрі російського цивільного і торгового права.

44) А. Г. Криворотов був ад'юнктом по кафедрі римського права.
45) Олександр Федорович Тюрін, швагер Срезневського. Срезневський дружився 1844-го року з дочкою учителя математики харківської гімназії Катериною Хведоровною. Про його згадує часто Метлинський і в попередніх листах іноді початковими літерами „А. Ф.“.

46) 18 7-го року Костомаров надрукував в Києві книжку „Славянская мифология“. (Извлечение из лекций, читанных в университете св. Владимира во второй половине 1846-го года). В листах до Срезневського в цей час помітно велике зацікавлення Костомарова питаннями слов'янської мітології.

47) Тихон Хведорович Степанов з 1823-го року був учителем загальної історії в харківському інституті шляхетних дівчат, а 1832-го року призначено extraordinaryним професором політичної економії і дипломатики.

48) Протопопов, Матвій Миколаєвич з 1837-го року був професором по кафедрі філософії. Був захопленим прихильником німецької ідеалістичної філософії, але викладав її „туманно“ і незрозуміло. Костомаров розповідає курйозний випадок про те, як він спровокував на іспиті з філософії Протопопова. „Я экзаменовался с философии. Профессор этого предмета Протопопов давал студентам свои записки, написанные туманными фразами из немецких философов; были места, в которых по-русски никак нельзя было добратсья смысла, и учить его философию было истинное мучение для студентов. Я в это время уже немного знакомился с немецкими философами и часто, между товарищами, для потехи говорил по-русски философским языком совершенную чепуху, показывая, как можно при помощи этого философского тумана озадачить других и показаться

*) Автобиография Н. И. Костомарова. 1922. Ст. 20.

*) Листи Ф. С. Карпова переходять в архіві О. Корсуна в Пушкінському архіві.

Глибоким ученим именно потому, что слушающий ничего не поймет. Будучи уверен, что сам многоученный профессор не совсем ясно понимал то, чему его научили немцы, которых язык он знал с грехом пополам, я умышленно занес ему на экзамене бессмыслицу, уснащивая ее всевозможными „абсолютами“, „абстрактами“ и тому подобними термінами, бывшими тоді в моді в философському мові. Протопопов вислухав з увагою й записав мене — превосходно, воображая, что я верно говорю ему то, что прочитал в какой нибудь немецкой книге“. (Литер. Наследие, ст. 27).

⁴⁹⁾ Ці праці так і лишилися ненадрукованими, алеж, здається, збереглися курси лекцій в рукописах. В біографічному словнику професорів київського університету акад. Дашкевич згадує про ненадруковані курси Метлинського „Введение в науку словесности“.

⁵⁰⁾ М. Петренко після закінчення університету в 1841-му році служив „по гражданскому ведомству“.

⁵¹⁾ Листи до Срезневського, починаючи з 1847-го року, писалися уже до Петербургу, де Срезневський улаштувався професором в університеті.

⁵²⁾ Ольга Ізмайловна, дочка Срезневського.

⁵³⁾ „Южный Русский Сборник“ Метлинського вийшов 1848-го року з такими матеріалами. А. Метлинський „Думи і пісні“ (Бандура. Козачі поминки. Сирітка. Старець). Мих. Петренко „Думи та співі“. Ст. Олександров. Вовкулака. Мих. Макаровський. Наталя або дві долі разом. Гарасько або талан і в неволі. Гр. Основ'яненко, Щира любов, або милий дорожке щастя, драма.

⁵⁴⁾ Козир-дівка, Квітки, видрукувана була в альманасі Гребінки „Ластівка“ за 1841-й рік.

⁵⁵⁾ Куліш надрукував перші розділи повісті „Чорна рада“ в „Современнике“ Плетньова. Ця повість вийшла 1857-го року на двох мовах.

⁵⁶⁾ Крім університета, Срезневський був професором головного педагогічного інституту по кафедрі слов'янських говірок з 1848-го до 1859-го року.

⁵⁷⁾ Онисим, брат Метлинського.

⁵⁸⁾ „Священная история“ Квітки не була дозволена духовною цензурою.

⁵⁹⁾ Брат Метлинського Хведір подав 1848-го року дисертацію на тему „О гомерической религии“.

⁶⁰⁾ Кокошкін, був генерал-губернатором Харківської округи. Про його управу цікаво розповідає В. Карпов в „Воспоминаниях старожил“.

⁶¹⁾ Метлинський запитує про заслання Костомарова після розгрому Кирило-Методієвського братства, в зв'язку з чутками, що Костомарова вислали до Вятки, але, як відомо, його заслано було до Саратову. Не збереглися листи Костомарова до Метлинського з часів Кирило-Методієвського братства, але, треба гадати, що Метлинський був поінформований хоч почасти про роботу братчиків хоч би в частині освітніх заходів. В. П. Петров, в своїй розвідці „Різдво року 1846-го“ наводить цікавого листа Метлинського до Костомарова в справі видання українських книжок для народу. „Коханий ти мій Микола!... Письмо твоє дійшло до мене на страшний неділі. Чув от Сементовського, що і він од тебе получив. Я не думаю, як ти писав і пишеш, щоб війна за правописання була задаром: бо письменна і вимова — знам'я характеру і существа народности. А що таке війна за дворянство, не відаю, і проче, і нічого на те не чую. Писав недавно до Срезневського, який, видно, дуже чимсь займався, що тільки до родичів пише. Почув недавно, що Куліш за границею, а Шевченко зазнався з чарочками. (Шкода!) — Чи не багато, пане-брате, замишляеш? Купуєш ізданіє: гляди щоб не проігнорувати грошей задаром!“

Куліш просить збирати підписку на „Чорну раду“ на малорос; почав було збирати, а ті ради немає! Писав еси про Хмельницького: розпитувався, а про Хмельницького не чути! Задумали есте ізданіє для простого народу: чого б, кажу, лучше. Почав було і сам я пригласять декого писати, що можно для того благого діла, з людей знающих науку добре... Так ніби! Вже вп'ять щось інше! Хто ж звириться на нас, як буде на тиждень сім п'ятиць? — Общество для печатанія не гудю, тільки нужно його утвердити гаразд, а то ніхто не пристане

іа посторонніх, а коли мало буде, то вийде з нього пшик! Совісно й казати (хоча кавав), бо не видавш, що одвітати на деякі необхідні вопросы. Моя рада (і до неї пристав би хто): збирається сума *без всякого общества*... См. Свод. Угол. зак.) для пособия при ізданні сочинений, имеющих предметом Южную Русь по языку и содержанию или принадлежащих южному краю России в этих отношениях, и имеющих целью содействовать, так обр., познанию своего отечественного, и противодействуя распространению чужеземных, несвойственных духу и почве народа мечтаний (еще что нибудь о народности, неразрывно связанной с православием и самодержавием) — последую примеру географического общества и тому подобное (ты понимаешь, что надобно оставлять что нибудь и для размышления читателя, и собласту не только национальные, но и официальные формы), подписчик вносит 10 или 15 руб. сер. единовременно (кто хочет пожалует и больше: тем лучше!) Капитал кладется в приказ общества приращения в Киеве и Харькове (для избежания издержек при пересылках), с тем, чтобы проценты ежегодно выдавались в киевские или харьковские типографии, на напечатание упомянутых сочинений. Сочинения должны быть одобрены, по крайней мере, тремя из подписчиков, доказавших свое знание языка и края, или избранными от прочих подписчиков. Подписчики получают проценты (даже 10!) на свою сумму книгами, изданными (ничего не теряют), а сверх того, напечатанные экземпляры представляются автору в пользу и распоряжение (подписчики надеяться могут и должны бы помогать также свету). — Я надеюсь быть летом в Киеве. Если общество решится на что нибудь подобное, внеси за меня: или отдам лично, или пришлю деньги, если дело состоится и найду участников.

Кланяюсь панові Шевченкові, посылаю оцей подарунок. Де він каував, бог його знає? Кому з ширих знадобиться моя книжка: багатому за гроші, а бідному за спасибі. Ідучи в Київ, буде случай передать. Тут починають багато дехто говорити, а у мене єсть довольно і писаного, більше чужого, і особливо по языку, дуже доброго. Як би составився капіталець, то навіки найшлась би дорога для слави і дарования. Уже на 300 единовременних пожертвованій можна би мати проценти для невеличкої книжечки. А що більше, то лучше для кожного, і потому було би вигодно для кожного шукати пристаючих до сього діла.

Програму, в таком роде, как отчасти накинув, треба б напечатать и роздавать ревнителям в достаточном числе экз. (печатное много значить). Существо дела, напр., що печатать на южном языке, подразумевать и кому следует объяснять, и соблюдать; печатной же программе нечего входить в мелочи и подробности; они должны быть приняты facile. Я готов може пристати і до вашого плану, но ти нічого про се уп'ять не пишеш і до Сементовського; да и как просить кого нибудь давать сочинения безвозмездно? Свое готов бы, но чужой просить совестно. Но повторяю, щоб доброму делу не помешать, на первый раз 10 р. за мною, а дальше побачимо, як бог дасть: или пришлю деньги, если дело состоится и найду участников, а не то буду подписчиком на Шевченка и хорошие сочинения".

⁶²⁾ Викадачі і професори харківського університету часів Метлинського. В пізніших листах ми зустрічаємо кілька разів спогади Метлинського про нещасливу командировку його за кордон. Метлинський подавав кілька раз прохання про відрядження його для підготовки в Німеччині по теорії літератури і для того, щоб лікуватися в Зальцбруні, на водах. Але революція 1848 року стала на перешкоді і, таким чином, намір одвідати Європу для наукової мети не здійснився. Був він за кордоном пізніше, після одставки, проживши два роки в Швайцарії.

⁶³⁾ Батько Срезневського Іван Овсійович Срезневський був професором російського красноречия і поэзии" в Харківському університеті з 1812 року. Муханов — редактор "Харьковских губернских ведомостей".

⁶⁴⁾ Хведір Леонітович Тюрін — тесть Срезневського.

⁶⁵⁾ Переклад повісті Квітки "Щира любов" був видрукований в "Современнике" 1839-го року.

⁶⁶⁾ "История Украины" П. Куліша була видрукована в журналі "Звездочка".

⁶⁷⁾ І. Срезневський був один час цензором і Метлинський в листі, очевидно, говорить про надіслання на цензуру „Южнорусского зборника“. По цензурним дозволам книжки стоїть прізвище: цензор И. Срезневский.

⁶⁸⁾ Корсаков був цензором.

⁶⁹⁾ Тут згадується про Якова Щоголева, що мав очевидно подати до зборника Метлинського якісь твори, але зацікавився. І Метлинський і Костомаров симпатично ставилися до молодого поета, що був тоді студентом, і визнавали йому літературний талант. Серед молодшого покоління харківських поетів Щоголева визнавали найталановитішим.

⁷⁰⁾ Слівцький Іван Олексійович був ад'юнктом по першому відділу філософського факультету з 1839 - го року, а з 1842 - го року подав заяву про звільнення з університету.

⁷¹⁾ Тут Метлинський згадує про видання „Южного Русского зборника“.

⁷²⁾ Смірдин відомий книгар в Петербурзі 20 — 40 років.

⁷³⁾ Праця над словниками української мови Боровиковського і Білецького Носенка, якого Метлинський помиляково називав Біленком - Носенком, відомі їх власних признаннів в листах. Левко Боровиковський в листі до Срезневського ще від 24 вересня 1834 - го року писав про те, що довів „малоросійський словарь“ до букви „К“. Білецький - Носенко був у постійних зв'язках з дітями харківського університету, засилаючи до, так званого, „Общества наук“ (заснованого при університеті) свої розправи в різних галузів знання і зокрема української літератури і лінгвістики. До такого роду дослідів належать такі його розправи, як „Лингвистика, с объяснением слов — кол, вовкулака и лемеш, риферат, посланный в Общество Наук при харьковском университете 10 апреля 1817 - го года. „Лингвистические памятники поверий у малороссиан их свадебные обряды с народными песнями“. 1839 — 1840, „Словарь малороссийского и юговосточного русского языка, филологический, этимологический, с показанием частей речи, окончательных корней слов, метаплазмов, идиотизмов, со сводом синонимов с пословицами и поговорками, составленный по произношению, и говорят, в Малой России и Южной России“, 1841 — 1842 р. „Грамматика малороссийского языка“.

⁷⁴⁾ Починаючи з цих листів раз - у - раз зустрічаємо скарги на хворобливий стан, що заважає йому активно працювати на науковому і літературному поприщі. Всі спогади, які лишилися про Метлинського, маюють його, як „человека безлезненного“ із „слабостью в груди“, що заважала йому читати лекції. Метлинський хворів на туберкульозу легенів і останні роки життя прожив у Криму.

⁷⁵⁾ Срезневського було обрано ад'юнктом при відділі російської мови і словесності Академії Наук 18 грудня 1848 - го року.

⁷⁶⁾ Михайло Назарович Петров був професором загальної історії в харківському університеті з 1866 - го року. Року 1849 - го він після закінчення університету залишений був для підготовки до ступня магістра загальної історії. Темою його дисертації — „О характере государственной деятельности Людовика XI“.

⁷⁷⁾ Очевидно, здібний студент А. Метлинського, що брав участь в студентських літературних збірниках. В названих вже „Опытах сочинений студентов“ вміщено було „стихотворение“ І. Хлопова, а серед „сочинений на медали“ його робота „Мысли Келлера, касающияся обучения“, що видрукована була в „Харьковских губернских ведомостях“.

⁷⁸⁾ Гулак - Артемовський був ректором харківського університету з 1841 - го по 1849 - й рік. Документів, що освітлювали причини виходу Артемовського університету, ми не маємо. Але, як видно з листа Метлинського, вихід був хоч почесний, але недобровільний.

⁷⁹⁾ В 1849 - му році Бодянский, що був тоді професором московського університету, призначений був до переводу в казанський університет. Не маючи змоги відмовитися, бо був зобов'язаний службою за свою закордонну подорож і тому йому лишилося лише подати прохання про демісію. Через рік Бодянский знову посідав катедру в Москві.

⁸⁰⁾ Де - Пуле — харківський діяч, учився в харківському університеті, а час

Метлинського, в автором низки статтів про харківщину і харківських діячів зокрема цікаві спогади про харківський університет.

⁸¹⁾ Про Неговського, як про аматора і досвідченого збирача українських пісень, спогадує учень Метлинського О. О. Потебня, що вступив до харківського університету 1851-го року. „В 1851 году, несполня 16 лет, поступил в харьковский университет на юридический факультет. Однокашники познакомили меня с Мих. Вас. Неговским, тогда медиком 5-го курса, любителем и умелым собирателем малорусских народных песен. Некоторые думы, записанные им, напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но кажется большая часть его собраний, сколько помню, по виду очень обемистая, затеряна. В заведовании Неговского была небольшая библиотека, состоявшая из сочинений на малорусском языке и относящаяся до Малороссии. Этой библиотекой я пользовался, что не осталось без влияния на позднейшие мои занятия. В следующем году, отчасти по совету Неговского, я перешел на историко-филологический факультет и тогда же поступил в число казенно-коштных студентов“. (А. Н. Пыпин. История русской этнографии. Т. III. Ст. 420—421).

⁸²⁾ В листах, позначених 1850 роком, зустрічаємо відомості про перевод Метлинського до київського університету. Це його дуже турбувало і не як переміщення, а, власне, те, що його переведуть до Києва без підвищення. Він уважав, що його кар'єра буде зіпсована, бо в Києві його не знають, а в Харкові він сподівався посісти катедру після В. Я. Якимова, що мав вийти в відставку. В такому тоні поклопотатися звертався він не тільки до Срезневського, як до впливової тоді людини, до архирея харківського Інокентія і т. д. Але клопотання не допомогло. 1850-го року його переведено до київського університету на виконуючого обов'язки екстраординарного професора. Але, очевидно, йому поставлено було в умову захистити докторську дисертацію і він її захистив в тому ж 1850 році в Харкові. 1851-го року його затверджено ordinarним професором по катедрі російської словесності в київському університеті. Докторська дисертація його має назву „Взгляд на историческое развитие теории поэмы и поэзии“. (Х. 1850. Ст. 78). Історики літератури невисоко ставлять наукову вартість праці Метлинського. „Если обратить внимание, что это взгляд и рассуждение, что страниц всего 78, то будет уже виден конспективный характер исследования. 9 стр. (44—53) отведено русским книгам по риторике и поэтике с половины XVIII до половины XIX ст. Заметки очень краткие, написаны без исторической перспективы и не всегда основательны, равно как и не всегда справедливы. Так, по отношению к своему знаменитому предшественнику по кафедре И. С. Рижскому Метлинский был несправедлив, не оценив достоинств его риторики и упрекнув автора в „несоблюдении полноты и правильности, тяжелом слоге и в претензии на красноречие“. (48) „Работы Метлинского общенационального характера, по словам проф. Дашкевича, не высказывают особой силы мысли автора, но достаточно свидетельствуют об его трудолюбии и стремлении усвоить результаты западной науки по главным вопросам исторического знания и теории поэзии и прозы, как ее понимала старая школа и гегельянство, модное в то время и у нас“. (Н. Сумцов. Статья в книзі „Историко-филологический факультет Х. У.“ Ст. 84—85). М. Петров в „Очерках украинской литературы XIX ст.“, кваліфікує докторську дисертацію Метлинського, як тільки „переледку“ „Теории поэзии в ее историческом развитии“ Webupebv (Ст. 129). На катедру словесности в Харкові, після Якимова, призначено Миколу Трохимовича Костира, про якого пише Метлинський, як і про ад'юнкта київського університету, що мав бути йому до деякої міри конкурентом. В 1852-му році його затверджено ordinarним професором, а в 1853-му він помер. В спогадах про Костира підкреслюється його видатні ораторські здібності.

⁸³⁾ Максимович Михайло. Сборник украинских песен. Ч. I. Киев. 1849. Ст. (4) + 114 + 2.

⁸⁴⁾ Юзефович — куратор київської учебної округи, що відіграв таку сумну роль при арешті Костомарова.

⁸⁵⁾ 1852-го року Метлинський видав байки Боровиковського із своєю

передмовою. „Боровиковський А. Байки і прибайтки“. К. 1852. Ст. XII + 118. Він ж написав рецензію на це видання в „Москвитянині“ під псевдонімом „Земляк“ (1852, № 24).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наше время, с успехом просвещения в нашем отечестве, усиливается и распространяется любовь и соревнование преимущественно своего отечественного, народного, Русского. Такое направление современной учености совершенно правильно или сообразно с естественною потребностью народного самосознания: наука народной жизни может быть и должна быть создана самим народом. Язык и словесность существенная часть народного существа, его бытия и жизни; а следовательно существенная часть инородной науки, делается предметом изучения в своем обширном объеме в разнообразном потреблении, в различных наречиях, в разное время существования. Уже известно всем образованным людям, что достойным внимания сохранение исследования — не только творения великих писателей, не только язык высшего, образованнейшего сословия, — но и всякое старинное и областное слово и выражение, всякий особенный народный говор, а тем более наречие, как великорусское и малорусское, с незапамятных времен употребляемое миллионами народа. Если областное употребление слова, его древность нередко служит к объяснению истории языка в известную эпоху, то что сказать об этих богатых, живых, цветущих отраслях великорусского языка, широко раскинувшего свои разнообразные ветви?

Теперь уже странно смеивать язык литературный, господствующий, вообще русский, с каким-нибудь из народных наречий, — или рассуждать о том, должно ли писать на областном наречии, — или не понимать, что все хорошо к стати, на своем месте и не может заменить одно другого, как не может быть цветка без листьев, а листьев без корней. Теперь уже редко кто может думать, что люди написавшие что-нибудь удачное на каком-нибудь народном наречии, принесли бы больше пользы для литературы, если бы писали на литературном языке. Число таких людей всегда невелико, и потому сочинения их особенно полезны для изучения народного языка и для народного чтения. При том, кто и чем докажет, что можно лучше писать не по собственному признанию, а по чужому совету, по мнению и наставлению того, кто может быть не знает народного языка также мало способен писать и на языке литературном? Развитие частей не вредит жизни и красе целого, составляя, напротив того, условия его совершенства; так и развитие отдельных отраслей языка служит к общему его богатству и совершенству.

Приведем мнения просвещенных людей о важности изучения народных наречий. Русское Географическое Общество признает драгоценным материалом для трудов своих: народные сказки, байки, побасенки, песни, предания, народные обычаи, поверья, суеверья, приметы, пословицы, поговорки, скороговорки, приговоры, изучения загадки, словари простонародного языка в местных наречиях, с показанием употребительного ударения и примеров в складе речи, произношение и географическое распространение разных наречий, небольшие рассказы или разговоры из каждого места, написанные точно таким языком, как говорит народ, в том месте и с таким именно правописанием, как народ каждое слово произносит (см. циркуляр 1847 года). В известиях Императорской Акад. Наук, по отделению Русского языка и словесности (т. I, прибавление: памятники и образцы народного языка и словесности) напечатана отчетливо и подробно составленная программа для собирания образцов народного языка и словесности, а именно образцов местных наречий, образцов народной словесности, образцов местной словесности и письменной.

Хорошие сочинения на языке народном, кроме пользы для простого народа, которому вполне понятен только его собственный способ выражения, кроме необходимости их для изображения народа его же собственной речи, которой выражается народная особенность ничем не передаваемая на другом языке, — также

чрезвычайно важны для познания народных наречий, которые только отчасти отличаются в памятниках простонародной словесности и еще менее в сочинениях без особенного достоинства, написанных с целью служить только образцами наречий. Хотя нельзя отвергать пользы и таких сочинений, но собственно богатство и сила языка появляется в речи только силою мысли и чувства из глубины душевной. В хороших сочинениях на языке народном может быть слишком много потому что только немногим из писателей язык народный известен в такой степени, чтобы они могли владеть им, а грамотные люди из простого народа менее всего способны писать просто, будучи гораздо способнее составлять совершенно особенный искусственный смешанный язык, нежели выражаться на том, который употребляли до обучения грамоте.

Что касается до правописания народных наречий, то оно не так легко, как может казаться с первого взгляда: оттого разногласие попыток в этом деле. Здесь звуки обозначаются русскими буквами по произношению их в азбуке, но не в словах (известно, что одни и те же буквы в словах не одинаково произносятся). При том *е* должно произноситься твердо, как *э*, для мягкого (*й* *э* или *ь*, *э* принят знак *е*). Для малороссийского *и*, несколько отличающегося от великорусского *и*, принят знак *і*, произносится как латинское *и*. Знак *ѣ* не употребляется потому, что его так же легко подразумевать при буквах в конце слов, как обыкновенно подразумеваем его при тех же буквах в середине слов, когда нет при них знака *ѣ*. В начале слов и произносится как *й*.

⁸⁶⁾ Срезневскому належить думка і ініціатива в організації періодичного органу при словесному відділі Академії Наук, "которое бы для всякого образованного русского облегчало бы возможность следить за успехами русской и вообще славянской филологии и содействовало такой деятельности. Многих усилий стоило Измаилу Ивановичу; осуществление этой цели, но все таки, в конце концов, он достиг ее исполнения, и в 1852 г. Отделение приступило к изданию „Известий“; душою их, единственным и бесменным редактором их во время их существования был И. И. Известия выходили с 1852 г. по 1853 г.; их вышло 10 томов. Как особое приложение к ним, издавались „материалы для сравнительного и объяснительного словаря (7 томов) и „Памятники и образцы народного языка и словесности“ (4 тетради). В непосредственной связи с этим изданием находятся начатые отделением русского языка и словесности в 1854 г., также под редакцией Срезневского „Ученые записки“ (прекратившиеся в 1863 г.).

„Известия“ своими приложениями составили замечательное явление во всей славянской науке; они стали средоточием деятельности русских филологов, палеографов и историков литературы и дали массу ценных статей по славяноведению, языковедению, литературе, палеографии, обширный подбор материалов по народной словесности, ряд словарей, а в отделе „Библиографические записки“ — живую летопись всех событий литературной и научной жизни русского, западного и южного славянства за обнимаемый ими период времени“ (В. И. Срезневский. „Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского“, Памяти Измаила Ивановича Срезневского“ ПТБ. 1916, кн. 1, ст. 40 — 41).

⁸⁷⁾ В київський період своєї діяльності Метлинський особливо уважно починав працювати над збиранням і упорядкуванням українських пісень і це відчувється в його листах до Срезневського. В результаті цієї праці вийшов 1854-го року збірник його пісень „Народные южнорусские песни“. Издание Амвросия Метлинского. Киев 1854. Ст. XVIII+2+472+2+4. Збірник цей зустрів в багатьох рецензіях дуже прихильно, за винятком хіба поодиноких. В оцінці наукової родини боти Метлинського цей збірник уважався за соліднішу з його праць. „Народные южнорусские песни“ несомненно ценный сборник народного песнетворчества, до сих пор сохраняющий художественное значение, как сборник прекрасных поэтических произведений, долгое время главная справочная книга для выдающихся ученых филологов и этнографов. Уже по числу песен сборник Метлинского был выдающимся в свое время явлением. Самое богатое до него издание Максимо-вича — 1827 г. заключало 130 №№, у Метлинского свыше 400; песни разделены на 6 отделов: 1) песни дитяские или колыбельные, любовные, свадебные

семейно-родственные и поминальные; 2) песни годовые — веснянки, русальны, купальные, петровочные, комарские, гребенские, зажинные и осенние; 3) песни и думы поучительные; 4) песни и думы былевые; 5) песни бытовые или козацкие, чумацкие, бурлацко-сиротские, солдатские, промышленные и 6) песни шуточные. Деление это не выдерживает критики, что уже и было отмечено в отзывах того времени; но тогда же в оправдание Метлинского было замечено, что „вообще расположение песен довольно трудное дело и против всякого почти можно будет кое что сказать“. Сборник Метлинского был отмечен в научной литературе и вызвал много рецензий — в „Вестн. Геогр. Общ.“ 1854, XII, 13 — (весьма похвальную большую и дельную), в „Москвитинине“ 1855, IV, „Отеч. Зап.“ 1855, „Соврем.“ 1855, т. 50. В большой и дельной рецензии неизвестного автора в „Вестн. Геогр. Общ.“ сказано, что сборник Метлинского „займет почетное место в нашей этнографической литературе... и всякий занимающийся изучением народной словесности, тысячу раз поблагодарит Метлинского за его прекрасный сборник“. (Н. Сумцов *Op. cit.* ст. 86). Нова дослідниця українських дум так характеризує збірку Метлинського в порівнянні з іншими. „Коли порівняти збірку Метлинського з старшими збірками, то завважемо, що, крім методичного інтересу, вона особливо замітна багатством нових варіантів до вже відомих дум (I XII). До збірки додано програму збирання і записування пісень, цікаву тим, що в ній відчувається вже науковий підхід до опрацювання народної творчості“⁸⁸ Метлинський перейшов на кафедру російської словесности до Харкова уже професором 1854 року.

⁸⁹ Цікаве це ставлення Срезневського до автентичности дум, присланих йому Метлинським. В своїх збірках „Запорожской Старини“, вмістивши чимало пісень і роблених дум, він неохоче згадував про свої гріхи молодости і, разом з тим, скептично ставився до інших видавців народних дум. Немає сумніву, що в гарячому протесті Метлинського проти закиду у фальшування просвітує сама щирість. Але не зважаючи на далеко сумнініший підхід до народної творчости і методологічно науковіший, всеж Метлинський, як доводить то К. Грушевська, став жертвою фальсифікаторів. Деякі варіанти пісень в його збірковій уважалися сумнівними щодо своєї автентичности. Але в ті часи важко було уберегтися навіть дуже обережному етнографу.

⁹⁰ Дуже своєрідно виглядає постать Афанасьєва-Чужбинського, автора збірки українських віршів „Що було на серці“ (СПБ. 1855), багатьох російських творів, спогадів про Шевченка і т. д. в оцінках нібито приятелів його, українських письменників. Негативна характеристика його, як людини у Метлинського (бо справді, історія з виданням байок Боровиковського дуже прикра) підтверджується характеристиками інших письменників. Він сам признається, що зіпсував свої відносини із старим Квіткою, написавши ні до чого без потреби негативну рецензію на його твори. Найкольоритніше виступає його постать у „Журналі Шевченка“, що приятелював з ним 1846-року. „Самовар — тот шипеньем своим возбуждает к деятельности: это понятие. Правда, я не имел случая испытать на себе благотворное влияние самовара. Но имел случай существенно убедиться в этом волшебном влиянии на других, а именно: был у меня во время оно приятель в Малороссии, некто Г. Афанасьев или Чужбинский. 1846 г. судьба столнула нас в Цареграде не в Османской столице, а в единственном трактире в городе Чернигове. Меня судьба забросила туда по делам службы, а его по неопределимой любви к рассеянности, или, как он выражался, по влечению сердца. Я знал его, как самого неистового и неистощимого стихотворца, но не знавшего скрытого механизма, которым приводилось в движение это неутомимое вдохновение, и тогда только, когда поселились мы вместе во избежание лишних расходов во-первых, а во-вторых, чтобы как товарищи по ремеслу, созерцать друг друга во все минуты дня и ночи, — тогда только я узнал тайную пружину двигавшую это истинно неутомимое вдохновение. Пружина эта была — шипящий самовар. Сначала я не мог взять в толк, почему мой товарищ по ремеслу, не спросит когда ему вдувается стакан чаю из буфета, как я это делаю, а непре-

менно велит подать самовар; но когда я рассмотрел приятеля поближе, то оказалось, что он собственно не самовар велел подавать, а вдохновение или пружину, приводящую в движение эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, из какого источника вытекают у него такие громадные стихотворения, а оказалось, что дарчик просто открывался.

Мы прожили с ним вместе весь великий пост, и не оказалось в городе не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы он не написал в альбом не четырехстишие какое нибудь (он мелочь презирал), а полную увесистую идиллию. Если же альбома не обреталось у какой нибудь очаровательницы, как, например, у старушки Дороховой, вдовы известного генерала 1812 года, то он преподносил ей просто на шести и более листах самое сентиментальное послание.

Но это все ничего. Кто из нас без слабостей? И главное дело в том, что когда пришлось нам платить дань обладателю Цареграда, то у товарища по ремеслу не оказалось наличной дани, и я должен был заплатить не считая другие потребления, но собственно за локомотив, приводивший в движение вдохновение 23 рубля серебром, которые, несмотря на дружеское честное слово, и до сих пор не получил. Вот почему я существенно узнал действие шипящего самовара на нравственные силы человека.

В моем положении естественно, что я постоянно нуждался в копейке, и я писал ему в Киев два раза о помянутых 23 руб., но он даже стихами не ответил. Я так и подумал, что уви! Россия лишилась второго Тредьяковского, но я ошибся. Прошлой зимой в фелетоне „Р. Инвалида“ вижу на бесконечных столбцах бесконечное малороссийское стихотворение, по случаю, не помню, по какому именно случаю, помню только что отвратительная и подлая лесть русскому оружию. Ба — думаю себе — не мой ли это приятель так отличается. Смотрю, действительно он: А. Чужбинский. Так ты, мой милый, жив и здоров, да еще и подкачать научился. Желаю тебе успеха на избранном поприще, но встретиться с тобой не желаю. (Т. Шевченко. Дневник. „Пролетарий“ 1925, ст. 26—27).

Думки про Метлинского, як лектора, власне, розбігаються в спогадах його студентів, чи, власне, не так розбігаються, як спогадують то Метлинський як лектор, то Метлинський, як викладач з певними методичними принципами. Ф. Неслуховський в своїх спогадах про Костомарова „Из моих воспоминаний“ (Исторический вестник 1890 № 4) так характеризует Метлинского, як лектора. „В скучных и монотонных лекциях, читанных к тому же заунывным могильным голосом, не было намека на теорию поэзии и прозы, а просто налагались биографии выдающихся научных деятелей“. Плохой, по слабости легких, чтец — такой майже одиодушний присуд всім, хто згадає про Метлинського, як лектора. За те як методиста його характеризують позитивно. „Метлинский своими лекциями в особенности же требованием от слушателей сочинений был весьма полезен тем студентам 1-х курсов, потому что в это время в гимназиях еще действовали педагоги из литературной школы 20-х годов, заставлявших учеников писать разные песнопения и не признававшие еще права гражданства в литературе не только Гоголя, но даже и самого Пушкина. Другой тип педагогов-словесников представляли действительно литераторы по натуре, но забывшие, строчившие гладкие звучные стихи, писавшие поэмы и восторгавшиеся Пушкиным, не понимая его, но более обожавшие Бенедиктова, Марлинского и Нестора Кукольника. Весь этот литературный сумбур Метлинскому предстояло регулировать: надобно было отучить молодежь от диких понятий, вычурности в изложении мыслей, от самонадеянного и чересчур легкого отношения к литературе и приучить ее к простоте изложения, к трезвости взгляда, — и Метлинский вполне достигал этого не лекциями, а разбором студенческих сочинений. Взгляды самого Метлинского на литературу немногим отличались от взглядов Белинского; профессор был анаток и почитатель тогдашних корифеев немецкой литературы и эстетики, но всего благотворнее было влияние Метлинского, как человека. Он был образцом труда, простоты, честности, добродушия, постижение редкого. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентов. Близость его к студентам — смело можно сказать — была идеальная, товарищеская. Приобрести дружеское товари-

щеское расположение Метлинского легко было тому, кто писал недурно, кто имел страстишку пописывать стишки, кто собирал или любил народные песни, кто даже, по его украинскому мнению, отличался чистотой великорусского говора". (Н. Петров. Очерки украинской литературы XIX столетия 129—130).

⁹²⁾ Метлинский подався на демісію 1858-го року з повною пенсією за 20 років служби по проханню Ради університету. Проживаючи останні роки то за кордоном, то в Криму, він 1870-го року помер в Ялті, завдавши собі смертельної рани в стані глибокої іпохондрії, як твердять про це історики літератури. Інтересно, що з цими відомостями розбігається свідчення Ф. С. Карпова, якого ми вже тут згадували. В листі до О. О. Корсуна, із за-кордону, він так описує останні роки Метлинського. "... Из Малаги отправился я в Валенцию, а оттуда тоже морем в Марсель. Из Марселя в Кан, бывшее местопребывание лорда Брума и Амвросия Могилы, который зимовал там во время двухлетнего своего пребывания за границей. Кстати о Могиле. По возвращении из-за границы он поселился в Симферополе и пробыл там 4 года. Прошлую зиму он провел в Ялте и прошлого мая там же застрелился. С умыслом ли он сделал это, или нет — это вопрос, но большинство в Ялте думает, что только неосторожное обращение с револьвером было причиной смерти. После выстрела он жил еще 4 дня. Он оставил 14.000 руб. Мир праху его, лежащему на высокой горе подле греческой церкви, откуда открывается единственный очаровательный вид на море, Ялту и ее окрестности". (Оригінал листа переходується в архіві Корсуна в Пушкінському домі).

ЗМІСТ II-го ТОМУ

А. Шамрай. Мотиви „національної туги“ в творчості І. Гапки. та А. Могили . 5

ДУМКИ І ПІСНІ

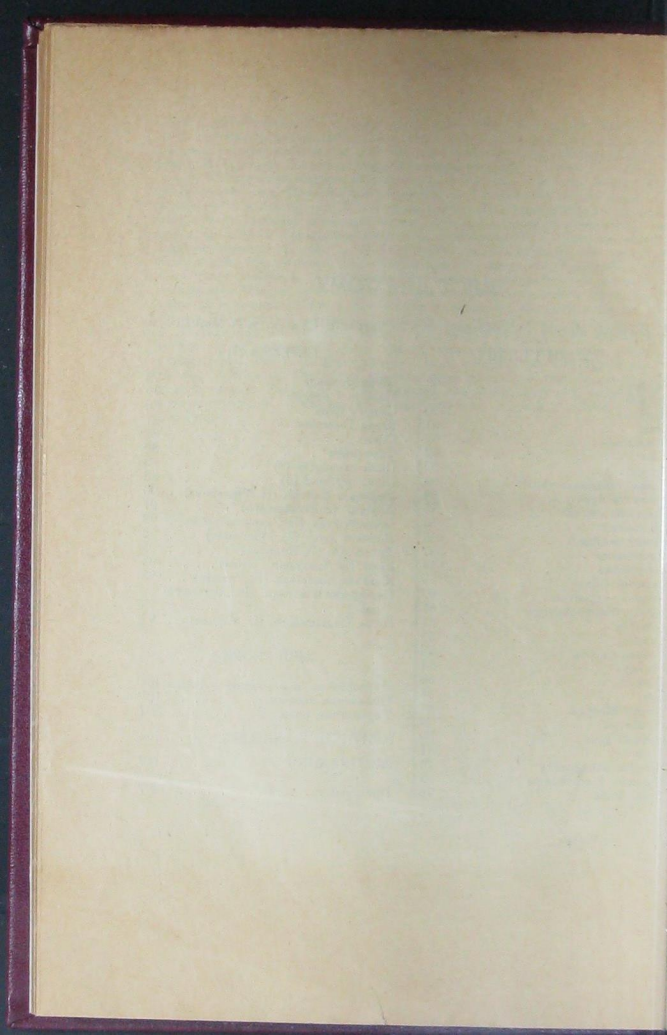
Бандура	49
До нас	49
Зрадник	50
Степ	51
Кладовище	52
Спис	52
Чарка	52
Козак, гайдамак, чумак	53
Козак та буря	54
Підземна церква	55
До гостей	56
Пішли навітіаці	56
Покотиполе	57
Бабусенька	58
Самотні співці	59
Дитина - сиротина	60
Думка. Червонорусця	61
Гетьман	62
Старець	63
Козача смерть	63
Гулянка	64
Шинок	66
Ніч	67
Пожар Москви	69
В'язонько	70
Добрий день	70
Глек	71
Смерть бандуриста	74
Розмова з покійними	75
Рідна мова	76

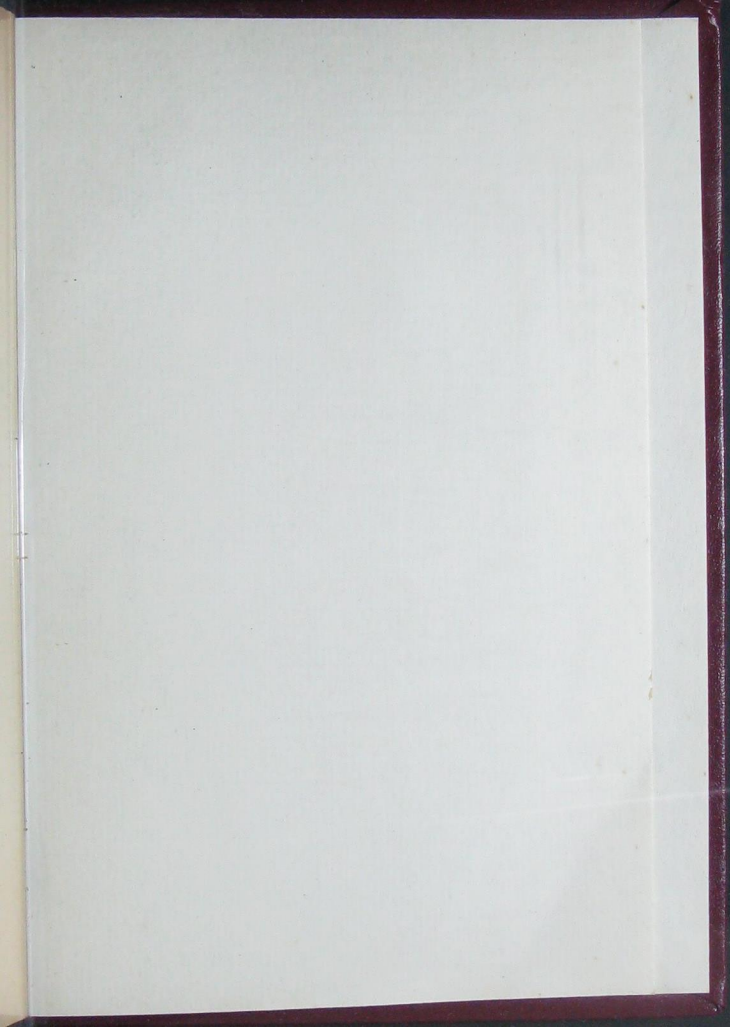
ПЕРЕКЛАДИ

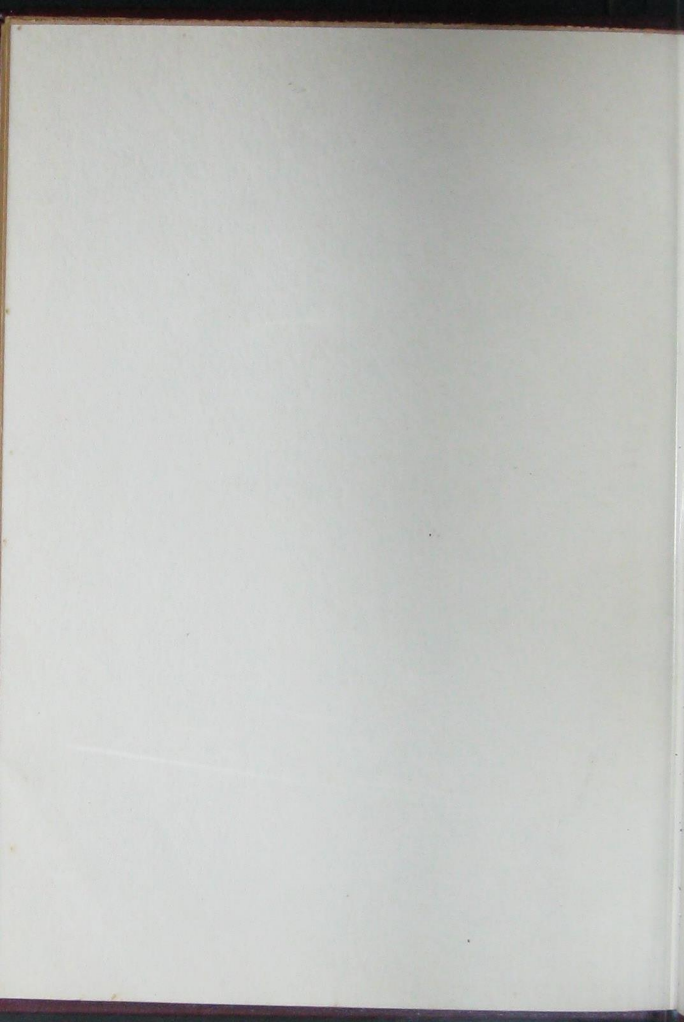
Нічна розмова	78
Милого з милою	79
Смерть царя	80
Бенес Германов	81
Олень	82
Сиротинка	82
Пісні словацькі (9)	83
Пісні сербські (3)	88
Морлак в Венеції (Із Міцкевича)	90
Дорога. (З Вітвіцького)	91
Чорнобривка. (Із Суходольського)	92
Приязні душі. (Із Маттісона)	92
Добра ніч. (Із Кернера)	93
Було. (Із Анастасія Грюна)	93
Хлопчик пастушок. (Із Улянда)	95
Навіщення із могили. (Із Еленшлегера)	95
Пісня Садівничого. (Із Улянда)	95

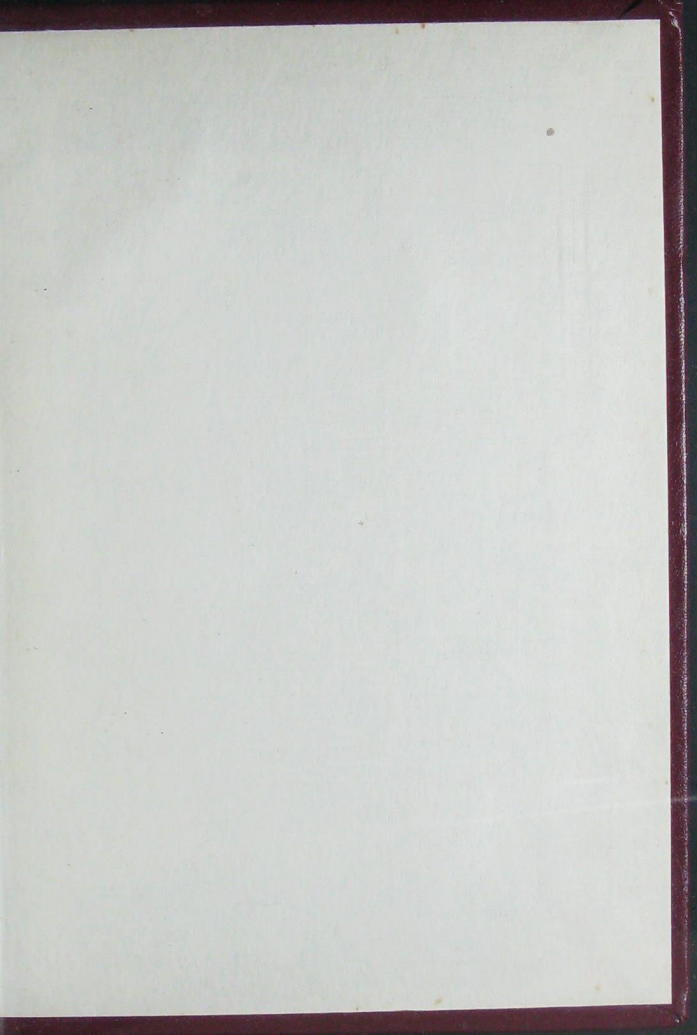
ІНШІ ТВОРИ

Із послання к приятелю в Києве	101
Ополчение козаков	101
Украинские ночи	102
КРИТИЧНІ РОЗПРАВИ	103
ЛИСТУВАННЯ	119
Примітки	207

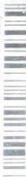

U.S. - Kazan University National University

00672848

5